

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 3 (35)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2019**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 3 (35)

Published since 2008

Quarterly

**Moscow
2019**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**Реморенко И.М.**

председатель

Рябов В.В.

заместитель председателя

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Агранат Д.Л.

ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования Российской Федерации
президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО
первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук,
профессор, академик РАО
проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**Тарева Е.Г.**

главный редактор

Викулова Л.Г.

заместитель главного редактора

Смирнова А.И.

заместитель главного редактора

Алмазова Н.И.

доктор педагогических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский
государственный политехнический университет Петра Великого)**Афанасьева О.В.**

доктор филологических наук, профессор

Беляева И.А.

доктор филологических наук, профессор

Бубнова И.А.

доктор филологических наук, доцент

Борботько Л.А.,

ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Геймбух Е.Ю.

доктор филологических наук, профессор

Джанумов С.А.

доктор филологических наук, профессор

Кафтанджиев Христодоктор филологии, почетный доктор, профессор
(Софийский университет им. св. Климента Охридского, Болгария)**Курдюмов В.А.**

доктор филологических наук, профессор

Матвеева И.И., секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Поршнев Е.Р.доктор филологических наук, профессор (Нижегородский
лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова)**Прохоров Ю.Е.**доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор
(Санкт-Петербургский государственный университет)**Радченко О.А.**доктор филологических наук, профессор
(Московский государственный лингвистический университет)**Романова Г.И.**

доктор филологических наук, доцент

Сагаэ Мицунори

доктор филологии, доцент (Университет Сока, Токио, Япония)

Собянина В.А.

доктор филологических наук, профессор

Судейманова О.А.

доктор филологических наук, профессор

Сурьянараян Нилакши

доктор филологии, профессор (Делийский университет, Индия)

Тышковска-Каспшак

доктор филологии, доцент

Эльжбета

(Вроцлавский университет, Польша)

Чернявская В.Е.доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербургский
государственный политехнический университет Петра Великого)**Чупрына О.Г.**

доктор филологических наук, профессор

Языкова Н.В.

доктор педагогических наук, профессор

Ярыгина Е.С.

доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Макарова С.А.* Метроритмические эксперименты
в лирике И.Л. Сельвинского 1920-х гг.8
- Красовицкая Ю.В.* Попытка преобразования мира
в драматургии немецкого экспрессионизма16
- Калашиников С.Б.* «Воображаемый разговор
с Александром I» и формирование метасюжета
«поэт vs царь» в творчестве А.С. Пушкина
1824–1826 гг.24

Русистика. Германистика. Романистика

- Собянина В.А.* О некоторых лексических особенностях
немецкого косметологического дискурса в сети Интернет33
- Шаповал В.В.* Устойчивые закрытые списки слов
как объект текстологии ранних славянских словарей42

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Шильная Н.Н.* Гомологическая симметрия лексем
и текста как семиотическое условие деривационного
функционирования текста (на материале текстов
повседневной сетевой коммуникации).....51
- Сворцов А.В., Кондратова Т.И.* Трансформация
поэтических образов при переводе стихотворения
Бо Цзюйи «Старый торговец углем»62

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

<i>Домбровский Т.С.</i> Русская письменная речь в польской филологической аудитории — виды заданий и методические аспекты работы	73
<i>Гуляниц А.Б., Гуляниц С.Б.</i> Подготовка будущих учителей к применению здоровьесберегающих технологий в инклюзивном иноязычном образовании	83
<i>Коханова В.А., Канунникова И.А.</i> Проектирование моделей сценариев уроков литературы в информационной среде «Московская электронная школа»	92

Слово молодым ученым

<i>Чаплин Е.В.</i> Метонимия и метафора в сфере предиката (на примере глаголов говорения)	100
<i>Аверина М.А.</i> Автобиографическая проза К.В. Назарьевой: между реальностью и мифом	107
<i>Ризаева К.В.</i> Антигерой в произведениях Ф.М. Достоевского и М.Н. Альбова	113
<i>Мухачев Д.А.</i> Зрение, память, возвращение: концепты художественного мира В. Набокова	120
<i>Юркина А.Ю.</i> Особенности экспозиции как жанрового компонента структуры романа С. Моэма «Узорный покров»	127

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2019, № 3 (35)	134
--	-----

Требования к оформлению статей	138
---	-----

CONTENTS

Literary Science

- Makarova S.A.* Metric and Rhythmical Experiments
in I.L. Sel'vinsky's Poetry of the 1920-s.....8
- Krasovickaya Yu.V.* An Attempt to Transform the World
in German Expressionism Drama16
- Kalashnikov S.B.* «The Imaginary Conversation with Alexander I»
and Formation of a Metaphor «Poet vs Tsar» in A.S. Pushkin's
Works of 1824–182624

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Sobyanina V.A.* On Lexical Features of German Cosmetological
Internet Discourse33
- Shapoval V.V.* Stable Closed Wordlists as an Object
of Textual Criticism in Early Slavic Dictionaries42

Linguistic Theory. Cross-Cultural Communication Theory

- Shpilnaya N.N.* Homological Symmetry of Lexeme and Text
as Semiotic Condition of Derivational Functioning of the Text
(Based on the Routine Network Communication Texts)51
- Skvortsov A.V., Kondratova T.I.* Transformation of Poetic Images
while Translating «The Old Charcoal Seller» by Tang Poet Bai Juyi62

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

<i>Dabrovsky T.S.</i> Russian Written Speech in the Polish Philological Audience — Types of Compositions and Methodological Aspects of Work.....	73
<i>Guliyants A.B., Guliyants S.B.</i> On Training Teachers to Apply Health Saving Technologies in Inclusive Education at Schools	83
<i>Kohanova V.A., Kanunnikova I.A.</i> Designing Lesson Plans for Literature Classes Within the Information Space «Moscow E-school»	92

Young Scientists' Platform

<i>Chaplin E.V.</i> Metonymy and Metaphor in the Field of Predicate (on the Example Verbs of Speaking)	100
<i>Averina M.A.</i> K.V. Nazaryeva's Autobiographical Prose: between Reality and Myth	107
<i>Rizaeva K.V.</i> The Concept of Antihero in F.M. Dostoevsky's and M.N. Albov's Works	113
<i>Muhachyov D.A.</i> Vision, Memory, Return: Concepts in V. Nabokov's Artistic World	120
<i>Yurkina A.Yu.</i> Features of Exposition as Novel Structure Genre Component in «The Painted Veil» by W. Somerset Maugham	127

Authors of «MCU Vestnik», Series «Philology. Theory of Linguistics.

Linguistic Education», 2019, № 3 (35)	134
---	-----

Style Sheet	138
-------------------	-----

С.А. Макарова

Метроритмические эксперименты в лирике И.Л. Сельвинского 1920-х гг.

Метроритмические эксперименты в лирике И.Л. Сельвинского 1920-х гг. взаимосвязаны как с эстетикой конструктивизма, так и с теорией тактового стиха, полемично развивавшихся в контексте утверждения декламационно-тонической системы стихосложения и идейно-художественных инноваций футуристов. Исследование структуры дольников, тактовиков, переходных форм, акцентного стиха в творчестве поэта-конструктивиста, выявившего в искусстве версификации музыкальные основы, позволяет говорить о Сельвинском как о «виртуозе стиха».

Ключевые слова: силлаботоника; инновационные формы; теория тактового стиха; музыкальные основы версификации; конструктивизм и футуризм.

Период стремительного творческого взлета и поэтической славы И.Л. Сельвинского (1899–1968) совпадает с эпохой бурного строительства социалистического государства и беспрецедентного интереса к звучащему стиху, живому слову. В 1920-е гг. поэт выступает со своими сочинениями на сценических площадках Москвы, в 1921 г. он принят в Союз поэтов и замечен В.В. Маяковским, в 1926 г. выходит в свет первый сборник его стихов «Рекорды». В автобиографических записках «Черты моей жизни» Сельвинский передает атмосферу того времени: в начале 1920-х гг. Москва была взбудоражена «новаторской стихией революции», «дикое количество кишащих групп и группочек ежеминутно выбрасывало в воздух манифесты, платформы и декларации», поэты дерзко экспериментировали, потому что «классические формы русского стиха звучали для них (“истов”) как нечто неприличное» [10, с. 334]. Сельвинский, вовлеченный в атмосферу послереволюционного переустройства жизни и оказавшийся в центре поэтических событий, не мог не отозваться на требования эпохи масштабных инноваций:

в 1920-е гг. он был одним из лидеров нового художественного течения — конструктивизма. В «Клятвенной конструкции конструктивистов-поэтов» (1922–1923), написанной А. Чичериным и И. Сельвинским, не только обосновываются ключевые понятия авангардного течения («конструкция», «конструэма», «конструктивизм») и его «жизнестроительные» задачи («организация жизни»), но и декларируется идея «высшего мастерства» поэтов-модернистов, ибо «конструкция — яркий пример того, как “форма” может “содержать” <...> силу единства» [7, с. 259–261].

Смелая эстетическая программа конструктивистов сопровождалась поисками деталей поэтики высшего мастерства, что влекло за собой утверждение новой разновидности русской версификации — тактового стиха. В теоретической разработке концепции тактового стиха большая роль принадлежит А.П. Квятковскому, он же ввел в научный оборот термин «тактовик», в разных интерпретационных формах утвердившийся в современном стиховедении [4, с. 79–90]. В тактовом стихе конструктивисты обнаруживают принципы музыкально-тактовой организации звукового материала (одним из первых с подобными доказательствами выступил А.М. Кубарев в работе 1837 г. «Теория русского стихосложения»). К началу 1920-х гг. «почти одновременно появляется целый ряд работ, в которых демонстрируются самые разные подходы к проблеме» [3, с. 47]. Это исследования Д.Г. Гинцбурга, Божидара (Б.П. Гордеева), Б.М. Эйхенбаума, В.М. Жирмунского, Л.Л. Сабанеева, М.П. Малишевского, посвященные музыкальности звучащей речи, «музыке» русского стиха. Но в 1920-е гг. музыкально-тактовая концепция версификации — исторически неоднозначная и методологически уязвимая — не только не отвергается, напротив, она получает дальнейшее развитие, в том числе и у конструктивистов, что обусловлено распространением неклассических форм стихосложения и небывалым интересом к живому слову.

Следует подчеркнуть, что утверждение конструктивизма в 1920-е гг. происходило в условиях полемики и творческой конкуренции с поэтами-футуристами: тактовый стих представлял реальную альтернативу декламационно-тонической системе версификации. При этом сторонники тактовика отвергали экспрессию акцентного стиха, «лесенки» Маяковского, не чувствуя в метроритмике футуристов «ворожбы» [12, с. 93]. Сельвинский задавался весьма симптоматичным вопросом: неужели Маяковский не слышал «безмузыкальности» четырехударной тоники, ведь этот размер «убивал в стихе кантилену» [11, с. 393]. Что касается Маяковского, то дух соперничества не помешал лидеру футуризма признать стихотворный талант главного идеолога конструктивизма — многие современники считали, что по стихотворной технике произведения Сельвинского были значительно выше сочинений Маяковского [6, с. 230; 12, с. 94–95]. Вместе с тем поэты-теоретики принципиально разошлись во взглядах на лирическое творчество и искусство версификации, агитационный стиль и идейный пафос произведений. Смерть Маяковского заставила многое переосмыслить — в 1930 г. Сельвинский писал: раньше

«Я был во главе отряда, / Который с ним враждовал», теперь «Я творческой унией соединю / С дредоутами эпических полчищ / Агитки твои, налитые желчью, / Лозунги, посвященные дню» [1, с. 130–131].

Вспоминая ранний период своего творчества, Сельвинский заметил: «...я усиленно прислушивался к музыкальному звучанию стиха. В гекзаметре “Коня” мною введены растяжения гласных, это попытка дать “долгую” гласную античного стиха» [6, с. 19]. Несмотря на то что свою концепцию теории и истории русской версификации Сельвинский изложил значительно позднее, — в книге «Студия стиха» (1962), обобщающей опыт преподавания в Литературном институте им. А.М. Горького, — именно итоговая стиховедческая работа поэта-практика дает ключ к трактовке его метроритмических экспериментов 1920-х гг. В качестве основополагающей Сельвинский выдвигает идею певучести, свойственной как обыденной речи, музыке, так и стиху, — в поэтических произведениях певучесть проявляется в чередовании ударных и безударных слогов [11, с. 363–366]. В истории стихосложения поэт-теоретик выделяет две разновидности форм: одни — подчиняются законам музыкального ритма, другие — стопной организации. Сельвинский признает, что в паузнике (дольнике) русские символисты вернули стиху «звуки и краски», в ударнике (акцентном стихе) Маяковский открыл еще большие возможности для стихотворной просодии, но перспективы развития отечественной версификации он видит в продолжении метроритмических инноваций и утверждении тактового стиха [11, с. 380–399].

Тактовик «звонит в мир какой-то особой музыкальностью» [11, с. 401], убежден Сельвинский, ибо тактовый стих не скандируется, а дирижируется с учетом разнообразных звуковых пауз, растяжений и сокращений слов, изменений темпа произнесения ритмических единиц, контрапунктических ходов. Дирижирование тактовика основывается на принципе изохронности поэтических строк: «Время звучания строки должно быть определенным, но сочетание сильных и слабых слогов может быть абсолютно свободным» [11, с. 404]. Поэт отвергает внешние эффекты стихотворной музыкальности, связанной со звучащим текстом, и бескомпромиссно критикует Г. Киселева за искусственное указание смены среднего, медленного, быстрого темпов исполнения в поэтическом сочинении: «...в “Музыкальном прелюде”, построенном на дешевой игре с музыкальной терминологией — *andante*, *largo*, *allegro*, — много пошлости» [9, с. 22]. Музыкальность, певучесть стихотворной речи извлекаются исключительно из внутренней структуры поэтических строк — именно в ней Сельвинский находит аналогии с метроритмической организацией такта в произведениях музыкального вида искусства.

Идейная завершенность концепции тактового стиха позволяет сделать обобщение: «Тактовый стих не что иное, как музыка поэтической речи, то есть ее музыкальный ритм» [8, с. 18–19]. Но за этим умозаключением следуют закономерные размышления: музыкальность тактовика объективируется в результате звукового воплощения стихотворного текста, темп и нюансы

которого предлагаются автором, что весьма субъективно [11, с. 409]. «Музыкальные» особенности словесной декламации не могут быть зафиксированы графически: словесное искусство не располагает подобными средствами. Изохронность строк — тоже относительный показатель, так как речь идет не о квантитативной, а о квалитативной версификации. Утвердившийся в эпоху расцвета живого слова и музыкальных теорий стиха, тактовик объективно оказался взаимосвязан отнюдь не с музыкальностью, а с главными тенденциями литературного процесса 1920-х гг.

Из автобиографических записок поэта следует очевидное: стремительно меняющиеся формы жизни Советской России приводят Сельвинского к осмыслению проблемы героя эпохи, а «человек в искусстве слова» — «это прежде всего язык» [10, с. 336]. В строящемся социалистическом государстве «героем эпохи» становится разноязычие — в лирическом творчестве поэт ищет «новую интонацию повествования, пригодную для изображения типов самых различных социальных групп» [10, с. 335]. Сельвинский признается: «Это толкнуло меня на эксперимент. Я пытался передать стихом то, что до сих пор считалось антипоэтичным: говоры, акценты, жаргоны <...> Все эти языковые краски не ложились ни в ямбы, ни в паузник, ни в ударник — они звали к неизмеримо более обширной клавиатуре: потребовалось создание *тактовой* просодии» (курсив автора. — С. М.) [10, с. 335–336]. Тактовый стих был востребован исторически, потому что позволял — как никакая другая метроритмическая форма — воссоздать многоголосие послереволюционной эпохи, далеко не всегда музыкальной.

Концепция метроритмической организации тактового стиха дает возможность обнаружить структурное единство практически во всех классических и неклассических разновидностях отечественной версификации — от ямбов Сельвинского в венке сонетов «Юность» (1920) до его экспериментального размера в «Сонете» (1927): «Дол / Сед. / Шел / Дед. / След / Вел — / Брел / Вслед. / Вдруг / Лук / Ввысь: / Трах! / Рысь / В прах» [1, с. 75]. Действительно, для лирического творчества Сельвинского 1920-х гг. характерно взаимодействие старых и новых стихометрических форм. Из 60 проанализированных текстов силлабо-тонические размеры используются в 28 стихотворениях (47,8 %): ямбы — 21 (35 %), хорей — 4 (7 %), анапест — 1 (1,8 %), полиметрические композиции — 2 (3,4 %). Неклассические разновидности стиха встречаются в 32 произведениях (52,2 %): дольники — 15 (26 %), тактовики — 12 (20 %), переходные формы — 2 (3,4 %), верлибры — 2 (3,4 %).

Как видим, в лирике Сельвинского 1920-х гг. количественный показатель инновационных форм, появившихся еще в творчестве символистов, очень высок. Между тем их структура индивидуальна. Поэт активно обращается к выразительным возможностям дольников, в которых междуударный интервал варьируется в диапазоне 1–2 слогов: «Однажды сам Бабакай / Повесил халат на гвоздик / И пошел на два пятака / Поиграть немножечко в кости»

(1 – 1 – 2 – 0 / 1 – 2 – 1 – 1 / 2 – 1 – 2 – 0 / 2 – 1 – 2 – 1)¹ [2, с. 100]. Но во многих сочинениях «правильные» строки дольников чередуются с силлабо-тоническими и тактовиковыми стихами, что приводит к постоянным ритмическим перебоям и свободному интонационному голосоведению. Аналогичные явления наблюдаются в тактовиках, варьированный междуударный интервал которых увеличивается от 0/1 до 3 слогов: «В наше время, во время революции, / Надо же какое-нибудь разделение труда». / Никакая статуя и никакой памятник / Ни тут, ни за границей, ни где-нибудь еще <...> / Зубы от злобы враскрошь — пемзой... / Оробели ребята... Обмякло железо-то... / Взяла тута оторопь и Тамбов и Пензу» (0 – 1 – 2 – 3 – 2 / 0 – 3 – 5 – 3 – 0 / 2 – 1 – 5 – 0 – 2 / 1 – 3 – 2 – 3 – 0 / 0 – 2 – 2 – 0 – 1 / 2 – 2 – 2 – 2 – 2 / 1 – 2 – 4 – 1 – 1) [2, с. 107]. Многосложные лексемы и двойственно ударные слова трансформируют структуру стиха, расширяя междуударный интервал до 4 и даже 5 слогов, — становится очевидно, что тактовики Сельвинского тяготеют к переходным формам.

Метроритмическая организация собственно переходных форм не менее оригинальна: в стихотворениях 1920-х гг. Сельвинский осваивает новые исторические и политико-экономические темы, язык статистики и бюрократии, людей разных национальностей и социальных групп. Содержательные инновации влекут за собой нестандартные художественные решения: в рамках одного произведения становятся допустимы чередования силлабо-тонических и дольниковых строк, хореические ритмы частушки и двуударный акцентный стих: «Через ров под откос / За парюю русых кос / Андел сунул ногу в стрéмя / И понес, стрéмя», «В огороде бузина, / На баштане дыня. / Ты меня любил вчера, / Я другого ныня», «Меч-от вороненый / Звенит-голосится — / Брехала ворона, / Граяла лисица» [1, с. 128–129]. В редких фрагментах текста поэт использует стихотворную «лесенку», которая усиливает ударность тонических строк. Сельвинский впускает в свои сочинения разноязычие и живое слово эпохи: смесь русского, еврейского, татарского, украинского говора, просторечие, жаргон, звукоподражания, цыганские распевы, что оказывается структурно близко неклассическим формам версификации и тактовому стиху, отличающемуся достаточно свободным интонационно-ритмическим строем: «Он! А знаменитэр ин Одэсс блатной» (0 – 3 – 3 – 1 – 0), «Прыгает к версте полосатая верста... / Дррр, как тын, гарагачут под палочкой, / Уж ты моя ль расписная красотаа — / Горыбаносая, черная, галочья» (0 – 3 – 2 – 3 – 0 / 0 – 1 – 2 – 2 – 2 / 1 – 1 – 2 – 3 – 0 / 3 – 2 – 2 – 2) [2, с. 105, 103].

В данной связи не случайным представляется обращение Сельвинского к верлибру: «Из пены этой в жабрах и хвосте / Выплескивается морской конек, / А из него рыбина. Хвост и жабры / Затем растаяли. (Четвертый мес-яц.) / На рыбе появился рыжий мех / И руки. / Их четыре» (1 – 1 – 1 – 3 – 0 /

¹ Здесь и далее, согласно принятым в стиховедении схемам, знак «→» соответствует метрически ударному слогу, а цифры — количеству безударных слогов в анакрузах, междуударных интервалах и клаузулах.

1 – 5 – 1 – 0 / 3 – 0 – 3 – 1 – 1 / 1 – 1 – 3 – 1 – 1 / 1 – 3 – 1 – 1 – 0 / 1 – 1 / 2 – 1) [2, с. 149]. Учитывая многообразие форм свободного стиха, заметим: верлибры Сельвинского — «правильные». В них отсутствуют рифмы, изосиллабизм и изотонизм строк, им свойственны *enjambement*. Это свидетельствует о прозаизации свободного стиха, которая проникает и в другие инновационные формы Сельвинского 1920-х гг. В единстве с содержательными изменениями лирического творчества, метро-ритмическая и интонационно-синтаксическая организация дольников, тактовиков, переходных форм, верлибров объективно сообщает стиху поэта не музыкальность, теоретически обоснованную в концепции тактового стиха, а говорной стиль и прозаическую тональность.

Уже в 1920-е гг. Сельвинский одержим идеей создания эпической поэзии, стихотворной драмы, он автор поэм «Рысь», «Улялаевщина», «Записки поэта», романа в стихах «Пушторг», трагедии «Командарм-2» и др. В 1930–1960-е гг. замыслы поэта воплощаются еще более масштабно, потому художественные эксперименты в лирике 1920-х гг. можно рассматривать в качестве своеобразной студии стиха, творческой прелюдии на пути к утверждению эпоса и драматургии советской эпохи: «Все для меня в стихе заключено», — признавался Сельвинский [2, с. 90].

Результаты статистического анализа слогового состава поэтических анакруз и клаузул подтверждают выводы о прозаизации стиха Сельвинского. Из 60 сочинений 1920-х гг. нулевую анакрузу имеют пять произведений (8,3 %), односложную — 23 (38,4 %), двусложную — два (3,3 %). Но переменные анакрузы преобладают — вариативное начало строк встречается в 30 текстах (50 %): «Кабинет, обтянутый белым медведем. / Левую бровь приподнявши хитро, / Паршивый старичишка — браунингом взведен / Над индексом падения австрийских крон» [1, с. 69]. Структуру стихотворных окончаний можно рассматривать как инновационную: мужская клаузула наблюдается в трех произведениях (5 %), женская — в двух (3,3 %). Зато переменные клаузулы с композиционно не урегулированным чередованием мужских, женских, дактилических и гипердактилических окончаний используются в 55 сочинениях (91,7 %): «И вечно молил двуногий буль / Манто или несессерчик: / “Узнайте, друзья, предложить ей могу ль / Переднюю лапу и сердце?” <...> Но бедный буль — недоучка. / И в обожаньи неистовом / Ничего не придумал лучше, как / Сделаться фетишистом»; «NN позвонить? Подойдет она, рыженькая: / — Как? Это вы? Анекдот. — / Звонить NN? А на кой мне интрижка? / Меня же невеста ждет!» [1, с. 73; 2: с. 140].

Варьированные анакрузы и клаузулы разрушают ритмическую инерцию на границах поэтических строк и константных межстиховых пауз, приближая звучание произведений Сельвинского к ритму прозаической речи. Первичный ритм стиха подчеркивается не столько метроритмическими, сколько фонетическими средствами, среди которых особой экспрессией обладают рифмы с элементами языковой игры — «повторы-отзвучия», «эхо-конструкции» [5, с. 35–37]. Белым стихом написано только два стихотворения (5 %).

Во всех остальных случаях задействованы либо сочетания парной, перекрестной и кольцевой рифмовки — 22 произведения (36,7 %), либо перекрестная рифмовка — 35 текстов (58,3 %). Но стоит подчеркнуть: холостые стихи в лирическом творчестве поэта-конструктивиста не редкость, к тому же в рамках одного сочинения Сельвинскому интересно варьирование разных способов рифмовки, а это, в свою очередь, тоже ослабляет ритмическую инерцию на стыке поэтических строк и межстиховых пауз, способствуя возникновению интонационных перебоев, прихотливого, практически импровизационного рисунка стихотворного ритма, родственного стихии устного прозаического высказывания.

Творчество Сельвинского энциклопедично с точки зрения разнообразия стихометрических и композиционных форм — поэт не отрицал того, что синтезировал в своем версификационном почерке обретения разных художественных эпох и авторов: «Люблю великий русский стих, / Не всеми понятый, однако, / И всех учителей своих — / От Пушкина до Пастернака» [2, с. 367]. А.В. Луначарский справедливо называл Сельвинского «виртуозом стиха», «Францем Листом в поэзии» [6, с. 230]. Эпоха конструктивизма стала трамплином для последующих новаторских поисков поэта, хотя в зрелый период творчества в стихотворных сочинениях Сельвинского начинают преобладать классические формы — поэт осознавал, что опыт мастерства преодолел в его стихосложении романтику экспериментирования: «Что касается меня лично, то я уже давно перерос юношескую стадию экспериментаторства: мастерство ушло у меня в кончики пальцев» [11, с. 64].

Библиографический список

Источники

1. *Сельвинский И.Л.* Избр. произв. Л.: Сов. писатель, 1972. 960 с.
2. *Сельвинский И.Л.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Худ. лит., 1971. Т. 1. 711 с.

Литература

3. *Бирюков С.Е.* Теория и практика русского поэтического авангарда. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998. 187 с.
4. *Гаспаров М.Л.* Тактовик в русском стихосложении XX в. // *Вопр. языкознания.* 1968. № 5. С. 79–90.
5. *Дрога М.А.* Рифмованные сложения как элементы языковой игры // *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование.* 2015. № 4 (20). С. 35–41.
6. О Сельвинском. Воспоминания / сост.: Ц.А. Воскресенская, И.П. Сиротинская. М.: Сов. писатель, 1982. 400 с.
7. От символизма до «Октября». Литературные манифесты / сост.: Н.Л. Бродский, Н.П. Сидоров. М.: Новая Москва, 1924. 303 с.
8. *Резник О.С.* Жизнь в поэзии: Творчество И. Сельвинского. М.: Сов. писатель, 1972. 528 с.
9. *Сельвинский И.Л.* Письма к студентам. М.: Сов. Россия, 1965. 72 с.

10. *Сельвинский И.Л.* Черты моей жизни // Советские писатели. Автобиографии: в 2 т. М.: Госиздат худ. лит., 1959. Т. 2. С. 332–338.
11. *Сельвинский И.Л.* Я буду говорить о стихах. М.: Сов. писатель, 1973. 504 с.
12. *Сидорина Е.В.* Лики конструктивизма // Сидорина Е.В. Конструктивизм без берегов. Исследования и этюды о русском авангарде. М.: Прогресс-Традиция, 2012. С. 15–124.

References

Istochniki

1. *Sel'vinskij I.L.* Izbr. proizv. M.: Sov. pisatel', 1972. 960 s.
2. *Sel'vinskij I.L.* Sobr. soch.: v 6 t. M.: Xud. lit., 1971. T. 1. 711 s.

Literatura

3. *Biryukov S.E.* Teoriya i praktika russkogo poe'ticheskogo avangarda. Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 1998. 187 s.
4. *Gasparov M.L.* Taktovik v russkom stixoslozhenii XX v. // Vopr. yazy'koznaniya. 1968. № 5. S. 79–90.
5. *Droga M.A.* Rifmovanny'e slozheniya kak e'lementy' yazy'kovoj igry' // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoye obrazovanie. 2015. № 4 (20). S. 35–41.
6. O Sel'vinskom. Vospominaniya / sost.: Cz.A. Voskresenskaya, I.P. Sirotinskaya. M.: Sov. pisatel', 1982. 400 s.
7. Ot simbolizma do «Oktyabrya». Literaturny'e manifesty' / sost.: N.L. Brodskij, N.P. Sidorov. M.: Novaya Moskva, 1924. 303 s.
8. *Reznik O.S.* Zhy'zn' v poe'zii: Tvorchestvo I. Sel'vinskogo. M.: Sov. pisatel', 1981. 528 s.
9. *Sel'vinskij I.L.* Pis'ma k studentam. M.: Sov. Rossiya, 1965. 72 s.
10. *Sel'vinskij I.L.* Cherty' moej zhizni // Sovetskie pisateli. Avtobiografii: v 2 t. M.: Gosizdat худ. lit., 1959. Т. 2. С. 332–338.
11. *Sel'vinskij I.L.* Ya budu govorit' o stixax. M.: Sov. pisatel', 1973. 504 s.
12. *Sidorina E.V.* Liki konstruktivizma // Sidorina E.V. Konstruktivism bez beregov. Issledovaniya i e'tyudy' o russkom avangarde. M.: Progress-Tradiciya, 2012. S. 15–124.

S.A. Makarova

Metric and Rhythmical Experiments in I.L. Sel'vinsky's Poetry of the 1920-s

Certain metric and rhythmical experiments in I.L. Sel'vinsky's poems released in the 1920-s correlate both with the aesthetics of constructivism and with the theory of tact-based verses. Both the concepts were polemically developing under the context of recitation-tonic system of versification as well as conceptual and artistic innovations of the futurists'. The structure of dolnics, tact-based verses, transitional forms, accentual verse analyzed on the bases of the constructivism poet's works. The latter identified musical foundations in the versification art which proves Sel'vinsky to be a «verse virtuoso».

Keywords: accentual-syllabic; innovative forms; theory of tact-based verse; musical foundations of versification; constructivism and futurism.

УДК 821.112.2

DOI 10.25688/2076-913X.2019.35.3.02

Ю.В. Красовицкая

Попытка преобразования мира в драматургии немецкого экспрессионизма

В статье рассматривается одна из ключевых идей драматургии немецкого экспрессионизма — стремление к духовному обновлению человека и общества путем возрождения первоначальной, неиспорченной природы людей. Доказывается, что в анализируемых пьесах преобразование приобретает черты искусственной модели, христианского чуда или утопии. Делается вывод о том, что драматургам-экспрессионистам духовное возрождение человечества представлялось расплывчатой мечтой и недостижимым идеалом.

Ключевые слова: экспрессионистская драма; «новый человек»; преобразование мира; утопические представления; христианское чудо.

Немецкоязычный экспрессионизм (1910–1920-е гг.) стал уникальным явлением мировой культуры. Одной из ключевых характеристик экспрессионистской драматургии было подчеркнутое стремление к обновлению и преобразению мира. Под обновлением в первую очередь подразумевалось возрождение духовности, ведущее к освобождению человеческой личности из-под гнета материальных ценностей и механистических законов цивилизации. В пьесах создавались модели будущего, при этом каждый раз они отличались своей незавершенностью, искусственностью и оторванностью от реальных условий жизни.

Отечественные и зарубежные исследователи не раз отмечали присущую экспрессионистским драмам утопичность [4, с. 5; 9, с. 64]. В некоторых произведениях (Э. Толлер «Преобразование», «Человек-масса»; Л. Рубинер «Без насилия»; П. Цех «Башня», «Братание») позиция писателей тесно переплеталась с идеями утопического социализма, тем не менее экспрессионизм никогда не сливался с политикой. Как правило, в пьесах не выдвигалось никакой определенной программы действий, а изображаемые братские общины больше напоминали расплывчатые видения (Г. Кайзер «Ад – путь – земля», П. Цех «Братание», И.Р. Бехер «Рабочие. Крестьяне. Солдаты. Прорыв народа к Богу»).

Кроме того, идея создания идеальных общин, базировавшаяся на стремлении к установлению всеобщего равенства, вступала в противоречие с унаследованным из философии субъективизма Э. Гуссерля подчеркнутым вниманием драматургов к развитию и самоопределению каждой отдельно взятой личности [8, S. 41; 10, S. 92]. Все это приводило к появлению в пьесах несостыковок

и недосказанности, превращавших любое позитивное решение в неосуществимую мечту [12, S. 278]. Результатом развенчания надежды на всеобщее обновление становились экспрессионистские антиутопии (В. Газенклевер «Царство», Э. Толлер «Человек-масса», «Разрушители машин», П. Цех «Колесо», Г. Кайзер «Коралл», «Газ», «Газ. Вторая часть»).

В контексте данной проблемы небезосновательным представляется вопрос о том, насколько сами писатели верили в свои идеалы. Целью проводимого анализа является попытка доказать, что драматурги всякий раз с бóльшей или меньшей очевидностью подчеркивали нереальность создаваемого ими совершенного образа мира. Для достижения поставленной цели необходимо выделить особенности изображаемого в драмах процесса обновления, а также отметить появляющиеся противоречия и указать на их важность для восприятия произведения в целом.

В число рассматриваемых в статье пьес входят следующие работы: «Ад – путь – земля» (Hölle Weg Erde, 1919) Георга Кайзера, «Без насилия» (Die Gewaltlosen, 1919) Людвига Рубинера, «Преображение» (Die Wandlung, 1919) Эрнста Толлера, «Рабочие. Крестьяне. Солдаты. Прорыв народа к Богу» (Arbeiter. Bauern. Soldaten. Der Aufbruch eines Volkes zu Gott, 1919) Иоганнеса Р. Бехера, «Братание» (Verbrüderung, 1921) Пауля Цеха, «Найденыш» (Der Findling, 1922) Эрнста Барлаха. Названные драмы отличает от прочих и объединяет между собой стремление писателей создать идеальную модель обновленного мира. При этом каждый раз ключевая роль в борьбе за возрождение мира отводится «новому человеку».

В пьесе Г. Кайзера «Ад – путь – земля», отмечает немецкий литературовед Г.П. Кнапп, обновленный протагонист Странник становится конкретизацией мифической идеи в идеальном пространстве. Вследствие этого усилия героя, направленные на борьбу с прежним, изжившим себя порядком вещей, не приводят к поражению и катастрофе в отличие от попыток, предпринимаемых в действительности [11, S. 147].

Подобное мнение исследователя представляется весьма обоснованным. Доказательством может служить целый ряд появляющихся в тексте условностей. В первую очередь обращает на себя внимание резкое изменение поведения и внешности главного героя, внезапно осознающего, что его основная цель заключается в пробуждении окружающих: в попытке внушения им чувства вины и ответственности за все происходящее в мире.

Следующей особенностью становится неожиданная легкость, с которой Странник добивается содействия со стороны героев, являвшихся прежде воплощением порочности старого мира (богатая дама Лили, отказывающаяся в помощи нуждающемуся человеку; Ювелир, готовый перешагнуть через любые преграды ради процветания собственного дела; Адвокат, чью позицию определяет лишь размер гонорара). Их преобразование происходит стремительно и во многом вследствие насильственных действий протагониста (донос на Лили в полицию, нападение на Ювелира, неотступное давление на Адвоката).

Стоит отметить, что сам факт грубого вмешательства в жизнь еще не преобразенных героев противоречит принципу ненасильственной борьбы, проповедуемой экспрессионистами. Кроме того, столь быстрое обновление совершается только на внешнем уровне, не затрагивая духовного мира людей. Доказательством может служить их неуверенность и неготовность к самостоятельным действиям на «новой земле», куда они приходят вслед за Странником.

Ощущение неестественности происходящего усиливается за счет присутствия в пьесе особой цветовой метафоричности и необычной геометрии изображаемого пространства. Об этом сообщается в уточняющих ремарках-подсказках [6, с. 17]. Например, в Гранд-Отеле есть круглая гостиная красного цвета, отделанная золотом; зал дознания в Арестном доме представляет собой просторную четырехугольную комнату с белыми стенами, серым полом и узкими черными железными дверями; кабинет Адвоката имеет треугольную форму и отделяется стеклянной дверью от кассы.

Особое значение приобретает красный цвет. В Гранд-Отеле он подчеркивает общую роскошь, которая остается глухой к чужой беде. В Арестном доме в центре комнаты возвышается железный массив стола, на котором, вызывая очередного заключенного на допрос, то и дело загораются красные сигнальные лампочки, символизируя победу механизма над человеческим существом. В кабинете Адвоката нет предметов красного цвета, однако в первой части пьесы туда заходит Господин в красных перчатках. Он дает Адвокату деньги, и тот охотно принимает их, ставя под сомнение принцип неподкупности правосудия. Благодаря подобной игре с цветом и формой изображаемые события приобретают характер гротеска, становятся вопиющими примерами произвола в прежнем, необновленном мире. При этом показательность еще не означает исправления недостатков.

Еще одной характерной чертой пьесы становится ее идеально выверенная структура. В первой части действие последовательно разворачивается сначала в Гранд-Отеле, затем в Арестном доме, в кабинете Адвоката и, наконец, в магазине Ювелира. Во второй части Странник в сопровождении горожан проходит той же дорогой, только в обратном направлении. Зеркальное отображение символизирует процесс духовного преображения героев. Однако безупречная четкость и продуманная последовательность действий создают механистический эффект. Люди утрачивают свою индивидуальность и подобно безликой массе лишь движутся к намеченной лидером цели.

Перечисленные особенности драмы подчеркивают неестественность изображаемых событий. Это бросается в глаза благодаря используемым автором приемам. Идеализация вступает в противоречие с самой верой в возможность осуществления мечты об обновлении.

Характерная особенность драмы Э. Толлера «Преображение», как уже отмечалось ранее, заключается в ее социально-политической направленности. Главный герой Фридрих видит суть обновления в возрождении утраченной духовной чистоты человека и, как следствие, в изменении общественного по-

рядка. Он мечтает об устранении социальной несправедливости, жестокости, тирании, военных кровопролитий, о воплощении в жизнь идеалов свободы, равенства и братства. Протагонист старается убедить окружающих в том, что успеха на пути к преобразению можно добиться только с помощью всемирной бескровной революции духа.

Несмотря на все усилия, решительный настрой Фридриха не приводит в драме к созданию какой бы то ни было четкой программы действий. План реформ кажется расплывчатым, а мечта о всеобщем благополучии — абстрактной. Это выражается в неясном видении разрешения социальных противоречий, возникающих в результате столкновения интересов представителей различных классов общества.

Драма заканчивается объединением всех людей в общем революционном марше. Однако за этим порывом также ничего не следует. По замечанию самого автора, пролог — «Казарма мертвых» (*Die Totenkaserne*), — в котором изображаются страшные последствия войны, превращающей людей в пушечное мясо, мог бы стоять и в конце пьесы, уже после картины, описывающей всеобщий духовный подъем [3, S. 13]. Таким образом, возможность истинного преобразования мира и человека ставится писателем под сомнение.

С еще большей очевидностью эту неуверенность демонстрирует Иоганнес Р. Бехер. В пьесе «Рабочие. Крестьяне. Солдаты. Прорыв народа к Богу» представлен народ, истерзанный войной и социальным угнетением. В полном отчаянии люди обращаются к Создателю. При этом обновление представляется как возрождение частицы Божественной красоты, данной каждому человеку. Главный герой Мужчина выступает посредником между небом и землей. По сравнению с окружающими он кажется великаном, и этому соответствует пронзительность человеческой боли, которую герой пытается донести до Всевышнего. Результаты борьбы протагониста превышают самые смелые ожидания: в третьей части рабочие, крестьяне, солдаты, как и в драме «Преображение», объединяются в общем марше во имя всеобщего спасения. В заключительной сцене люди видят Бога.

Анализ пьесы позволяет отнести И.Р. Бехера к числу мечтателей, создателей экспрессионистской утопии. Однако издание в 1924 г. драмы с похожим названием «Рабочие, крестьяне, солдаты. набросок революционной драмы борьбы» (*Arbeiter, Bauern, Soldaten. Entwurf zu einem revolutionären Kampfdrama*) заставляет отказаться от этого вывода. Идеалы ненасильственной борьбы и всеобщего духовного преобразования претерпевают в «Наброске» беспрецедентные изменения. Примерами для подражания провозглашаются кровавая революция в России и фашистский режим Муссолини. Пьеса содержит открытый призыв к вооруженной социалистической борьбе. В связи с этим первая работа приобретает характер бесполезной химеры, от которой с презрением отказывается сам автор.

Говоря о проблеме отказа от насилия в экспрессионистской литературе, нельзя не упомянуть драму Л. Рубинера «Без насилия». Ее герои, по выражению

писателя, являются воплощением мечты о всеобщем обновлении, при этом «идейное произведение... выставляет конечную цель как реальность» [2, S. 51].

Олицетворением еще не преображенной грубой действительности становится портовый пьяница Науке, отправляющийся вместе с другими, уже просветленными героями в путешествие к новой земле, где должны воцариться мир и справедливость. Своим поведением Науке в очередной раз подчеркивает, что мечта об обновлении не способна охватить всех.

Также важным эпизодом, нацеленным на демонстрацию несоответствия идеи реальным условиям жизни, является публичная казнь трех героев — Начальника тюрьмы, Клотца и Мужчины, — добровольно соглашающихся принести себя в жертву ради всеобщего блага. Кровавая расправа парадоксальным образом происходит именно тогда, когда основной принцип отказа от насилия представляется окончательным и неоспоримым. Таким образом, необходимость мирной борьбы внушается героям пьесы посредством убийства. Это в очередной раз подтверждает верность слов автора о незрелости утопических представлений, опережающих свое время и вступающих в противоречие с действительностью.

Еще одним примером развенчания идиллии может служить пьеса Э. Барлаха «Найденыш». Привычный ход тяжелой и жестокой жизни героев драмы (нищих и калек) последовательно нарушают два события. Первым потрясением становится появление уродливого младенца, олицетворяющего все страдания и вину человечества (*Elendskind*). Ребенок как будто отображает отчаяние Бога, вззирающего на созданный им мир.

Следующим более неожиданным событием оказывается поступок «новых людей» — молодых влюбленных Томаса и Элизы. Герои усыновляют малыша, и сразу вслед за этим происходит его чудесное исцеление: «*Elise: Es muß sein, Thomas. Auf dieses Kindes grausame Gestalt lege ich die Hände, gleichwie auf die wehste Wunde der Welt. Wir müssen der schwersten Not die erste Hilfe bringen. Er soll unser erster Sohn heißen <...> Thomas: Wenn es unser Sohn sein soll, so lege deine Mädchenhände auf ihn und nimm ihn in deine Mutterarme <...> Elise hebt ein leuchtend schönes Kind auf, es blickt munter um sich. Thomas: Nun bist du die Mutter eines Gottes geworden <...> Tenor: Es tut gut, es tut gut, die Luft zu atmen, die um dieses Kind sich wiegt*»¹ [1, S. 179–180].

В представленной сцене Элиза уподобляется Божьей Матери, появляется мотив непорочного зачатия, ребенок блистает своей красотой, и вокруг него, как бальзам, разливается исцеляющий воздух, волшебным образом действующий на окружающих. Начинается всеобщее преображение.

¹ *Элиза*: Это должно случиться, Томас. Я возлагаю руки на ужасный лик этого ребенка как на самую большую рану мира. Мы должны оказать помощь в самой тяжелой нужде. Он должен быть назван нашим первым сыном <...> *Томас*: Если он должен быть нашим сыном, положи на него свои девичьи руки и возьми его в руки матери <...> Элиза поднимает сияюще-прекрасного ребенка, он весело осматривается. *Томас*: Теперь ты стала матерью бога <...> *Тенор*: Как хорошо, как хорошо дышать воздухом, колышущимся вокруг этого ребенка (перевод мой. — Ю. К.).

Описанное обновление по целому ряду признаков можно отнести к числу христианских чудес. Обозначим некоторые из них: духовное возрождение происходит мгновенно и оказывается сопряженным со сверхъестественными силами; оно не связано с оккультными действиями и исповедует Иисуса Христа; все совершается во славу истины, во имя преодоления зла и ради спасения человека [5].

При этом изменения в жизни героев оказываются не только неожиданными, но и весьма противоречивыми: слишком глубоким было падение, чтобы исцеление могло произойти столь стремительно. Идеализация изображаемых событий снова ставит под сомнение саму веру в возможность чудесного превращения.

Подобный вывод можно сделать и по отношению к драме П. Цеха «Братание». Преображение героев и здесь происходит как будто по волшебству. В начале пьесы описывается острое социальное противостояние рабочих и капиталистов. Главный герой Себастиан пытается объединить два враждующих лагеря, и ему удается добиться цели без всяких видимых усилий. Так, одним из первых сторонников создания братской общины становится Михаэль — сын владельца фабрики.

Еще большее удивление вызывают изменения, происходящие с протагонистом. Драма является третьей частью цикла пьес П. Цеха «Себастиан, или Четыре мировых круга побежденного» (*Sebastian oder die vier Weltkreise eines Geschlagenen*). В первых двух произведениях — «Колесо» (*Das Rad*) и «Башня» (*Der Turm*) (следы четвертой части «Камни» (*Steine*) не обнаружены) Себастиан всячески подчеркивает свой отказ от религии, однако в третьей драме он уже предстает в образе «вневременного святого» (*ein zeitloser Heiliger*). Это сходство усиливается за счет многочисленных отсылок к тексту Священного Писания. Библейские реминисценции проливают свет на миссию протагониста [7, с. 48] и на то, как он сам представляет себе свою основную задачу: дать людям высшее знание, стать их Спасителем.

Борьба Себастиана завершается полным триумфом. Протагонисту удается добиться обновления окружающих. Он приводит их в полуреальный город мечты, над которым, подобно лестнице из сна Иакова (*Jakobsleiter, Himmelsleiter*), поднимается в небо радуга, символизирующая единение божественной и человеческой воли. При этом сам факт того, что герои на корабле приплывают в заветный город, намекает на его сравнение с островом Утопия Т. Мора, т. е. с местом, которого не существует.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в драмах, изображающих экспрессионистскую утопическую мечту о преобразении, всякий раз появляются противоречия. В целом ряде случаев на эти противоречия указывают сами писатели (пьесы «Преображение», «Без насилия», «Рабочие, крестьяне, солдаты. набросок революционной драмы борьбы»). В иных произведениях их очевидность подчеркивается при помощи гротеска, повышенного внимания к форме произведения и намеренного ухода от реальности

посредством погружения в атмосферу идиллии и чуда («Ад – путь – земля», «Рабочие. Крестьяне. Солдаты. Прорыв народа к Богу», «Найденыш», «Братание»). В результате экспрессионистская идея обновления приобретает характер расплывчатой мечты, видения, не выдерживающего столкновения с действительностью. Основной причиной этого может быть признано усиливающееся разочарование драматургов, наблюдающих за углублением системного кризиса, охватившего Европу на рубеже веков. Страх перед надвигающейся глобальной катастрофой проявляется в попытке уйти от окружающей реальности. Одним из способов этого становится создание экспрессионистской утопии.

Библиографический список

Источники

1. *Barlach E.* Der Findling // Sämtliche Werke: kritische Ausgabe / hrsg. v. U. Bubrowski. Leipzig: Seemann, 1998–2002. Bd. 3. Das literarische Werk. Dramen III. 1999. S. 13–185.

2. *Rubiner L.* Die Gewaltlosen: Drama in vier Akten // Der Dichter greift in die Politik. Ausgewählte Werke 1908–1919 / hrsg. und mit einem Nachwort v. K. Schuhmann. Leipzig: Reclam, 1976. S. 50–150.

3. *Toller E.* Die Wandlung // Toller E. Gesammelte Werke: in 6 Bde. Bd 2. Dramen und Gedichte aus dem Gefängnis (1918–1924) / hrsg v. J. M. Spalek, W. Frühwald. 3. Aufl. München [u.a.]: Hanser, 1995. S. 7–63.

Литература

4. *Васильчикова Т.Н.* Драматургия Ханса Хенни Янна и типология немецкой экспрессионистической драмы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03. Ульяновск, 2006. 30 с.

5. *Комаров С.А.* Знамения и чудеса: во что мы верим? [Электронный ресурс] // Православная жизнь. 06.07.2015. URL: <http://pravlife.org/content/znameniya-i-chudesavo-chno-my-verim> (дата обращения: 20.12.2017).

6. *Петрова Н.Ю.* Сценические ремарки как маркеры идиостиля автора // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2011. № 2 (8). С. 16–23.

7. *Хухуни Г.Т., Осипова А.А.* Понятие «библейский язык» как переводческая проблема // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 1 (13). С. 47–53.

8. *Capell G.* Die Stellung des Menschen im Werk Reinhard Goerings. Diss. Bonn, 1968. 170 S.

9. *Eykman C.* Denk- und Stilformen des Expressionismus. München: Francke, 1974. 192 S.

10. *Fäth D.* Probleme der Weltorientierung in den Dramen Reinhard Goerings. Frankfurt a/M.: Lang, 1999. 326 S.

11. *Knapp G.P.* Die Literatur des deutschen Expressionismus. München: Beck, 1979. 230 S.

12. *Mann O.* Geog Kaiser // Expressionismus. Gestalten einer literarischen Bewegung / hrsg. v. H. Friedmann, O. Mann. Heidelberg: W. Rothe Verlag, 1956. S. 270–285.

References

Istochniki

1. *Barlach E.* Der Findling // Sämtliche Werke: kritische Ausgabe / hrsg. v. U. Bubrowski. Leipzig: Seemann, 1998–2002. Bd. 3. Das literarische Werk. Dramen III. 1999. S. 13–185.
2. *Rubiner L.* Die Gewaltlosen: Drama in vier Akten // Der Dichter greift in die Politik. Ausgewählte Werke 1908–1919 / hrsg. und mit einem Nachwort v. K. Schuhmann. Leipzig: Reclam, 1976. S. 50–150.
3. *Toller E.* Die Wandlung // Toller E. Gesammelte Werke: in 6 Bde. Bd 2. Dramen und Gedichte aus dem Gefängnis (1918–1924) / hrsg v. J. M. Spalek, W. Frühwald. 3. Aufl. München [u.a.]: Hanser, 1995. S. 7–63.

Literatura

4. *Vasil'chikova T.N.* Dramaturgiya Xansa Xenni Yanna i tipologiya nemezckoj e'kspressionisticheskoy dramy': avtoref. dis. ... d-ra filol. nayk: 10.01.03. Ul'yanovsk, 2006. 30 s.
5. *Komarov S.A.* Znameniya i chudesa: vo chto my' verim? [E'lektronny'j resurs] // Pravoslavnaya zhizn'. 06.07.2015. URL: <http://pravlife.org/content/znameniya-i-chudesa-vo-chto-my-verim> (data obrashheniya: 20.12.2017).
6. *Petrova N.Yu.* Scenicheskie remarki kak markery' idiosilya avtora // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2011. № 2 (8). S. 16–23.
7. *Xuxuni G.T., Osipova A.A.* Ponyatie «biblejskij yazy'k» kak perevodcheskaya problema // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2014. № 1 (13). S. 47–53.
8. *Capell G.* Die Stellung des Menschen im Werk Reinhard Goerings. Diss. Bonn, 1968. 170 S.
9. *Eykman C.* Denk- und Stilformen des Expressionismus. München: Francke, 1974. 192 S.
10. *Fäth D.* Probleme der Weltorientierung in den Dramen Reinhard Goerings. Frankfurt a/M.: Lang, 1999. 326 S.
11. *Knapp G.P.* Die Literatur des deutschen Expressionismus. München: Beck, 1979. 230 S.
12. *Mann O.* Geog Kaiser // Expressionismus. Gestalten einer literarischen Bewegung / hrsg. v. H. Friedmann, O. Mann. Heidelberg: W. Rothe Verlag, 1956. S. 270–285.

Yu. V. Krasovizkaya

An Attempt to Transform the World in German Expressionism Drama

The article regards one of the key ideas of German expressionism drama, which was to aspire for spiritual renewal of man and the whole society by reviving the unique unspoiled nature of people. The plays under the analysis prove the transformation takes on the features of an artificial model, a Christian miracle or utopia. Resultively, it was expressionist playwrights who saw the spiritual rebirth of humanity as a vague dream and unattainable ideal.

Keywords: expressionist drama; «new man»; transformation of the world; utopian ideas; Christian miracle.

УДК 821.161.1
DOI 10.25688/2076-913X.2019.35.3.03

С.Б. Калашников

«Воображаемый разговор с Александром I» и формирование метасюжета «поэт vs царь» в творчестве А.С. Пушкина 1824–1826 гг.

В статье рассматривается смысловая связь чернового наброска «Воображаемый разговор с Александром I» с инвариантными схемами пушкинского метасюжета «поэт vs царь», которые вырабатываются в период михайловской ссылки. Данная оценочная парадигма моделирует поведение поэта при заочной и личной встрече с государем, а также определяет логику построения сюжетов произведений 1830-х гг.

Ключевые слова: метасюжет; поэт; царь; поэзия; власть.

Михайловское «затворничество» Пушкина считается чрезвычайно значимым в творческой эволюции поэта. Оно не только определило статус Пушкина и его социальную роль, но и качественно изменило его отношение к собственному творчеству и поэтическому дару. Период колоссальной внутренней работы не был лишен противоречий и сомнений, однако отличался последовательностью *поэтического* поведения, в том числе и по отношению к официальной власти (здесь и далее курсив наш. — С. К.). Модели этого поведения вырабатываются под влиянием собственной *художественной практики*, в частности в результате формирования в этот период метасюжета «поэт vs царь». Он порождает большое количество вариаций, реализованных как в художественных произведениях поэта, так и в незаконченных набросках и даже эмпирической биографии.

Для некоторых ученых последовательное отношение к официальной власти Пушкина в этот период является оспоримым: с одной стороны, Пушкин в письмах к друзьям заявляет о своей близости к декабристам, а с другой — делает попытку «дистанцироваться от заговорщиков в глазах правительства» [13, с. 204]. Часто эта двойственность поведения поэта не только проецируется на его сложные отношения с Николаем Павловичем, но и отражается на оценке Пушкиным предшествующего царствования и личности императора Александра I.

Впервые эта рефлексия появляется в «Воображаемом разговоре с Александром I» (далее — «Разговор»), черновой набросок которого датируется декабрем 1824-го – февралем 1825 г. и находится в рукописной тетради Пушкина сразу после первой сцены «Бориса Годунова». Исследователи данного

текста единодушно сходятся во мнении, что «важный для биографии Пушкина документ» [2, с. 117] стал «вершиной в цепи насмешек над государем» [11, с. 747]. Следует согласиться с утверждением о том, что «в своем наброске Пушкин высказал не случайные, вызванные минутным настроением, мысли, а сложившиеся взгляды» [15, с. 307]. Не вызывает сомнений и то, что «Разговор» связан с событиями сентября 1826 г., когда Николай Павлович беседовал с вызванным срочным порядком в Москву Пушкиным. Тем не менее до сих пор художественный смысл «Разговора», цели его написания, а также факт «чудесного» освобождения Пушкина из Михайловской ссылки Николаем I являются спорными и вызывают противоречивые оценки.

С.М. Бонди, давший основательный текстологический комментарий данного текста, убежден в том, что «"Разговор" предназначался для друзей Пушкина... Целью его было, возможно, с одной стороны, показать несправедливость и бесцельную жестокость царя в обращении с ним, а с другой — разъяснить ложность обвинений против него» [3, с. 137]. Однако фактического подтверждения тому, что текст предназначался для друзей Пушкина, до сих пор не обнаружено: «у нас нет... оснований полагать, что с "Воображаемым разговором" был знаком кто-то из друзей Пушкина» [5, с. 174].

Другую интерпретацию последнего абзаца «Разговора...» предлагает М.Г. Альтшуллер: «Концовка "Воображаемого разговора" звучит саркастически: правительство как будто заботится о развитии дарования поэта, подбирая ему новые темы и новые гонения» [2, с. 122–123]. Исследователя в большей степени интересует не внутренняя логика рассматриваемого фрагмента, а доказательство предположения о том, что Пушкин действительно намеревался написать героическую поэму «Ермак» о покорении Сибири и, возможно, заслужить ею прощение у официальной власти. Однако содержание текста и самой ситуации разговора царя с поэтом вряд ли могут быть сведены лишь к такому истолкованию последнего фрагмента. Смысловый акцент наброска, особенно с учетом характера работы поэта над его редакциями (и здесь мы соглашаемся с Д.П. Ивинским), связан скорее с мотивом прощения или непростения государем опального автора оды «Вольность»: «... в сознании Пушкина шла борьба между стремлением объясниться с воображаемым Александром I и осознанием невозможности добиться взаимопонимания в ходе такого объяснения. При этом резкое изменение хода разговора о "Вольности" точно соответствует не менее резкому изменению *всего первоначального замысла* "Воображаемого разговора", который первоначально заканчивался прощением опального поэта, а в окончательной редакции... это прощение было заменено ссылкой в Сибирь» [5, с. 169].

В.А. Кошелев, отвергая прямолинейное истолкование, предложенное С.М. Бонди, интегрирует черновой набросок не только в литературное смысловое поле отношений с царем, но и в биографическое. С привлечением обширного фактического материала исследователь высказывает мысль о том, что отправка Пушкина в Крым сопровождалась неким обещанием со стороны

государя, исполнения которого по истечении двух оговоренных лет поэт так и не дождался: «Максимальный срок ссылки определялся в те “два года”, в течение которых Пушкин обещал Карамзину “ничего не писать противу правительства”» [9, с. 34]. При таком истолковании неожиданного финала «Воображаемого разговора», по мнению ученого, «все встало бы на свои места и Пушкин получил бы моральное право писать “историю <...> Александру — пером Курбского”» [9, с. 35], т. е. нарушение царского слова снимало бы с самого поэта обязанность следовать обещанию быть лояльным к власти.

Отметим, что истолкование причин и целей написания «Разговора» существенно варьируется в зависимости от выбранной исследовательской парадигмы, однако при всех разночтениях для интерпретаторов значимой является его неожиданная концовка: ключевой фразой фрагмента становится обращение Александра I к Пушкину: «Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие» [1, т. 7, с. 345]. Парадоксальным образом почтительное и сдержанное до упоминания о возможной милости поведение Пушкина меняется после этой фразы на дерзкое и отнюдь не верноподданническое. В тот самый момент, когда может состояться великодушное прощение, поэт выбирает провокативную манеру поведения, резко контрастирующую с той, что демонстрировалась прежде (Бонди называет ее шуткой, Лотман — насмешкой, Альтшуллер — сарказмом). Неуместная в ситуации общения с властителем, она до сих пор так и не нашла сколько-нибудь убедительного объяснения, хотя внутренняя логика отрывка позволяет говорить о том, что именно этот неожиданный сюжетный поворот наделен в тексте повышенной степенью значимости.

Как нам представляется, одним из ключей к прочтению данного фрагмента может стать его рассмотрение в двойном литературном контексте. Во-первых, это помещение «Разговора» в смысловое поле всей группы предшествующих пушкинских произведений, посвященных Александру I. Этот аспект проблемы рассмотрен в работе О.В. Лысиковой [12] и сводится к жесткой оценке Пушкиным правления Александра I, ставшей известной из донесения тайного агента С.И. Висковатова в феврале 1826 г.: «По получении горестнейшего для всей России известия о кончине государя императора Александра Павловича, он, Пушкин, изрыгнул следующие адские слова: “Наконец не стало Тирана! Да и оставший род его недолго в живых останется!”» [12, с. 16]. Суровый, хотя и сдержанный вердикт покойному императору в то же самое время Пушкин выносит и в письме к А. Дельвигу: «Гонимый шесть лет сряду, замаранный по службе выключкою, сосланный в глухую деревню за две строчки перехваченного письма, я, конечно, не мог доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавал полную справедливость истинным его достоинствам...» [12, с. 17]. Логика пушкинских инвектив в адрес государя предельно ясна: Александр Павлович воспринимается тираном, т. е. властителем, незаконно узурпировавшим власть вследствие участия в заговоре против отца и нарушившим цар-

ское слово о двухгодичном сроке ссылки поэта на юг. В системе смысловых соответствий, которая вырабатывается у Пушкина в произведениях периода Михайловской ссылки (и прежде всего в «Борисе Годунове»), такой властитель именуется самозванцем.

Если говорить о втором смысловом контексте, в котором мы предлагаем рассматривать «Разговор» и в целом всю группу текстов, адресованных Александру I, то с ноября 1824-го по ноябрь 1825 г. в творчестве поэта настойчиво повторяется прежде не встречавшийся у него мотив встречи поэта с властителем. Более того, в центральном произведении этого периода, «Борисе Годунове», он приобретает отчетливые инвариантные конфигурации за счет разработки сразу трех вариативных схем: «истинный поэт + истинный государь», «истинный поэт vs самозванный государь», «самозванный поэт + самозванный государь» (см. об этом: [6]). Все три варианта сюжета демонстрируют разные модели поведения поэта при встрече с царем и находят впоследствии преломление как в произведениях, так и в биографии самого Пушкина.

Если одним из отличительных признаков истинного монарха в художественном мире Пушкина выступает проявление милости, а истинного поэта от поэта-льстеца отличает способность говорить царям правду, то наиболее интересным способом реализации данного метасюжета становятся «Воображаемый разговор с Александром I» и действительный разговор Пушкина с царем Николаем Павловичем, состоявшийся в сентябре 1826 г. При этом оба разговора и пушкинское поведение в них (в первом случае — воображаемое, во втором — реальное) показывают, что они являются частью единого художественного целого, в которое интегрированы как состоявшиеся, так и не состоявшиеся, а только потенциально возможные события жизни поэта. Иначе говоря, истолкование пушкинского поведения по отношению к официальной власти в этот период, а также текстов 1824–1826 гг. определяется инвариантной *художественной схемой* — метасюжетом о встрече поэта и государя.

Как отмечает В. Листов, во многих литературных и жизненных текстах Пушкина можно подозревать мысленные диалоги с монархами: «Так было вокруг отъезда в ссылку и возвращения из нее, по поводу дел об “Андрее Шенье”, “Гавриилиаде”, с самовольным путешествием на Кавказ, с поступлением на службу, просьбами об отставках, с последней дуэльной историей» [10, с. 47]. События реальной жизни поэта помещаются в воображаемый контекст и переосмысливаются по законам тех художественных схем, которые выработались в его литературной практике, «оказались предвиденными в мечтательных образах» [10, с. 49], а «созданное в воображении стало... фактом биографии» [10, с. 50]. Такой же вымышленный характер беседы царя и поэта приобретает «Разговор», вполне согласуясь с концепцией игрового начала в творческом методе Пушкина (см. об этом: [8]), что позволяет рассматривать набросок как «основу для игрового текста, соответствующего принятой в пушкинском

кругу модели светского остроумия» [5, с. 176]. Сама ситуация перевоплощения, обозначенная в первом же предложении фрагмента («Когда бы я был царь...»), является своеобразным «правдоподобием чувствований в предполагаемых обстоятельствах» [8, с. 31]. «Разговор» начинается шутливо, затем становится ироническим (об Инзове и — в подтексте — Воронцове), продолжается саркастически (о литературных вкусах и пристрастиях Воронцова), а заканчивается явной неуместностью дерзкого поведения поэта перед лицом государя, которое вступает в резкое противоречие с тональностью содержания предыдущей части фрагмента: «Но тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего». Во всяком случае, характер изменений во второй черновой редакции свидетельствует о том, что сюжет «Разговора» сводится именно к тому, чтобы «самозванный» царь в конце не простил опального поэта даже при всем благожелательном отношении к нему. При таком прочтении отчетливо вырисовывается несколько иной, чем оправдание перед друзьями или написание поэмы «Ермак», смысл фрагмента: его цель — разоблачение Александра I как ложного царя через неспособность к проявлению милости и демонстративный отказ от служения ему. Таким образом, «Разговор» предвосхищает те схемы взаимодействия поэта и государя, которые получают детальную разработку и дифференциацию в «Борисе Годунове». Появление данного черного наброска в рукописи «Комедии о настоящей беде Московскому государству» оказывается вовсе не случайным, если учесть, что на уровне подтекста в трагедии осуществляется отождествление первого самозванца Бориса Годунова и нелегитимного царя Александра I [7, с. 14–15].

При всей кажущейся противоречивости отношения Пушкина к Александру I в нем отчетливо просматривается внутренняя *поэтическая* логика. Неприязнь поэта к государю носит не личный, а мировоззренческий характер: профетически одаренный поэт не может служить неистинному царю, поскольку его мессианская функция (см. об этом: [4, с. 244–255]) состоит в обличении «самовластительного Злодея» (о сближении образов Наполеона и Александра I в оде Пушкина «Вольность» см.: [7, с. 12]). Тем изумительней в этой оценочной парадигме выглядит неожиданное художественное решение Пушкина, предпринятое в стихотворении «19 октября 1825 года»: если в «Разговоре» «самозванный» государь не простил истинного поэта и тем самым доказал нелегитимность своей власти, то в лирическом стихотворении истинный поэт проявляет милость к тирану и отцеубийце и тем доказывает право на обладание божественной харизмой:

Он человек! им властвует мгновенье.

Он раб молвы, сомнений и страстей;

Простим ему неправое гоненье:

Он взял Париж, он основал лицей [1, т. 2, с. 105–107].

Примечательно, что всего через месяц, 19 ноября 1825 г., Александра I постигнет внезапная кончина, и эти строки станут последними, написанными

ми Пушкиным при жизни самодержца и адресованными ему. В произведениях поэта 1830-х гг. Александр I более не изображается как царь-самозванец, достойный противления поэта, — ни в «Медном Всаднике», ни в последнем, посвященном лицейской годовщине стихотворении «Была пора: наш праздник молодой...». В этой же оценочно-смысловой парадигме следует, на наш взгляд, рассматривать реальный разговор Пушкина с Николаем I, состоявшийся 8 сентября в Москве после официальной церемонии интронизации последнего. Возможно, смысл разговора Пушкина с Николаем Павловичем сводился для поэта к тому, чтобы выявить, является ли новый государь истинным или ложным. Отсюда возникает своеобразная аффектация поведения Пушкина накануне этой встречи: он видит себя поэтом-пророком, готовящимся обличить новоявленного царя и спровоцировать ссору, подобную той, которая состоялась между Пушкиным и Александром I в конце «Разговора». Чрезвычайно любопытным в данном контексте выглядит предположение Д.П. Ивинского о том, что первоначальная редакция «Разговора» создавалась Пушкиным еще при жизни Александра I, а вторая — после вступления на престол его брата Николая Павловича, «...в этом случае “Воображаемый разговор” с Александром I в каком-то смысле оказывается “разговором” с его преемником» [5, с. 184], а «”александровский контекст” допускает “переключение” в николаевский» [5, с. 194]. Однако результативность встречи 8 сентября 1826 г. оказалась — неожиданно для Пушкина — прямо противоположной той, которая разыгрывается в «Воображаемом разговоре»: поэт был великодушно помилован государем, что доказывает в художественной философии Пушкина легитимность власти нового царя.

Стихотворение «Стансы», написанное, вероятнее всего, под впечатлением от состоявшейся с Николаем Павловичем беседы, становится первым после освобождения из ссылки текстом, в котором поэт-пророк осуществляет нравственную легитимацию власти нового монарха, начало правления которого было омрачено «мятежом и казнями», и на вербальном уровне уподобляет его Петру Великому, а на подтекстовом противопоставляет предыдущему государю Александру I [2, с. 27–35]. Вторично законность власти нового царя подтверждается в стихотворении «Друзьям». В этом тексте появляется еще одна, четвертая, вариативная схема метасюжета «поэт vs царь»: истинный царь противопоставляется поэту-льстецу (поэту-самозванцу). Если быть точным, то в данном произведении реализуется сразу две вариации этого метасюжета. Первая часть стихотворения (пять строф) посвящена отношениям истинного царя и истинного поэта. Именно в ней лирический герой Пушкина публично признает легитимность власти нового самодержца Николая Павловича:

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит [1, т. 2, с. 195].

Здесь на уровне подтекста ныне царствующий государь противопоставляется прежнему — Александру Павловичу: если предыдущий самодержец дважды отправил поэта в ссылку и не помиловал его, что подтверждает его неистинный статус, то нынешний, напротив, проявил милость и снискал к себе любовь и уважение поэта — именно как *истинный* царь:

Текла в изгнанье жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я [1, т. 2, с. 195].

Этой модели отношений противопоставляется схема «истинный царь vs поэт-льстец» (обратная аналогия к сцене в доме Вишневецкого, где некий безымянный поэт вручает Григорию Отрепьеву «латинские стихи»), в подтексте намечившая реализацию еще одного пушкинского инварианта — «истинный поэт vs поэт-самозванец». Разрушение модели сакрального единства поэзии и власти связано с приближением к престолу поэта-льстеца, который свой самозванный статус переносит на имидж государя и дискредитирует его:

Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит [1, т. 2, с. 196].

Чрезвычайно важным оказывается упоминание о милости как свойстве истинного государя: отсутствие способности прощать уподобляет царя самозванцу. Поэт-льстец, таким образом, девальвирует облик праведного монарха, лишая его власть ореола святости.

Эти свойства — великодушие и милосердие — еще будут приписываться Николаю I в 1830 г. (стихотворение «Герой»), но в дневнике 1834 г. окажутся сведены почти на нет. Рефлексия над поведением Николая I как государя — истинного или самозванного — продолжится при составлении заметок для «Истории моего времени» (см. об этом: [14, с. 297–318]) и найдет логическое завершение в предсмертных словах поэта: «Жаль, что умираю, весь его бы был»¹.

Таким образом, «Воображаемый разговор с Александром I» становится первым текстом в ряду произведений середины и второй половины 1820-х гг. («Борис Годунов», «Стансы», «Друзьям»), намечивших контуры той художественной парадигмы пушкинского отношения к власти, внутри которой подвергаются оценке правление предыдущего государя Александра Павловича и царствование нового самодержца Николая I, а метасюжет «поэт vs царь» станет мощным источником моделирования художественных смыслов в последующих произведениях поэта: поэме «Анджело», «Сказке о золотом петушке», повести «Капитанская дочка».

¹ Сайтанов В.А. Прощание с царем. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v20/v20-036-.htm> (дата обращения: 25.05.2019).

Библиографический список***Источники***

1. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1959–1962.

Литература

2. *Альциуллер М.Г.* Между двух царей: Пушкин в 1824–1836 гг. СПб.: Академич. проект, 2003. 354 с.
3. *Бонди С.М.* Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. М.: Просвещение, 1978. 231 с.
4. *Гаспаров Б.М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Академич. проект, 1999. 400 с.
5. *Ивинский Д.П.* Пушкин и его время. М.: Р. Валент, 2019. 320 с.
6. *Калашников С.Б.* Метасюжет «поэт vs государь» в «Борисе Годунове» А.С. Пушкина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. 2012. № 2. С. 126–129.
7. *Калашников С.Б.* Модель тождества двух самозванцев: Наполеон и Александр I в творчестве А.С. Пушкина // Пушкинские чтения — 2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXII Междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ, 2017. С. 9–23.
8. *Колбасин В.Н.* Игровое начало в творческом методе А.С. Пушкина // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 4 (16). С. 28–34.
9. *Кошелев В.А.* «Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие» (к проблеме: Пушкин и Александр I) // Известия РАН. Сер. литературы и языка. М.: Наука, 1996. Т. 55. № 6. С. 31–35.
10. *Листов В.С.* Пушкин: жизнь в воображении // Пушкинский сборник. М.: Три квадрата, 2005. С. 11–59.
11. *Лотман Ю.М.* Пушкин: Биогр. писателя; Статьи и заметки, 1960–1990. СПб.: Искусство-СПб, 1995. 845 с.
12. *Лыскова О.В.* Взаимоотношения поэта и императора: Александр Пушкин и Александр I // Историческая психология государственного управления. 2014. № 1. С. 5–22.
13. *Немировский И.В.* Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб.: Гиперион, 2003. 352 с.
14. *Фейнберг И.Л.* Незавершенные работы Пушкина. М.: Худ. лит., 1979. 366 с.

Справочные и информационные издания

15. *Муравьева О.С.* Воображаемый разговор с Александром I // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1. А–Д. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 307–309.

References***Istochniki***

1. *Pushkin A.S.* Sobr. soch.: v 10 t. M.: Goslitizdat, 1959–1962.

Literatura

2. *Al'tshuller M.G.* Mezhdvu dvvux carej: Pushkin v 1824–1836 gg. SPb.: Akademich. proekt, 2003. 354 s.

3. Bondi S.M. Chernoviki Pushkina. Stat'i 1930–1970 gg. M.: Prosveshhenie, 1978. 231 s.
4. Gasparov B.M. Poe'ticheskiy yazy'k Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo yazy'ka. SPb.: Akademich. proekt, 1999. 400 s.
5. Ivinskij D.P. Pushkin i ego vremya. M.: R.Valent, 2019. 320 s.
6. Kalashnikov S.B. Metasyuzhet «poe't vs gosudar'» v «Borise Godunove» A.S. Pushkina // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Filologicheskie nauki. 2012. № 2. S. 126–129.
7. Kalashnikov S.B. Model' tozhdestva dvux samozvancev: Napoleon i Aleksandr I v tvorchestve A.S. Pushkina // Pushkinskie chteniya — 2017. Xudozhestvenny'e strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst: materialy' XXII Mezhdunar. nauch. konf. SPb.: LGU, 2017. S. 9–23.
8. Kolbasin V.N. Igrovoe nachalo v tvorcheskom metode A.S. Pushkina // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2014. № 4 (16). S. 28–34.
9. Koshelev V.A. «Priznajtes', vy' vseгда nadeyalis' na moe velikodushie» (k probleme: Pushkin i Aleksandr I) // Izvestiya RAN. Ser. literatury' i yazy'ka. M.: Nauka, 1996. T. 55. № 6. S. 31–35.
10. Listov V.S. Pushkin: zhizn' v voobrazhenii // Pushkinskiy sbornik. M.: Tri kvadrata, 2005. S. 11–59.
11. Lotman Yu.M. Pushkin: Biogr. pisatelya; Stat'i i zametki, 1960–1990. SPb.: Iskusstvo-SPb, 1995. 845 s.
12. Ly'sikova O.V. Vzaimootnosheniya poe'ta i imperatora: Aleksandr Pushkin i Aleksandr I // Istoricheskaya psixologiya gosudarstvennogo upravleniya. 2014. № 1. S. 5–22.
13. Nemirovskij I.V. Tvorchestvo Pushkina i problema publichnogo povedeniya poe'ta. SPb.: Giperion, 2003. 352 s.
14. Fejnberg I.L. Nezavershenny'e raboty' Pushkina. M.: Xud. lit., 1979. 366 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

15. Murav'eva O.S. Voobrazhaemy'j razgovor s Aleksandrom I // Pushkinskaya e'nciklopediya: Proizvedeniya. Vy'p. 1. A–D. SPb.: Nestor-Istoriya, 2009. S. 307–309.

S.B. Kalashnikov

«The Imaginary Conversation with Alexander I» and Formation of a Metaplot «Poet vs Tsar» in A.S. Pushkin's Works of 1824–1826

The article regards the connection of a draft sketch «The imaginary conversation with Alexander I» with invariant schemes within Pushkin's metaplot «poet vs tsar». The latter are developed during the period of the exile in Mixailovskoye. Such evaluation paradigm designs the poet's behavioral patterns while distant and personal communication with the monarch as well as determines the logic of plots in his 1830s works.

Keywords: metaplot; poet; tsar; poetry; power.

В.А. Собянина

О некоторых лексических особенностях немецкого косметологического дискурса в сети Интернет

В статье рассматриваются лексические свойства немецкого косметологического дискурса в сети Интернет. На примере фирмы Dalton анализируется лексика, обозначающая косметическую продукцию. На конкретном языковом материале выявляются наиболее частотные тематические группы слов, виды и функции оценочных языковых средств, устанавливается связь косметологического и других видов дискурса, прежде всего рекламного; определяются гендерные особенности использования исследуемой лексики.

Ключевые слова: дискурс; косметологический дискурс; рекламный дискурс; оценочная лексика; гендерные особенности лексики.

Современные люди придают большое значение своей внешности, особенно уходу за лицом, с тем чтобы всегда выглядеть привлекательно. Это не только дань моде, но и стремление иметь больше шансов добиться успеха в обществе, на работе, в личной жизни. Индустрия красоты успешно развивается и предлагает клиентам широкий спектр услуг. Сегодня она включает в себя огромное количество косметических салонов и центров, ориентированных на запросы не только женщин, но и мужчин. В настоящее время сильная половина человечества гораздо активнее пользуется косметикой, чем раньше. В этой связи исследование языковых особенностей коммуникации в данной сфере представляет большой интерес.

Косметологический дискурс (далее — *КД*) стоит на стыке сразу нескольких актуальных направлений лингвистики — профессиональной коммуникации, терминоведения, языка для специальных целей и рекламного дискурса. Кроме того, он антропоцентричен, так как затрагивает личную сферу человека, его внешний вид и в какой-то степени здоровье. Таким образом,

КД как один из видов дискурса может нести в себе черты нескольких дискурсов [9, цит. по: 8, с. 15].

Значительную часть косметологической лексики составляют термины и профессионализмы. Подъязык косметической индустрии обслуживает потребности специальной коммуникации между продавцом и покупателем или косметологом и клиентом. В этом плане КД можно отнести к профессиональной коммуникации и языку для специальных целей.

Сегодня многие косметические фирмы борются за внимание потенциальных покупателей с помощью привлекательной рекламы. Они продают не только товар, но и красоту, здоровье, молодость, т. е. то, чему их продукция способствует. В некоторых случаях реклама является манипулятивной и заставляет людей приобретать не всегда нужный и полезный продукт. Таким образом, КД в определенной степени выступает рекламным дискурсом.

Проявление интереса к КД как к виду институционального типа дискурса связано с важностью объекта его исследования (здоровье и красота). Несмотря на это, научных работ в данной области немного. Ф.Л. Косицкая и И.Е. Зайцева трактуют КД следующим образом: «косметологический дискурс — это тип профессиональной коммуникации, связанный с оказанием косметологических услуг и созданием (изобретением), производством (технологией), рекламой, защитой, оценкой, маркетингом (продажей) косметической продукции. Косметологический дискурс — это профессиональное общение косметолога с пациентом в различных коммуникативных ситуациях» [5, с. 21].

Е.Н. Вавилова понимает под косметологическим дискурсом «один из видов институциональных дискурсов, основной темой которого является внешность человека, а именно здоровье и внешняя красота отдельных частей тела, например, кожи лица, шеи, рук и т. д.» [3, с. 124]. Автор также обращает внимание на то, что КД находится на пересечении, с одной стороны, с медицинским дискурсом, а с другой — с рекламным (его прагматическая установка на привлечение внимания к предмету рекламы). Однако, по мнению Е.Н. Вавиловой, важная отличительная черта косметологического дискурса состоит в следующем: медицинский дискурс делает большой упор на *болезнь/здоровье*, а косметологический — на *красоту/молодость/здоровье* [Там же].

Автор приводит список ситуаций, в которых реализуется КД: диалог врача-косметолога и клиента, менеджера отдела косметики и покупателя, дискурс сайтов косметических компаний, буклетов косметических фирм и пр. Кроме того, КД может иметь и лично ориентированную форму — разновидность дружеской женской беседы [Там же, с. 125].

О.А. Белоусова и И.А. Шушарина делят рекламную лексику на несколько тематических групп [1, с. 124–125]: описание внешнего облика женщины (красивая кожа), обращение к категории времени (не смывается до 8 часов), обозначение избранности (идеально ровный цвет лица) и обозначение ценности (ценные масла).

Исследователи отмечают также, что в рекламе женской косметики широко используется эмоционально-экспрессивная лексика с ярко выраженными положительными и отрицательными коннотациями. Внешний вид женщины, использующей косметику, неразрывно связан с его оценкой. Она проявляется через лексемы: *безупречный, идеальный, неотразимый, обольстительный, соблазнительный, совершенный* и другие слова.

Что касается немецкого КД, то он мало исследован, в связи с чем появилась необходимость восполнить этот пробел. В качестве примера анализа немецкоязычного КД была проанализирована лексическая составляющая косметической линии одной из известных фирм по производству косметики — *Dalton*. Она хорошо известна в Германии и других странах в таких заведениях, как салоны красоты, аптеки, отели. В качестве материала исследования был проанализирован КД вокруг косметических средств данной фирмы, представленный в немецкоязычном секторе Интернета. Это тексты фирмы на электронном сайте компании, а также отзывы покупателей о ее продукции там же [6, URL] и в социальных сетях [7, URL].

В процессе анализа было установлено, что определенную часть лексики на электронном сайте фирмы составляют термины и профессиональные слова: *Lifting* (лифтинг); *Peeling* (пилинг); *Hyaluronsäure* (гиалуроновая кислота) и др., многие из них уже известны потребителям косметики, однако, чтобы не усложнять восприятие текстов обычными покупателями, для которых предназначена продукция, в рекламе превалирует обиходная лексика, понятная всем носителям языка, а термины представляют собой лишь отдельные вкрапления.

Довольно значительное место при описании продукции фирмы занимают заимствования, прежде всего из английского языка: *Care* (уход); *Universal Face Care* (универсальный уход за лицом); *Derma Balance* (баланс кожи); *Cell Energy* (энергия клеток); *Anti Aging* (антивозрастной) и др.

Отобранные из текстов лексические единицы были поделены на функциональные тематические группы, имеющие аргументативный характер. Далее приведены примеры наиболее частотных групп лексики, взятые с сайта *Dalton Cosmetics Germany* [6, URL] и обозначающие:

– кожные проблемы: *Fettglanz* (жирный блеск кожи); *Hautreizung* (раздражение кожи); *Rötung* (покраснение); *hypersensible* (гиперчувствительный); *Fältchen* (морщины); *Entzündung* (воспаление); *geschädigte Haut* (поврежденная кожа);

– восстанавливающее действие косметических средств: *Entschlackung* (устранение шлаков); *Regeneration* (регенерация, обновление кожи); *Aktivierung* (активизация); *stimulierend* (стимулирующий);

– ценность и избранность косметической продукции: *lebensnotwendig* (жизненно необходимый); *luxuriös* (люксовый, высшего класса); *wertvoll* (ценный); *hochwirksam* (высокоэффективный);

– положительный эффект: *Vitalität* (жизненная сила); *Elastizität* (эластичность); *verfeinerte Poren* (уменьшенные поры); *beruhigend* (успокаивающий эффект); *kühlende Wirkung* (охлаждающее действие); *gepflegte Haut* (ухаживаемая кожа).

Особо необходимо выделить лексику, вызывающую положительные эмоции у покупателя. Она, как правило, используется в рекламных целях. Е.Г. Борисова пишет, что в рекламных текстах «главную роль играет не передача информации о товаре или услуге, а средства воздействия на адресата, которые включают данную информацию, но не сводятся к ней: важным оказывается и эмоциональное воздействие, вызываемые ассоциации и многое другое» [2, с. 7].

К положительно-оценочной рекламной лексике можно отнести следующие примеры, указывающие на эксклюзивный характер косметики данной фирмы, ее натуральность (сегодня это модно), наличие морских экстрактов, современность, эффективность применения, способность справиться с любыми проблемами кожи и др. Сюда можно отнести прежде всего слова, которые относятся к самой продукции: *Hochwertige, exklusive Meereskosmetik* (высококачественная эксклюзивная косметика); *Natürliche, maritime Wirkstoffe* (натуральные морские экстракты); *aktuellste Kosmetiktrends und Beauty-Neuigkeiten* (новейшие косметические тенденции и инновации в области красоты); *optimal auf einen bestimmten Hauttyp abgestimmt* (оптимально подходящий к любому типу кожи).

Если речь идет об отзывах покупателей, то они положительно оценивают не только косметику, но и обслуживание клиентов, консультирование, обученный персонал, скорость доставки товара при заказе и др.: *exklusive Beratung, geschultes Fachpersonal*. Данная лексика способна привлечь внимание конечного покупателя и убедить его в том, что он обязательно должен купить косметику фирмы Dalton. «Обязательное наличие обратной связи с потенциальным клиентом — эффективный прием, рассчитанный на возбуждение интереса к сообщаемой информации, стимулирования активности потенциального покупателя...» [4, с. 26].

Для привлечения покупателей фирма использует также дополнительный аргумент — упоминание научно доказанного положительного воздействия:

Der so entstandene Celumer Meereseextrakt sorgt für eine natürliche Vitalstoffversorgung sowie den Schutz der Haut und besitzt eine wissenschaftlich nachgewiesene Wirkung. Er aktiviert die körpereigenen Regenerationskräfte und sorgt für eine jugendliche Haut mit jugendlicher Ausstrahlung (Появляющийся таким образом морской минерал целумер заботится о питании кожи, а также о ее защите и обладает научно доказанным действием. Он активизирует регенерирующие защитные силы организма, приводит к омоложению кожи и улучшению ее внешнего вида¹).

Фирма Dalton имеет Online Shop для потенциальных клиентов Германии. Продукты компании здесь можно оценить через программу Trusted Shops (фирма, которая занимается сертификацией онлайн-магазинов) [11, URL].

¹ Здесь и далее перевод мой. — В. С.

Большая часть клиентов оценила косметику положительно, отрицательные отзывы редки, что также служит своеобразной рекламой продукции данной фирмы, но уже исходящей от потребителей:

Das Produkt ist *ausgezeichnet*. Habe Haut die schnell irritiert ist und Die Dalton Pflege für Haut mit Neurodermatitis ist die bisher *einzigste Pflege*, die meine Haut auch langfristig *sehr gut verträgt*. Da kamen auch die Produkte aus der Apotheke bisher nicht ran. Eine Kosmetikerin gab mir den Tip. *Klare Empfehlung*. (Продукт великолепен. У меня проблемная кожа, а уход за кожей при нейродермитах с косметикой фирмы Dalton это *единственное средство*, которое очень хорошо *подходит* для нее. Даже аптечные средства не смогли этого сделать. Один косметолог мне посоветовал это. Всем *рекомендую*).

Die Produkte sind *großartig*. Ich bin *sehr zufrieden*. Die Lieferung ging schnell und die Ware war *liebevoll verpackt*. (Товары великолепны. Я очень довольна. Доставка товара была быстрой, и он был великолепно упакован).

Клиентам нравится, что товар, упакованный очень красиво, приходит всегда вовремя. Чтобы выразить положительные впечатления о продукте и о его быстрой доставке, они используют следующие слова: 1) поставка продукта: *schnell, ohne Probleme; gute Lieferung; pünktliche Lieferung*; 2) оценка качества продукта: *die Produkte lieben; weiterempfehlen; großartig; sehr zufrieden; liebevoll*; 3) обслуживание: *unkompliziert, toller Kundenservice; gute Beratung; Freundlich; Bezahlung schnell; klare Empfehlung*; 4) качество упаковки: *Tolle Verpackung, super gut eingepackt*.

Отрицательную оценку получает, как правило, не сама косметика или ее качество, а другие аспекты — цена, доставка, слишком большая упаковка и др.: *Produkte zu teuer, die gelieferte Menge ist einfach zu klein, die aufwendige und umfangreiche Verpackung*.

Фирма Dalton ведет страничку в социальной сети «Фейсбук», где клиенты также могут разместить комментарии или отзывы о посте и косметике. Все оставленные отклики носят исключительно положительный характер, процитируем некоторые из них [7, URL]:

Ich finde es *spitze*, dass ich den Dalton Shop jetzt gefunden habe. Die Produkte sind *toll* und *sehr gut verträglich*. Ich *liebe* die Oyster Creme und die Oyster Maske. (Это классно, что я нашла онлайн-магазин Dalton. Продукты *великолепны* и *хорошо* подходят для кожи. Я *люблю* крем с устричной вытяжкой, а также маску с ней).

Nachdem ich diese Cosmetic seit 1984 benutze kann ich nur *mein hohes Lob aussprechen, allen empfehlen, der versprochene Erfolg... Einfach super Produkte* für Jedermann, für alle Altersklassen, für alle Hauttypen! (После того как я использую эту косметику с 1984 года, я могу высказать только *восторженную похвалу, всем ее рекомендую, это обещанный успех! Продукты просто супер*, для каждого, для всех возрастов, для всех типов кожи!)

Анализируя отзывы, можно заметить, что большую часть из них писали либо профессиональные косметологи, которые используют косметику в салонах красоты, либо хорошо разбирающиеся в данной области клиенты.

С помощью положительной оценки (*mein hohes Lob aussprechen, allen empfehlen, der versprochene Erfolg, Dalton kenne ich schon ganz lange* и т. д.) они убеждают других косметологов или потенциальных клиентов в необходимости применения данной косметики.

Положительную оценку содержит лексика, относящаяся к различным частям речи. При помощи данных слов клиенты, с одной стороны, указывают на высокие качества продукции фирмы (например, натуральные компоненты, антивозрастная составляющая, подходит ко всем типам кожи, для любого возраста и др.), а с другой — дают оценку данной продукции:

– существительные: *Naturkosmetik, Meerespower, Anti Agin Luxus, für Jedermann, für alle Altersklassen, für alle Hauttypen, Meereskosmetik*;

– прилагательные: *toll, kraftvoll, perfekt*;

– наречия: *spitze, gut verträglich*;

– глаголы и причастия: *begeistert und überzeugt sein, zufrieden sein*.

Анализ отзывов в сети «Фейсбук» позволяет сделать вывод, что они представлены в распространенном виде и содержат сложные предложения в отличие от комментариев на веб-сайте. Так как сообщения в «Фейсбуке» писали по большей части, вероятно, косметологи, то становится понятным грамотное употребление лексики, на которую можно сделать упор, чтобы привлечь внимание потенциальных клиентов. Таким образом, специалисты скрыто рекламируют еще и свой косметический салон.

На сайте фирмы отражены мнения обычных потребителей, которые приобретали косметику для личных нужд. В связи с этим форма отзывов значительно упрощена. Многие из них укладываются в одно предложение, построены на основе разговорной лексики, которая обладает эмоциональностью и экспрессивностью с положительной оценкой: *Alles super (Все супер); tolle Kosmetik* (классная косметика), *einfach klass* (просто класс). Подчеркнем, что и в «Фейсбуке», и на интернет-странице присутствуют преимущественно положительные комментарии. В связи с этим возникает вопрос: не удаляет ли отрицательные отзывы модератор, чтобы не портить имидж фирмы?

Женщины, как было отмечено ранее, чаще и охотнее пользуются косметикой. Фирма Dalton предлагает для них большое разнообразие косметических линий. В то же время она выделяет специальную линию для мужчин — *Deep Sea* («Сила моря»), эта косметика должна бодрить и освежать мужскую кожу, о чем говорится в рекламном тексте:

Speziell für die Linie DEEP SEA wird der Celumer Meereseextrakt mit den feuchtigkeitsspendenden, glättenden und nährenden Wirkstoffen Blualge und Tiefseewasser angereichert. Die Texturen der Linie ziehen schnell ein und sind besonders für die anspruchsvolle Männerhaut geeignet. DEEP SEA — für mehr Energie und Ausstrahlung den ganzen Tag! (Специально для линии «Сила моря» добавляется морской экстракт целомер с увлажняющими, разглаживающими и питательными веществами сине-зеленых водорослей и морской воды. Крем быстро впитывается и особенно подходит для требовательной мужской кожи. DEEP SEA — больше энергии и сияния на целый день!) [6, URL].

Ключевыми словами в описании линии являются слова, относящиеся к положительному действию косметики. Фирма Dalton понимает, что за мужской кожей, подвергающейся постоянным стрессам (*für die anspruchsvolle Männerhaut*), нужен особый уход, и поэтому снабжает косметику полезными питательными веществами (*nährenden und glättenden Wirkstoffen*), а также влагой (*feuchtigkeitsspendend* — отдающий влагу). К тому же вода смягчает кожу и способствует легкому бритью. Делается большой упор на то, что косметические продукты с данной текстурой быстро впитываются (*ziehen schnell ein*), что также немаловажно для мужчин.

Каждый успешный мужчина должен выглядеть неотразимо, и поэтому в описание косметики добавляются такие слова, как *mehr Energie und Ausstrahlung* (Больше энергии и сияния). Пользуясь каждый день данной косметикой, мужчина будет чувствовать себя уверенно, свежо и бодро на протяжении всего рабочего дня.

В женских рекламных текстах фирмы Dalton, в отличие от рекламы мужской косметики, большой упор делается на использовании лексемы *Anti-Aging* (противовозрастной). Каждая женщина всегда хочет оставаться как можно дольше молодой. Но со временем кожа начинает стареть и появляются морщинки. Фирма Dalton, используя компонент *Anti-Aging* при описании косметических средств, пытается убедить клиентов, что влияние времени можно побороть или приостановить: *Anti-Aging Gesichtswasser* (антивозрастная туалетная вода для лица); *Anti-Aging Komplex für schöne Augenblicke* (противовозрастной комплекс для красивых глаз).

Для женщин важно, чтобы их кожа имела ухоженный вид, поэтому довольно часто в рекламных текстах встречаются лексемы, обозначающие данный признак: *gepflegt* (ухоженный), *pfliegend* (ухаживающий), *Pflege* (уход, ухоженность), в рамках различных словосочетаний: *gepflegtes und samtiges Hautgefühl* (чувство ухоженной бархатистой кожи); *die ideale Pflege* (идеальный уход); *leichte, feuchtigkeitsspendende Pflege* (легкий увлажняющий уход).

Характерными чертами косметики для женщин являются нежность и легкость текстуры используемой продукции: *zartes Reinigungsmousse* (*нежный* очищающий мусс), *sanftes Cremepeeling* (*нежный* крем-пилинг), *leichte Creme-Textur* (*легкая* текстура крема).

Таким образом, можно констатировать, что косметологический дискурс включает в себя аргументативный дискурс (связанный с рекламой) как особый тип речи, в котором ключевым речевым действием выступает аргументация [10, с. 46]. При описании как мужской, так и женской косметики приводятся разнообразные аргументы лексического плана, которые способны воздействовать на потребителя и склонить его к покупке товара.

На основе анализа конкретных примеров можно сделать вывод, что немецкий косметологический дискурс представляет собой полидискурсивное явление и включает в себя несколько видов дискурса. Он обладает довольно широким и разнообразным арсеналом языковых средств, прежде всего

лексических, начиная от профессиональной лексики и заканчивая ярко выраженными экспрессемами и положительно оценочной лексикой, которые нацелены на рекламный эффект и в конечном итоге на сбыт товара.

Библиографический список

Литература

1. Белоусова О.А., Шушарина И.А. Лексические средства воздействия рекламного текста (на примере рекламы женской косметики) // Филологические знания на современном этапе: сб. ст. Курган: Курганск. гос. ун-т, 2015. Вып. 4. С. 119–126.
2. Борисова Е.Г. Что дает маркетинговая лингвистика маркетингу и лингвистике? (Вместо предисловия) // Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста: коллективная монография / под ред. Е.Г. Борисовой, Л.Г. Викуловой. М.: Флинта, 2019. С. 4–10.
3. Вавилова Е.Н. Косметологический дискурс: постановка проблемы // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2015. № 4 (157). С. 124–126.
4. Викулова Л.Г., Макарова И.В. Сайт маркетинговой направленности как коммуникативный канал: интернет-магазин «Лабиринт» // Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста: коллективная монография / под ред. Е.Г. Борисовой, Л.Г. Викуловой. М.: Флинта, 2019. С. 19–31.
5. Косицкая Ф.Л., Зайцева И.Е. Французский косметологический дискурс в сфере профессиональной коммуникации // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2017. № 6 (183). С. 20–24.
6. Сайт фирмы DALTON [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dalton-cosmetics.com/de/> (дата обращения: 12.05.2019).
7. Социальная сеть Facebook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/pg/DALTONMARINECOSMETICS/reviews/> (дата обращения: 12.05.2019).
8. Холодова Д.Д. К определению понятия дискурс // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 7–16.
9. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Волгоград, 2000. 31 с.
10. Ярыгина Е.С. Структура, семантика и синтаксические функции фразеологизированных конструкций в аргументативном дискурсе // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 4. С. 46–55.
11. Trustedshops.de [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trustedshops.de/bewertung/info>. (дата обращения: 12.05.2019).

References

Literatura

1. Belousova O.A., Shusharina I.A. Leksicheskie sredstva vozdeystviya reklamnogo teksta (na primere reklamy zhenskoj kosmetiki) // Filologicheskie znaniya na sovremennom e'tape: sb. st. Kurgan: Kurgansk. gos. un-t, 2015. Vy'p. 4. S. 119–126.
2. Borisova E.G. Chto daet marketingovaya lingvistika marketingu i lingvistike? (Vmesto predisloviya) // Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigayushhego

teksta: kollektivnaya monografiya / pod red. E.G. Borisovoj, L.G. Vikulovoj. M.: Flinta, 2019. S. 4–10.

3. *Vavilova E.N.* Kosmetologicheskij diskurs: postanovka problemy' // Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta. 2015. № 4 (157). S. 124–126.

4. *Vikulova L.G., Makarova I.V.* Sajt marketingovoj napravlenosti kak kommunikativny'j kanal: internet-magazin «Labirint» // Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigayushhego teksta: kollektivnaya monografiya / pod red. E.G. Borisovoj, L.G. Vikulovoj. M.: Flinta, 2019. S. 19–31.

5. *Kosiczka F.L., Zajceva I.E.* Francuzskij kosmetologicheskij diskurs v sfere profesional'noj kommunikacii // Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta. 2017. № 6 (183). S. 20–24.

6. DALTON [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.dalton-cosmetics.com/de/> (data obrashheniya: 12.05.2019).

7. Facebook [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.facebook.com/pg/DALTON-MARINECOSMETICS/reviews/> (data obrashheniya: 12.05.2019).

8. *Xolodova D.D.* K opredeleniyu ponyatiya *diskurs* // Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodejstviya / otv. red. O.A. Sulejmanova. M.: Lenand, 2018. S. 7–16.

9. *Shejgal E.I.* Semiotika politicheskogo diskursa: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01, 10.02.19. Volgograd, 2000. 31 s.

10. *Yary'gina E.S.* Struktura, semantika i sintaksicheskie funkcii frazeologizirovanny'x konstrukcij v argumentativnom diskurse // Vestnik MGPU. Ser. Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2018. № 4. S. 46–55.

11. Trustedshops.de [E'lektronny'j resurs]. URL: https://www.trustedshops.de/bewertung/info_X2582FFA07BEE9DF9B996DE87FEAC8D59.html?utm_source=shop&utm_medium=link&utm_content=TrustmarkCellNo1__trustmark_and_reviews&utm_campaign=trustbadge_maximised (data obrashheniya: 12.05.2019).

V.A. Sobyantina

On Lexical Features of German Cosmetological Internet Discourse

The article focuses on the lexical features of the German cosmetic discourse on the example of Dalton cosmetics Internet site. There are most frequent thematic vocabulary groups, types of evaluative vocabulary and its functions in the frame of cosmetology discourse actualised on the bases of specific language material. The research aims at establishing the connection between cosmetology and other types of discourse, primarily advertising; gender peculiarities in the use of vocabulary are analyzed.

Keywords: discourse; cosmetic discourse; advertising discourse; evaluative vocabulary; gender peculiarities of the vocabulary.

УДК 811.16

DOI 10.25688/2076-913X.2019.35.3.05

В.В. Шаповал

Устойчивые закрытые списки слов как объект текстологии ранних славянских словарей

Различие между двумя типами устойчивых закрытых словарных списков очень важно для текстологии и истории ранних славянских словарей. С одной стороны, есть списки слов, где каждый элемент просто узнаваем и верифицируем на основе коллективного визуального опыта (например, знаки зодиака). С другой — есть списки слов, где границы между абстрактными элементами-позициями не являются очевидными и постоянными (семь главных грехов). Списки последнего типа, как показывает анализ, более изменчивы в словарях.

Ключевые слова: ранние славянские словари; устойчивые словарные списки; текстология.

На ранних этапах формирования славянских литературных языков велико влияние переводов с латинского языка в рамках общеевропейской традиции [6, с. 57; 7, с. 28]. При изучении в этом аспекте ранних славянских словарей представляется важным рассматривать единицы более высокого порядка, чем отдельная словарная статья, однако этот аспект анализа пока мало обеспечен. В этой области текстологии трудно говорить о сформированном наборе приемов анализа. Часто латинско-славянские словари построены по тематическому принципу, алфавитное расположение только формируется или вообще отсутствует. В такой ситуации традиционный порядок слов в тематическом списке или его фрагменте оказывается чрезвычайно важным для выяснения и обоснования отношений преемственности между словарями. Типология такого рода списков с постоянным числом позиций (7, 8, 10, 12) пока далека от обобщения. Целью данной статьи является предварительное сравнение двух контрастных списков, выбранных из значительного числа тематических групп, представленных в ранней латинско-славянской лексикографии: один — с более четкими, субъективно опознаваемыми границами между позициями (знаки зодиака), другой — с визуально не верифицируемыми границами между позициями (главные грехи в традиционных представлениях). Списки были сопоставлены в целях оценки сравнительной устойчивости их славянских переводных эквивалентов в первых латинско-славянских словарях. Решение этой задачи позволяет оценить рамки

применимости специфического текстологического приема на словарном материале, поскольку в нарративных источниках списки указанного типа встречаются реже и не выступают в качестве основного конструктивного элемента текста как целого.

Закрытые списки гипонимов (как названия дней недели, месяцев, времен года) обычно охватывают строго определенное число «мест» и содержательно покрываются общим гиперонимом. Их устойчивость определяется ранним усвоением и заучиванием наизусть, поэтому в рамках конкретной традиции изменения в их составе всегда значимы. Такого рода списки не содержат пропусков. Однако в том случае, когда речь идет о детализации и членении объема более отвлеченного понятия, очевидно, что как его границы, так и назначаемое по традиции число «мест» в составе списка оказывается условным. Но и в этом случае полнота охвата содержательного объема гиперонима задается традицией и не подвергается сомнениям. Для истории ранних словарей существенно, что эти две разновидности списков заполняются, как нам представляется, принципиально различными способами, но осознание этого различия затрудняется общим подобием всех закрытых списков.

Рассмотрим в качестве двух контрастных примеров список знаков зодиака и список семи смертных грехов, чтобы проиллюстрировать ряд наиболее заметных различий в истории формирования этих разновидностей закрытых списков.

Знаки зодиака — секторы небесной сферы в астрологии, соотносимые с созвездиями, местом в годовом цикле и с часом на циферблате. Например, Козерог соответствует первому часу и примерно концу декабря – началу января.

Обратимся к материалу четырех ранних латинско-славянских словарей: словарь монаха-францисканца Я. Воднянского (около 1460 – после 1534) [5]; небольшой анонимный латинско-чешско-немецкий словарь, изданный И. Ветором (1480–1546/1547) [1]; латинско-немецко-польский «Словарь различных вещей» Я. Мурмелия (1480–1517) [3]; латинско-немецко-польский словарь просветителя Ф. Мымера (около 1500 – после 1564) [4].

Поскольку обозначения знаков зодиака и их последовательность в словарях имеют варианты, мы ставим при них номера от 1 до 12. Далее в ломаных скобках внутри цитат даны переводы на русский, а соответствующие эквиваленты также и в переводах на современный чешский и по необходимости на немецкий язык, последнее иногда важно, в частности для словаря 1513 г.

В словаре Воднянского 1511 г. все знаки зодиака перечислены списком [5, с. 355]. (Издание без пагинации, указан физический номер страницы по имеющейся копии). Рассмотрим первый список:

1. «Aries Skopetz <совр. **skopec; валух, кладеный баран; Овен**>» [5, с. 355]; в словаре 1513 г. встретились не все названия знаков зодиака, а первый из них

имеет ошибочное немецкое соответствие из следующей строки: «Aries korpetz <валух> ftier <Stier; бык; Телец>» [1, с. 6а]. Совр. чешск. *Baran*.

2. «Taurus Byk <Byk; бык; Телец>» [5, с. 355]. Совр. чешск. *Byk*. Далее при совпадении с современным названием знака зодиака последний отдельно не указывается.

3. «Gemini. Bližentzy <Blíženci; Близнецы>» [5, с. 355].

4. «Cancer Rak <Rak; Рак>» [5, с. 355].

5. «Leo lew <Lev; Лев>» [5, с. 355]; «Leo lew leb <≈Löwe>» [1, с. 6v].

6. «Virgo Panna <Panna — “молодая госпожа”; “Дева”, также “Богородица”>» [5, с. 355].

7. «Libra waha <Váhy — “веса”, “весы”; “Весы”>» [5, с. 355].

8. «Scorpio <скорпион> Sftijr <štír — “скорпион”; “Скорпион”, есть и совр. чешск. *škorpion*>» [5, с. 355]; также: «Scorpio ftir <štír> scorpion <Skorpion>» [1, с. 3v]. Чешский *Štír* — «Скорпион» не связан с вышеупомянутым нем. *Stier* — «Телец»: чешск. *štír* соответствует польск. *szczur* и русскому *щур* — «крыса» [14, с. 642–643]; нем. *Stier* этимологически связывают с греч. *taurus*, ср. готское *stiur* — «молодой бычок», *young bull*, староангл. *steor* [12].

9. «Sagittarius strzeletz (курсивом выделены раскрытые лигатуры в латинице. — В. Ш.). <Střelec — “Стрелец”>» [5, с. 355].

10. «Capricornus kozorožetz <kozorožec — “Козерог”>» [5, с. 355]. Совр. чешск. *Kozoroh*.

11. «Aquarius wodnarz <Vodnár — “Водолей”>» [5, с. 355]. В словаре 1513 г. этого знака зодиака нет. Тематически близкая словарная статья содержит признаки пропуска и ошибочного слияния двух слов: «Nereides <Nérovny — “Нереиды”> wodnumž <vodní muž — “водный мужчина”> wasserman <Wassermann — “Водолей”, “водяной”, букв. “водный мужчина”>» [1, с. 5v].

12. «Pifces Ryby <Ryby — “Рыбы”>» [5, с. 355]. В словаре 1513 г. нет этого знака зодиака, ср.: «Pifcis Ryba <ryba> vířch <Fisch>» [1, с. 4v].

Как видим, поныне названия знаков зодиака в чешском сохраняют преемственность (за исключением номеров 1, 8 и изменившегося суффикса — в 10-м). Далее представим польский материал того же столетия (в ломаных скобках в случае отличий даны переводы на современный немецкий и польский языки). Для знаков зодиака в словаре Мурмелия 1526 г. имеется особый раздел, а в словаре Мымера 1550 г. они распределены по алфавиту с пропуском 6-го и 8-го номеров:

«*Duodecim signa Zodiaka. Die zwelff czeichen. Dwanafcie znamion niebefkich* <12 знаков небесных> [3, с. 4].

1. «*Aries, ge. ma. de. Iij.* <род жен., скл. 3-е> Der wider. <Widder> Baran <Овен>» [3, с. 4]; «*Aries Wider Baran*» [4, с. 1v].

2. «*Taurus, ge. ma. de. ij.* <род муж., скл. 2-е> Der ftier. <Stier> Byk <Телец>» [3, с. 4]. «*Taurus Styer. Byk*» [4, с. 2v].

3. «*Gemini, ge. ma. de. ij.* Die zwillig. <Zwillinge> Bliźnięta <Близнецы>» [3, с. 4]. «*Gemini czwiling. Bliźnięta <Bliźnięta>*» [4, с. 2r].

5. «*Leo, ge. ma. de. iij.* Der lew. <Löwe> Lew <Лев>» [3, с. 4]. «*Leo Leb Lew*» [4, с. 2r].

9. «*Sagittarius, ge. ma. de. iij.* Der schutz. <Schütze> Strzelec <Стрелец>» [3, с. 4]. «*Sagittarius Schucz Strzelec*» [4, с. 2v].

6. «*Virgo, ge. fe. de. iij. Die iunckfraw. <Jungfrau> Panna <Дева>*» [3, с. 4].
4. «*Cancer, ge. ma. de. iij. Der krebs. <Krebs> Rak <Рак>*» [3, с. 4]. «Cancer Krebs Rak» [4, с. 1v].
7. «*Libra ge. ma. de. i. Die wag. <Waage> Waga <Весы>*» [3, с. 4]. «Libra Wag. Waga» 0912.
10. «*Capricornus, g. m. d. ij. Der fteynbobk. <Steinbock> Kozorožec <Koziorožec — “Козерог”>*» [3, с. 4]. «Capricornus fteynbok Kozorožec» [4, с. 1v].
11. «*Aquarius, g. m. d. ij. Der wassermon. <Wassermann> Wodny maž <Wodnik — “Водолей”>*» [3, с. 4]. «Aquarius Wafferman Wodnik» [4, с. 1v].
8. «*Scorpio, g. m. d. ij. Der fcorpion. <Skorpion — “Скорпион”> Niedźwiadek <Skorpion?>*» [3, с. 4].
12. «*Pifces, g. ma. d. iij. nomen numeri multitudines tantum hoc significato. Viſche. <Fische> Ryby <Рыбы>*» [3, с. 4]. «Pifcis Fiſch Ryba» [4, с. 2v].

За пять столетий в польских названиях знаков зодиака небольшие изменения, как и в чешском языке, судя по словарю И. Ветора, коснулись номера 10. Кроме того, в позиции 8 нет уверенности, что это именно название знака зодиака, а не собственно насекомого, о чем мы уже писали [2, с. 31].

Другой закрытый устойчивый список содержит описание семи смертных грехов. В христианской традиции количество главных грехов было изначально равно восьми, а затем сократилось за счет *печали (tristicia)*, слившейся с *унынием*, до семи наименований. Их последовательность, долгое время испытывавшая колебания, была окончательно установлена папой римским Григорием I Великим: (1) *superbia* (гордыня), которая порождает остальные, (2) *invidia* (зависть), (3) *ira* (гнев), (4) *accidia / tristicia* (уныние), (5) *avaritia* (алчность), (6) *gula* (чревоугодие), (7) *luxuria* (похоть) [9, с. 27, примеч. 6]. Поскольку некоторые из них имеют варианты, далее мы будем ставить при них номера от 1 до 7. Эти вспомогательные индексы не являются частью словарных цитат. Описания семи кругов Чистилища у Данте в «Божественной комедии» представлены в той же канонической последовательности (для каждой из семи позиций приводится номер начальной песни и страница): Canto X, *superbia* (<страница:> 200), Canto XIII, *invidia* (214), Canto XV, *ira* (224), Canto XVII, *accidia* (234), Canto XIX, *avaritia* (244), Canto XXII, *gola* (259), Canto XXV, *lussuria* (273) [2].

Выяснив наиболее важные факты, обратимся к материалу тех же словарей. В словаре 1513 г. в самом начале раздела «De vicijis» (о пороках) семь смертных грехов следуют подряд, хотя и в необычной очередности [1, с. 8a] (в ломаных скобках далее даны переводы на русский, а также на современный чешский и немецкий языки):

Общий термин предваряет список: «*Uicium <порок> hržuch <hřich — “грех”> laſter <Laster — “порок”>*» [1, с. 8a]. Далее грехи даны списком:

1. «*Superbia <высокомерие> ruſcha <pýcha — “гордость”, “надменность”;>* букв. “надутость”» *hoffart <Hoffart — “надменность”, “чванство”;>* от *hoch — “высокий”>*» [1, с. 8a].

5. «Auaritia <скупость> lakomftwij <lakomství — “алчность”> geitigkeit <Geitigkeit — “жадность”, от *geitig*>» [1, с. 8а]. См.: «Auaritia gritikait» [10, с. 41], ср., напр., англ. *greedy* — «жадный», голланд. *gretig* — то же [12].

7. «Luxuria <похоть> fmilftwo <*smilstvo* — “блуд”> vnkeufscheyt <Unkeuschheit — “нецеломудренность”>» [1, с. 8а].

3. «Jra <гнев> hniew <*hněv* — “гнев”> zorn <*Zorn* — “гнев”>» [1, с. 8а].

6. «Gula <прожорливость> lakota <*lakota*; совр. *nestřídmost* — “жадность”> fraß <*Fraß* — “обжорство”>» [1, с. 8а].

2. «Jnuidia <зависть, ревность; ненависть> zawist <*závist*; зависть> neyd <*Neid* — “зависть”>» [1, с. 8а].

4. «Accidia <или *Imbecillitas* — “лень”, “бессилие”, как в: [10, с. 5]> lenoft <*lenost* — “леность”> tragkeyt <*Trägheit* — “вялость”, “инертность”>» [1, с. 8а]. Ср.: *accidia* (лень, нерадивость) — слово уже скорее итальянское, а также позднелат. грецизм «*acedia, acidia, accidia* (gr.): **melancolie, inertie mentale, découragement — mental weariness, gloom*» [12, с. 12].

Как видим, с современными совпадает шесть названий из семи. Те же названия грехов, кроме (4) *accidia*, находят точные параллели в словаре Воднянского, изданном двумя годами ранее [5].

5. «<A>Varus dicitur qui inordinate cupit res temporales. Et dicitur auarijs qui auens cupiens aurum. Lakomy. Jnde auaricia. Lakom|ftwije» [5, с. 45] <*Avarus* зовется тот, кто беспорядочно желает вещей временных. И зовется [от] имений (народная этимология, см.: *avere = habere* [12, с. 74–75]. — В. Ш.), кто [есть] имеющий и желающий золота. *Lakomý* [чешск. «жадный»]. Откуда *avaritia. Lakomství* [чешск. «жадность»]>.

6. «Gula fp ē<st> anterior pars colli <передняя часть шеи> <нрзб.> Lakota <чешск. “жадность”>» [5, с. 164].

Нирмайер не дает подобных отвлеченных значений *Gula*, только конкретное (пасть; устье): «1. *embouchure d'une fleuve — mouth of river...* 2. *peau du gosier de la martre — fur from marten throats...*» [12, с. 477].

2. «Jnuidia fp Zawist <ж., 1-е скл. чешск. *závist* — “зависть”>» [5, с. 187].

3. «<J>Ra fp/ē<st> furor recens. cito tranffiens <ira ж., 1-е скл. есть ярость внезапная, быстро пронзающая> Hniew <чешск. *hněv* — “гнев”>» [5, с. 188].

7. «Luxus xus vi ideft. voluptas. delectatio <6-е скл. то же, что страсть, вожделение> Vuynost. fmilnost. kochanije <ср. чешск. *smilstvo* — “несдержанность”, “разврат”, “любовь”> q| Luxuria idem <то же>» [5, с. 206].

1. «Superbia fp руща <ж., 1-е скл. чешск. *Pýcha* — “гордость”>» [5, с. 321].

Некоторые колебания при передаче позиций 6 и 7 не отменяют общего единства традиции.

Вскоре этот список обнаруживается в латинско-немецко-польском словаре [3, с. 207], однако порой признаваемое влияние на него чешских образцов именно в списке грехов не так заметно: позиции 2, 6, 7 опираются на независимую польскую традицию (в ломаных скобках далее даны переводы на русский, а соответствующие эквиваленты — в переводах на современный немецкий и польский языки):

«Septem vitia capitalia. <семь пороков главных> Siben todtfunde. <sieben Todsünde> Syedm smyertnych grecow. <siedem śmiertnych grzechów; семь смертных грехов>» [3, с. 207].

1. «Superbia. Hochfertigkeit. <Hochfertigkeit — “высокая готовность / мастерство”, от *fertig* — изначально *zur Fahrt bereit*, букв. “к поездке готовый” [11, с. 127]; *Hochwertigkeit* (?) — “высокое достоинство / ценность”> Puchá. <pu-cha — “надменность”>» [3, с. 207]. Совр. *próżność* (лат. *inanis gloria* — “пустая слава”).

5. «Auaricia. Geytzigkeit. <Geitigkeit — “жадность”> Łakomóć. <łakomość — “жадность”>» [3, с. 207]. Совр. польск. *chciwość* (лат. *avaritia*).

7. «Luxuria. Unkeyfcheyt. <Unkeuschheit — “нецеломудренность”> Nieczyfotá. <nieczystota — “нечистость”; совр. *nieczystość*>» [3, с. 207].

3. «Ira. Czorn. <Zorn — “гнев”> Gnyew. <совр. gniew — “гнев”>» [3, с. 207].

6. «Gulofitas. <“обжорство”, от *gula* — “глотка”> Freferey. <Fresserei — “прожорливость”, от *fressen* — “жрать”> Obżárstwo. <obżarstwo — “прожорливость”>» [3, с. 207]. Совр. *łakomstwo* (лат. *gula*).

В немецком языке толкование латинского *invidia* является наиболее полным в следующем случае: 2. «Inuidia. Neyd ader haß. <Neid oder Haß — “зависть” или “ненависть”> Zazdrość. <zazdrość — “зависть”>» [3, с. 207].

Примечательно, что в качестве соответствия обычному русскому переводу *уныние* представлен вслед за немецким пространный описательный эквивалент: 4. «Accidia. Trokheit ader verdrossenheit gots dienst vnd gutten wercken. <Tragheit oder Verdrossenheit Gots Dienst und guten Werken — “инертность или недовольство в Божьей службе и добрых делах”> Leniſtwo ku bożey ſłuźbie y dobrym vczynkom. <leniſtwo ku Bożej ſłuźbie i dobrym uczynkom — “лень в Божьей службе и добрых поступках”; *acedia, czyli zobojętnienie i zniechęcenie duchowe*>» [3, с. 207].

Как можно заметить, позиции 1, 4–6 и (словообразовательно) 7 отличны от современного польского списка. Рассмотрим материал из более позднего словаря:

Siedem grzechów głównych <Семь главных грехов>.

4. «Accidia Tragheyt <Tragheit — “инертность”> Leniſtwo <*acedia, zobojętnienie i zniechęcenie duchowe* = “равнодушие” и “духовное уныние”; совр. *zniechęcenie*>» [4, с. 36v].

5. «Auaricia Geyczekeyt <Geitigkeit — “жадность”> łakomſtwo <*łakomstwo*, не так, как в 1526, где *łakomość* — “жадность”, но ближе к чешским словарям; совр. польск. *chciwość*>» [4, с. 36 v].

6. «Gula Fraß <Fraß — “обжорство”, не так, как в 1526, где *Freferey*, но ближе к чешским словарям> obżarſtwo <*obżarstwo* — “прожорливость”>» [4, с. 37a]. Совр. *łakomstwo* (лат. *gula*).

2. «Inuidia Neyd <Neid — “зависть”, опять ближе к чешским словарям> Zazdrość. <*zazdrość* — “зависть”>» [4, с. 37a].

3. «Ira czornn <Zorn> Gnyew <*gniew* — “гнев”>» [4, с. 37a].

7. «Luxuria vnkeufcheyt <Unkeuschheit — “нецеломудренность”> ſmyłſtwo <*smyłstwo* — “блуд”; *nieczystość*>» [4, с. 37v]. Богемизм *smyłstwo* — «разврат»

[13], который обсуждался авторами польской реформации как обоснованное заимствование из чешского [8, с. 20–21, примеч. 35], здесь опять подтверждает сближение с чешскими словарями.

1. «*Superbia hochfart* <*Hoffart* — “высокомерие”; от *hoch* — “высокий” и (этимологически от) *fahren* — “ехать”> *pychá* <*pycha* — “надменность”; *próżność* (*inanis gloria*), как и выше>» [4, с. 37v].

В двух словарях совпадают 1–3, 6 и (при словообразовательных различиях) 5. Отличия от современного списка представлены в 1, 4–7.

Перейдем к итогу. Конечно, визуальные границы секторов между знаками зодиака на небесной сфере достаточно условны, о чем свидетельствует появление тринадцатого знака — *Змееносца* (*Ophiuchus*), а также изменение календарной привязки знаков зодиака. Однако эти границы заметно устойчивее и строже, нежели мыслимые границы между основными грехами, где обобщение проводится по иным, визуально не контролируемым основаниям. Вероятно, этим фактом не в последнюю очередь обусловлена заметно большая неустойчивость их наименований в четырех словарях, выявленная как при их взаимном сравнении, так и при сопоставлении с современным материалом чешского и польского языков.

В первом случае ряд формировался из названий хорошо известных по опыту существ (*баран, бык, близнецы, рак, лев, дева, скорпион, рыбы*) и предметов (*весы*), даже *стрелец-лучник* и *водолей-водонос* были вполне узнаваемыми фигурами в XVI в., а *козерог* как экзотический представитель подвида рода горных козлов имеет аналоги среди домашних животных любого европейского региона. Таким образом, первый ряд был предметным и зрительно знакомым.

Во втором случае ряд формировался из названий действий и чувств, проявления которых отчасти могли смешиваться между собой: зависть и ненависть, жадность и чревоугодие и пр., как было показано на примерах выше. (При этом симптоматично накопление несколько большего числа различий в польском языке в условиях непрерывной письменной традиции по сравнению с чешским языком, где возрождение литературного языка напрямую опиралось на образцы более отдаленного прошлого). Расплывчатость границ между обобщенными категориями и приводила в конечном счете к большей вариативности выбираемых названий при заполнении семи позиций списка по сравнению с названиями знаков зодиака. Это различие скрадывается при представлении слов списком, но оно существенно при изучении текстологии и истории словарей.

Библиографический список

Источники

1. *Anon. Dictionarius: trium linguaru[m]. latine. teutonice: Boemice potiora vocabula continens: peregrinantibus apprime utilis.* Wien: Hieronymus Vietor & Johann Isingriener, 1513. 20 p.

2. *Dante Alighieri*. La Divina Commedia [Электронный ресурс]. 475 p. URL: <http://www.ebooksbrasil.org/adobeebook/ladivinacommedia.pdf> (дата обращения: 26.12.2018).

3. *Murmelius J.* Dictionarius Ioannis Murmellii variarum rerum tum pueris tum adultis utilissimus, cum Germanica atque Polonica interpretatione. Cracoviae: Hieronimus Vietor, 1533. 210 p.

4. *Myer F.* Dictionarius: trium linguarum: latine, teutonice et Polonice: potiora vocabula continens / Nunc denuo pluribus in locis auctus / in Titulis per seriem Alphabeti continuatus / cum peregrinantibus tum domi residentibus / et quibuslibet tribus loqui linguis cupientibus maxime necessarius / et vtilissimus. Cracovia: M. Szarfenberg, 1550. 96 p.

5. *Vodňanský J.* Vocabularium cuius nomen Lactifer. Pilsen: Nicol. Bakalarz, 1511. 589 p.

Литература

6. *Чупрына О.Г.* Дискурсивные особенности английского средневекового медицинского трактата // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 4 (24). С. 57–66.

7. *Шаповал В.В.* О названиях животных в ранних славянских словарях // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 3 (27). С. 28–34.

8. *Frick D.A.* Polish Sacred Philology in the Reformation and the Counter-Reformation: Chapters in the History of Controversies (1551–1632). Berkeley: University of California Press, 1989. 288 p. (University of California Publications in Modern Philology, vol. 123).

9. *Lindorfer B.* Peccatum linguae and the Punishment of Speech Violations in the Middle Ages and Early Modern Times // Godsall-Myers J. E. (ed.). Speaking in the medieval world. Leiden; Boston: BRILL, 2003. P. 23–42 (Cultures, Beliefs and Traditions Medieval and Early Modern Peoples, vol. 16).

Справочные и информационные издания

10. *Diefenbach L.* Novum glossarium latino-germanicum mediae et infimae aetatis. Frankfurt am Main: J.D. Saueßländer's Verlag, 1867. XXIV, 388 p.

11. *Köbler G.* Deutsches Etymologisches Wörterbuch [Электронный ресурс]. 1995. URL: <http://www.koeblergerhard.de/derwbhin.html> (дата обращения: 26.12.2018).

12. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 26.12.2018).

13. Polska Encyklopedia Historyczno-Genologiczna [Электронный ресурс]. URL: www.genealogia.okiem.pl/.../glossary.php?word=smylstwo (дата обращения: 26.12.2018).

14. *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Voznice: Leda, 2001. 752 s.

References

Istochniki

1. *Anon.* Dictionarius: trium linguaru[m]. latine, teutonice: Boemice potiora vocabula continens: peregrinantibus apprime vtilis. Wien: Hieronymus Vietor & Johann Isingriener, 1513. 20 p.

2. *Dante Alighieri*. La Divina Commedia [E'lektronny'j resurs]. 475 p. URL: <http://www.ebooksbrasil.org/adobeebook/ladivinacommedia.pdf> (data obrashheniya: 26.12.2018).

3. *Murmelius J.* Dictionarius Ioannis Murmellii variarum rerum tum pueris tum adultis utilissimus, cum Germanica atque Polonica interpretatione. Cracoviae: Hieronimus Vietor, 1533. 210 p.

4. *Mymer F.* Dictionarius: trium linguarum: latine. teutonice et Polonice: potiora vocabula continens / Nunc denuo pluribus in locis auctus / in Titulis per seriem Alphabeti continuatus / cum peregrinantibus tum domi residentibus / et quibuslibet tribus loqui linguis cupientibus maxime necessarius / et vtilissimus. Cracovia: M. Szarfenberg, 1550. 96 p.

5. *Vodňanský J.* Vocabularium cuius nomen Lactifer. Pilsen: Nicol. Bakalarz, 1511. 589 p.

Literatura

6. *Chupry'na O.G.* Diskursivny'e osobennosti anglijskogo srednevekovogo medicinskogo traktata // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2016. № 4 (24). S. 57–66.

7. *Shapoval V.V.* O nazvaniyax zhitovny'x v rannix slavyanskix slovaryax // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2017. № 3 (27). S. 28–34.

8. *Frick D.A.* Polish Sacred Philology in the Reformation and the Counter-Reformation: Chapters in the History of Controversies (1551–1632). Berkeley: University of California Press, 1989. 288 p. (University of California Publications in Modern Philology, vol. 123).

9. *Lindorfer B.* Peccatum linguae and the Punishment of Speech Violations in the Middle Ages and Early Modern Times // Godsall-Myers J. E. (ed.). Speaking in the medieval world. Leiden; Boston: BRILL, 2003. P. 23–42 (Cultures, Beliefs and Traditions Medieval and Early Modern Peoples, vol. 16).

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. *Diefenbach L.* Novum glossarium latino-germanicum mediae et infimae aetatis. Frankfurt am Main: J.D. Saueßländer's Verlag, 1867. XXIV, 388 p.

11. *Köbler G.* Deutsches Etymologisches Wörterbuch [E'lektronny'j resurs]. 1995. URL: <http://www.koeblergerhard.de/derwbhin.html> (data obrashheniya: 26.12.2018).

12. Online Etymology Dictionary [E'lektronny'j resurs]. URL: www.etymonline.com (data obrashheniya: 26.12.2018).

13. Polska E'ncyklopedia Historyczno-Genologiczna [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.genealogia.okiem.pl/.../glossary.php?word=smylstwo> (data obrashheniya: 26.12.2018).

14. *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Voznice: Leda, 2001. 752 s.

V.V. Shapoval

Stable Closed Wordlists as an Object of Textual Criticism in Early Slavic Dictionaries

The difference between the two types of the stable closed wordlists plays a significant role in the textual history of the early Slavic dictionaries. On the one hand, there are the wordlists, where every item is merely recognizable and verified on the basis of common everyday visual experience (e.g., zodiac signs). On the other hand, there are the wordlists, where the borders between abstract concepts are neither obvious, nor constant (seven major sins). The dictionaries under study claim the latter are more changeable.

Keywords: early Slavic dictionaries; stable wordlists; textual criticism.

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

УДК 81.161.1.42

DOI 10.25688/2076-913X.2019.35.3.06

Н.Н. Шпильная

**Гомологическая симметрия лексемы
и текста как семиотическое условие
деривационного функционирования текста
(на материале текстов повседневной сетевой
коммуникации)¹**

В статье поднимается проблема поиска семиотических условий деривационного функционирования текста. В качестве такого условия предлагается рассматривать гомологическую симметрию лексемы и текста, определяющую специфику непрерывного деривационно-мотивационного процесса и обуславливающую способ производства текста из лексемы как его закононосителя. В работе выделены два типовых варианта превербальной организации речевого произведения в актах его генезиса и функционирования, которые отражают специфику гомологической симметрии лексемы и текста.

Ключевые слова: деривация текста; деривационное функционирование текста; гомологическая симметрия; производный текст; лексема.

Вводные замечания. Статья вписывается в русло деривационной текстологии, предметом изучения которой является деривационное функционирование текста. Несмотря на то что проблема производства речевых произведений давно осознана в лингвистике, в текстодериватологии имеются вопросы, требующие отдельного обсуждения, в частности вопрос об условиях деривационного функционирования текста. В данной работе предпринимается попытка показать, что одним из таких условий является гомологическая симметрия лексемы и текста.

В.Г. Гак, рассуждая об использовании идеи симметрии/асимметрии в лингвистике, отмечает, что в системе языка возможны три типа симметрии:

¹ В статье использованы примеры из диссертации автора: Шпильная Н.Н. Русский диалогический текст: деривационный аспект. Кемерово, 2016. 624 с.

статическая, гомологическая и динамическая симметрия [2]. Н.Д. Голев и его ученики, работающие в русле деривационной грамматики русского языка, по сути, описывают деривационно-мотивационные отношения в системе языка с опорой на явление динамической симметрии, обнаруживаемой в развитии языковой единицы по линии А-А', где А' — это созданный на базе исходного языковой знак, отличающийся от последнего в качественном расхождении означаемого или означающего, т. е. в асимметрии структуры — в расхождении либо по линии диктумного содержания, либо по линии модусного содержания. Опора на свойство асимметрии языкового знака, в том числе и текста, позволяет ученым объяснять семиотический механизм действия непрерывного деривационно-мотивационного процесса.

Наши наблюдения над языковым материалом — текстами сетевой коммуникации — позволяют говорить о том, что в актах деривации языковых единиц наряду с явлением динамической симметрии, имеющей следствием асимметрию структуры [2, с. 114], возможно явление гомологической симметрии, предполагающей соотношение двух языковых знаков по линии подобия, при котором языковые знаки создаются путем преобразования одного в другой. Явление гомологической симметрии хорошо иллюстрируется на примере геометрической симметрии: «Если фигуру (например, квадрат) отразить в разных плоскостях, по-разному повернуть, “транслировать”, то создаются новые фигуры, связанные с исходной гомологическими отношениями» [2, с. 108]. Проецируя сказанное на область языковых отношений, мы полагаем, что явление гомологической симметрии языковых знаков позволяет объяснить системный принцип организации непрерывного деривационно-мотивационного процесса [3] как многорелейной зависимости языковых единиц (знаков), созданных в результате преобразований друг в друга и связанных отношениями подобия, т. е. гомологическими отношениями. Применительно к проблеме нашего исследования речь идет о гомологической симметрии лексем и текста как двух языковых единиц (знаков), между которыми устанавливаются отношения подобия, позволяющие непрерывно осуществлять акты деривации и мотивации.

Деривационно-мотивационный процесс как проявление гомологической симметрии лексем и текста. В статье развиваются идеи Н.Д. Голева о суппозиционной основе актов генезиса и функционирования языковых единиц, представляемых (о генезисе и функционировании) как акты производства/воспроизводства. В качестве суппозиции для актов производства/воспроизводства языковых единиц ученый рассматривает мотивационные отношения, пронизывающие языковое пространство. «Мотивация <...> представляет суппозиционную сторону порождения речевых единиц, которые выступают как детерминированные другими единицами, выше- или нижестоящими или однопорядковыми. Функционировать и порождать, функционировать и быть объектом порождения — в данном отношении в принципе однознач-

но» [3, с. 33; 18]. Иными словами, деривационные отношения в системе языка, по мнению Н.Д. Голева, обусловлены тенденциями языкового знака к мотивированности (производство) и немотивированности (воспроизводство). Как известно, тенденция к мотивированности обнаруживается в осуществлении актов производства, предполагающих опору на исходные суппозиции. А тенденция к немотивированности — в осуществлении актов воспроизводства языковой единицы как целостной сущности. По мнению ученого, данные тенденции нейтрализуются в актах создания / функционирования языковых единиц. Онтологическое проявление подобной нейтрализации — непрерывный деривационно-мотивационный процесс как стержневая линия динамики языка [3].

Деривационно-мотивационный процесс есть процесс деривации означаемого за счет опоры на форму языковых единиц, служащих для него (означаемого) суппозицией. Ср.: «Опора на данное создает детерминированность, или текстовую мотивированность, языковой единицы в качестве компонента текста» [12, с. 47]. Именно в этом смысле деривация и мотивация образуют единый непрерывный деривационно-мотивационный процесс, при котором планы и уровни языка, по сути, стираются [3]. При этом полагается, что непрерывность деривационно-мотивационного процесса обусловлена свойством структурной дискретности языкового знака — возможностью выделения в нем внутренней формы, служащей вербальным образом будущей языковой единицы и демонстрирующей генетическое единство языковых единиц, вовлеченных в этот процесс. Это положение подробно иллюстрируется в работах [1, 4, 14 и др.].

Развивая идеи Н.Д. Голева, мы полагаем, что условием осуществления непрерывного деривационно-мотивационного процесса является не только структурная дискретность языкового знака, но и его системная дискретность, обусловленная возможностью выделения в нем менее сложных в структурном отношении единиц и их способностью служить представителем текста в актах его производства/воспроизводства. Сказанное находит подтверждение в идее многорелейной зависимости языковых единиц, при которой «элементы одного яруса определяются через элементы другого яруса, в которой нет исходного яруса, определяемого через систему, в которой ярусы выделяются не путем последовательного укрупнения или дробления единиц, а путем многократного обращения к единицам другого яруса» [6, с. 64]. Это означает, что единицы языка переводятся друг в друга в актах употребления языка, при этом их переводимость является взаимной: при интерпретации речевого произведения последняя осуществляется «сверху вниз», а при создании речевого произведения — «снизу вверх», где «снизу» тождественно предыдущему «сверху». Образуемый таким образом непрерывный деривационно-мотивационный процесс предстает как некий круговорот языковых единиц, обусловленный их системной дискретностью, т. е. способностью выделять в своем составе менее сложные в структурном отношении элементы, служащие эквивалентом

и внешним представителем макроединицы как элемента, способного «сохранить или приобрести свою синхронную значимость, но эта значимость будет уже существенно иной, нежели исходное, генетико-детерминационное, значение “первозлемента”» [18, URL]. При этом реальной единицей языка признается текст: конечной языковой целью деривации — является текст [11].

Лексема и текст как элементы деривационно-мотивационного процесса. Не вдаваясь в дискуссию относительно проблемы системной членности текста и выявления его представителя в актах генезиса и функционирования (см. подробнее: [15–16]), мы считаем, что в качестве законосителя текста выступает лексема (словоформа), а в качестве его знака — внутренняя форма. По сути, это означает, что лексема является первозлементом внешней формы текста — элементом превербальной организации текста, или внешней формой внутренней формы текста как вербального образа будущей языковой единицы (см. подробнее: [13–14]). О корреляции лексем и текста при цитации см. также [7–8].

Проблема соотношения лексем и текста в деривационном ключе предполагает возможность моделирования этого процесса — **от слова и от текста**. «Речь идет о наличии двух механизмов построения текста: от слова и от текста, что соответствует в теории деривации двум моделям построения текста: формально-семантической, имеющей соответствия на уровне поверхностных структур, и семантической, протекающей на уровне глубинных структур, или семасиологической и ономасиологической» [9, с. 277].

В докторской диссертации Н.В. Мельник моделирование процесса создания текста осуществляется от текста. В центре внимания исследователя — формально-семантические единицы (единицы внутренней формы текста), пронизывающие текстовое пространство. Деривационное развитие текста рассматривается как его лексико-деривационное развитие, сопряженное с «актуализацией его формально-семантических связей с другими словами, с активным участием в текстопорождении и текстовосприятии внутренней формы слова» [9, с. 247]. При этом проблема взаимодействия слова и текста связывается исследователем с отражательным компонентом языковой способности, ее копиальной или креативной составляющей. По существу, соотношение слова и текста исследуется как **проблема цитирования — отражения или неотражения** соответствующих лексем на поверхностном уровне создаваемого текста.

В докторской диссертации Ю.В. Трубниковой, посвященной проблеме лексико-деривационного развития текста, деривационное функционирование текста объясняется его лексико-деривационной структурой как инвариантом, задающим особенности реализации его деривационного потенциала [14]. При этом лексико-деривационная структура рассматривается как способ формальной организации текста, она участвует в формировании его семантики и определяет его функционирование в межтекстовом пространстве. В поле

зрения ученого — лексическая деривация как компонент общетекстовой деривации. Иными словами, моделирование деривации текста осуществляется исследователем от лексем. При этом полагается, что лексико-деривационная структура представляет собой синтез формально-семантических и собственно семантических (членами которой являются, например, синонимы) лексико-деривационных рядов.

По сути дела, в работах Ю.В. Трубниковой моделируется процесс (результат) ассоциативного (семантико-грамматического) развертывания текста, детерминантом которого является та или иная лексема, имеющая виртуально-актуальный статус. Косвенным подтверждением сказанного может служить доказанный Ю.Н. Карауловым факт, согласно которому ассоциативные реакции на слово-стимул могут быть синтаксическими (заполняющими синтаксические позиции лексем), парадигматическими (отношения синонимии, антонимии, гипонимии, гиперонимии) и деривационными (см. подробнее: [5, с. 80–89]).

Развивая тезис о суппозиционной связи лексем и текста, согласно которому лексема рассматривается как первоэлемент внешней формы производимого/воспроизводимого текста, мы полагаем, что генезис текста обусловлен его суппозиционной связью с лексемой как элементом семантического пространства языка (= текста), служащего планом выражения внутренней формы текста как источника и носителя потенциала его деривационно-мотивационного функционирования. В таком случае лексема предстает как первоэлемент внешней формы текста — как своего рода форма будущей формы. «Будучи абстрактной единицей, — пишет Л.Н. Мурзин, — номинация как бы несет в себе причину вовлечения в процесс текстообразования: она нуждается в интерпретации, которая осуществляется через текст» [12, с. 18]. В таком случае непрерывность деривационно-мотивационного процесса обусловлена системно-структурным характером языка и его единиц, принципом организации которых является синтез симметрии и асимметрии.

Лексема как элемент превербальной организации текста в актах его генезиса и функционирования. Говоря о суппозиционной связи лексем и текста, мы опираемся на тезис о наличии двух базовых механизмов, определяющих вербальную модель актуализации текста. К таковым механизмам мы относим номинацию и предикацию. Номинация и предикация как механизмы вербализации текста обуславливают способ его вербальной экспликации за счет актуализации парадигматических или синтагматических связей ключевых лексем. При синтагматической сцепке ключевых лексем внешняя форма текста организуется по типу характеристики или утверждения, а при парадигматической сцепке — по типу реляции (идентификации). При этом парадигматические сцепки ключевых лексем определяют смысловое содержание текста, а синтагматические сцепки — прагматическое содержание.

О предикации как механизме текстообразования говорит Л.Н. Мурзин, полагающий, что формой, в которой преимущественно протекает предиктивное, является предложение [10, с. 23]. Предикативный характер связи лексемы и текста отмечает Ю.Н. Караулов, который на примере ассоциативных экспериментов доказывает, что ассоциативные реакции носителя языка, представленные, например, в Ассоциативном тезаурусе, представляют собой «фрагменты» текстов либо когда-то ими (носителями языка) порожденных, либо готовых развернуться применительно к данному стимулу [5]. Если внимание Ю.Н. Караулова сосредоточено прежде всего на описании отношений между стимулом и реакцией и специфике реакций носителей языка, то нас прежде всего интересует механизм развертки лексемы как свернутого текста-объекта и внутренней формы будущего текста, рассматриваемого как текст-цель.

Синтагматические связи ключевой лексемы как дериватора текстообразования. Характеризация и утверждение существования (бытия) как варианты превербальной организации текста. Наши наблюдения над языковым материалом — текстами повседневной сетевой коммуникации — показывают, что генезис текста, опосредованный ключевой лексемой, может осуществляться по линии актуализации ее синтагматических связей. Специфика вербализации данной модели определяется тем, что в тексте-цели ключевая лексема может отсутствовать, однако в нем представлены лексические единицы, соотносимые с исходной в аспекте синтагматики. Синтагматические связи ключевой лексемы определяют характер выражаемого прагматического содержания в тексте-цели. При синтагматическом способе организации внешней формы текста наблюдаются следующие синтаксические схемы его развертки: характеризация и утверждение.

При *характеризации* ключевая лексема из текста-объекта детерминирует появление в тексте-цели оценочных лексем (*правильно, бред, мне все равно* и пр.), в этом случае прагматическое содержание текста-цели выражается эксплицитно.

Например:

Надоели киоски! Гость

10 июля 2013. 17:07

Давно пора! Торговля в метро — пережиток 90х!!! Я хочу ездить в метро, а нужные товары покупать в магазинах!!! Этож сколько нужно взяток одним только пожарным давать, что бы они закрывали глаза на торговлю в вестибюлях метро. Барак пора прекращать уже и вести дела цивилизованно².

Глагольная лексема из текста-объекта очистить и связанные с ней лексемы *все вестибюли новосибирского метрополитена от торговых киосков* детерминируют появление оценочной лексемы *давно пора!* Специфика создания данного текста определяется тем, что лексема текста-цели *давно пора* и сама актуализирует глагольную лексему в неопределенной форме.

² URL: <http://news.ngs.ru/more/1253828/>. (Здесь и далее орфография и пунктуация авторов сохранена. — Н. Ш.)

При использовании синтагматической сцепки типа *утверждение* ключевая лексема детерминирует появление в тексте-цели предиката существования, выводного знания. В данном случае прагматическое содержание текста-цели выражено косвенным способом.

Например:

111 гость

10 июля 2013. 15:03

А кто-нибудь помнит в Новосибирске хоть один теракт????³

Анализируемый текст создается за счет синтагматической развертки лексемы *теракт*, занимающей позицию актанта при предикате существования *помнит*. Как следствие, между двумя лексемами — лексемой текста-объекта и лексемой текста-цели — устанавливаются отношения утверждения существования (бытия), определяющие способ вербализации текста.

Парадигматические связи ключевой лексемой как дериватора текстообразования. Реляция как вариант превербальной организации текста. При реляции ключевая лексема, интерпретируемая языком-целью, детерминирует появление лексем (лексем), находящейся в отношениях с исходной в отношениях синонимии, антонимии и пр. Реляционные отношения между ключевыми лексемами определяют характер выражаемого смыслового содержания. Ср.:

GLOBUS

10 июля 2013. 00:37

Будем теперь ходить поздними вечерами по пустынным длинным мрачным вестибюлям..., сжимая в страхе газовый баллончик в потной ладони.. брррр...⁴

В приведенном тексте-цели устанавливаются реляционные отношения — отношения уподобления — между ключевыми лексемами из текста-объекта *вестибюли [метро], безлюдный уголок* и лексемой *брррр*, служащей вербальным показателем эмоциональной ситуации страха, о чем свидетельствует появление лексем — *страх, газовый баллончик, потная ладонь, пустынный длинный мрачный вестибюль*.

Типовые варианты превербальной организации текста в актах его генезиса и функционирования. На основе выявленных способов превербальной организации текста можно выделить два варианта его вербальной актуализации. Первый вариант характеризуется актуализацией таких способов превербальной организации текста, как характеристика и реляция. А второй вариант — таких способов, как утверждение существования и реляция. Приведем примеры.

Характеризация и реляция как варианты превербальной организации текста

Пример 1

Alex2D

10 июля 2013. 08:45

³ URL: <http://news.ngs.ru/more/1253828/>

⁴ Там же.

*Закрывают очередное коррупционное опасное направление. В общем, идея правильная*⁵.

Способами превербальной актуализации данного текста являются характеристика и реляция. С одной стороны, в результате интерпретации ключевая лексема из текста-объекта (*распорядился*) приобретает статус лексемы идея (*распорядился – распоряжение – решение/идея*), которая детерминирует появление в тексте-цели оценочной лексемы *правильная*, которая выражает прагматическое отношение носителя языка к выражаемому содержанию. С другой стороны, носитель языка рассматривает торговлю в метро как коррупционное опасное направление, тем самым отождествляя (синонимизируя) торговлю в метро и коррупцию, что становится предметом сообщения (речи).

Утверждение существования и реляция как варианты превербальной организации текста

Пример 2

Roman_nsk

июля 2013. 08:26

*Что такого ценного продают в переходах метро, чего нельзя купить в других местах? Зачем эти киоски в метро? С 2008 года не был в метро и мне ни разу не понадобилось туда спуститься чтобы что-то купить. Я думаю и другие люди переживут*⁶.

Способы превербальной актуализации текста — утверждение существования (бытия) и реляция. При создании текста из текста-объекта в текст-цель переносится сочетание лексем *киоски в метро*, которое детерминирует появление предиката существования *зачем эти киоски в метро?* Данный предикат косвенно выражает прагматическую позицию носителя языка, который поддерживает решение губернатора. Отметим также, что вербальная актуализация текста сопровождается установлением отношений идентификации между ключевыми лексемами: *киоски в метро — другие места*. Отсюда и специфика смыслового содержания текста — рассуждения носителя языка о ценности товаров, продаваемых в метро, по отношению к товарам, продаваемым в других местах.

Заключение. Подводя итог, отметим, что условия деривационного функционирования текста обусловлены его семиотической природой. В статье обосновывается, что одним из условий деривационного функционирования текста является гомологическая симметрия лексем и текста, обуславливающая процесс производства текста из лексем как законосителя текста. Гомологическая симметрия лексем и текста определяет специфику непрерывного деривационно-мотивационного процесса и проявляется в превербальной модели актуализации производного текста. В статье выделены и описаны два типовых варианта превербальной организации текста в актах его генезиса и функционирования: характеристика и реляция, утверждение существования и реляция.

⁵ URL: <http://news.ngs.ru/more/1253828/>

⁶ Там же.

Библиографический список*Литература*

1. *Бринев К.И.* Внутренняя форма слова как носитель потенциала его деривационного функционирования: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Кемерово, 2002. 144 с.
2. *Гак В.Г.* Использование идеи симметрии/асимметрии в лингвистике // Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 106–161.
3. *Голев Н.Д.* Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1989. 252 с.
4. *Ионова С.В.* Внутренняя форма текста и способы ее экспликации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2007. № 6. С. 14–20.
5. *Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
6. *Кибрик А.Е.* Лингвистические вопросы автоматического кодирования // Теоретические проблемы прикладной лингвистики. М., 1965. С. 7–37.
7. *Кулешова А.В.* Цитация как ключевой элемент «чужого слова» во французской прессе // Вестник МГПУ. Сер.: Филологическое образование. 2014. № 4 (16). С. 62–68.
8. *Махов А.С.* Роль гиперссылок в структуре интернет-гипертекстов // Вестник МГПУ. Сер.: Филологическое образование. 2009. № 2 (4). С. 119–123.
9. *Мельник Н.В.* Деривационное функционирование русского текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Кемерово, 2011. 403 с.
10. *Мурзин Л.Н.* О деривационных механизмах текстообразования // Теоретические аспекты деривации. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1982. С. 20–22.
11. *Мурзин Л.Н.* О динамической природе языка // Спорные вопросы русского языкознания: теория и практика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 61–68.
12. *Мурзин Л.Н.* Текст – номинация – лексема // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности. Пермь: Изд-во Пермск. политехнич. ин-та, 1988. С. 16–21.
13. *Трубникова Ю.В.* Деривационное функционирование лексических единиц текста (на материале современного русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Барнаул, 1997. 20 с.
14. *Трубникова Ю.В.* Лексико-деривационная концепция текста (на материале современного русского языка): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Барнаул, 2012. 354 с.
15. *Шпильная Н.Н.* Внутренняя форма текста как деривационный феномен // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 44–50.
16. *Шпильная Н.Н.* Лексема и текст (к вопросу о деривационной корреляции) // Проблемы истории, филологии, культурологии. 2014. № 3. С. 320–322.

Интернет-ресурсы

17. *Аллатов В.В.* Уже ли слово найдено? [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. 2010. № 6. URL: <http://polit.ru/article/2010/06/22/slovo/> (дата обращения: 12.04.2019).
18. *Голев Н.Д.* Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации [Электронный ресурс] // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1998. С. 65–84. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z79.html> (дата обращения: 12.04.2019).

References

Literatura

1. *Brinev K.I.* Vnutrennyaya forma slova kak nositel' potenciala ego derivacionnogo funkcionirovaniya: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Kemerovo, 2002. 144 s.
2. *Gak V.G.* Ispol'zovanie idei simmetrii / asimmetrii v lingvistike // *Yazy'kovy'e preobrazovaniya*. M.: Shkola «Yazy'ki russoj kul'tury», 1998. S. 106–161.
3. *Golev N.D.* Dinamicheskij aspekt leksicheskoi motivacii. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1989. 252 s.
4. *Ionova S.V.* Vnutrennyaya forma teksta i sposoby' ee e'ksplikacii // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 2. Yazy'koznanie. 2007. № 6. S. 14–20.
5. *Karaulov Yu.N.* Aktivnaya grammatika i associativno-verbal'naya set'. M.: IRYA RAN, 1999. 180 s.
6. *Kibrik A.E.* Lingvisticheskie voprosy' avtomaticheskogo kodirovaniya // *Teoreticheskie problemy' prikladnoj lingvistiki*. M., 1965. С. 7–37.
7. *Kuleshova A.V.* Citaciya kak klyuchevoj e'lement «chuzhogo slova» vo francuzskoj presse // *Vestnik MGPU*. Ser.: Filologicheskoe obrazovanie. 2014. № 4 (16). S. 62–68.
8. *Maxov A.S.* Rol' gipersy'lok v strukture internet-gipertekstov // *Vestnik MGPU*. Ser.: Filologicheskoe obrazovanie. 2009. № 2 (4). S. 119–123.
9. *Mel'nik N.V.* Derivacionnoe funkcionirovanie russkogo teksta: lingvocentricheskij i personocentricheskij aspekty': dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Kemerovo, 2011. 403 s.
10. *Murzin L.N.* O derivacionny'x mexanizmax tekstoobrazovaniya // *Teoreticheskie aspekty' derivacii*. Perm': Izd-vo Permsk. un-ta, 1982. S. 20–22.
11. *Murzin L.N.* O dinamicheskoi prirode yazy'ka // *Sporny'e voprosy' russkogo yazy'koznanija: teoriya i praktika*. L.: Izd-vo LGU, 1983. S. 61–68.
12. *Murzin L.N.* Tekst – nominaciya – leksema // *Leksicheskie aspekty' v sisteme professional'no-orientirovannogo obucheniya inoyazy'chnoj rechevoj deyatel'nosti*. Perm': Izd-vo Permsk. politexnich. in-ta, 1988. S. 16–21.
13. *Trubnikova Yu.V.* Derivacionnoe funkcionirovanie leksicheskix edinic teksta (na materiale sovremennogo russkogo yazy'ka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Barnaul, 1997. 20 s.
14. *Trubnikova Yu.V.* Leksiko-derivacionnaya koncepciya teksta (na materiale sovremennogo russkogo yazy'ka): dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Barnaul, 2012. 354 s.
15. *Shpil'naya N.N.* Vnutrennyaya forma teksta kak derivacionny'j fenomen // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. № 373. S. 44–50.
16. *Shpil'naya N.N.* Leksema i tekst (k voprosu o derivacionnoj korrelyacii) // *Problemy' istorii, filologii, kul'turologii*. 2014. № 3. S. 320–322.

Internet-resursy'

17. *Alpatov V.V.* Uzheli slovo najdeno? [E'lektronny'j resurs] // *Nauka i zhizn'*. 2010. № 6. URL: <http://polit.ru/article/2010/06/22/slovo/> (data obrashheniya: 12.04.2019).
18. *Golev N.D.* Derivaciya i motivaciya kak formy oyazy'kovlennoj determinacii // *Ocherki po lingvisticheskoi determinologii i derivatologii russkogo yazy'ka*. Barnaul: Izd-vo Altajsk. un-ta, 1998. S. 65–84. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z79.html> (data obrashheniya: 12.04.2019).

N.N. Shpilnaya

**Homological Symmetry of Lexeme and Text as Semiotic Condition
of Derivational Functioning of the Text
(Based on the Routine Network Communication Texts)**

The article focuses on the search for semiotic conditions of derivational functioning of a text. One of the mentioned above is homological symmetry of a lexeme and a text, which determines the specificity of the continuous derivational-motivational process as well as the process of producing the text from the lexeme as its signifier. The paper identifies two typical ways of the preverbal organization of the text in its genesis and functioning, which reflect the features of the homological symmetry of the lexeme and the text.

Keywords: derivation of the text; the derivational functioning of the text; homological symmetry; the derived text; token.

УДК 811.581' 25

DOI 10.25688/2076-913X.2019.35.3.07

**А.В. Скворцов,
Т.И. Кондратова**

Трансформация поэтических образов при переводе на современный русский язык стихотворения Бо Цзюйи «Старый торговец углем»

В статье демонстрируется механизм перевода, целью которого является обеспечение максимального соответствия полученного результата поэтической идее первоисточника. Рассматривается работа над текстом специалиста в области классического китайского языка и поэта, филолога-русиста, благодаря которым сначала выполняется дословный перевод поэтического произведения с соблюдением норм русского языка, допускающий отсутствие ритма и рифмы, а затем меняется его форма, появляется ритм, рифмовка, строфика.

Ключевые слова: танская поэзия; параллелизм; эстетическая форма; вэньянь.

Проблема перевода древней китайской поэзии до сегодняшнего дня не теряет своей актуальности. Принципы работы, сформулированные еще академиком В.М. Алексеевым [1], постоянно дополняются, уточняются, а также открываются совершенно новые подходы, учитывающие специфику образности древнего языка [6, с. 9–17].

Настоящая статья является продолжением размышлений, изложенных авторами в предыдущей публикации, посвященной выявлению достоинств и недостатков двух переводов стихотворения «Старый торговец углем» китайского поэта Бо Цзюйи (772–846) [5]. Мы хотим показать механизм перевода с вэньяня на современный русский язык, который призван обеспечить максимальное соответствие результата поэтической идее первоисточника.

На первом этапе стихотворение переводится специалистом в области классического китайского языка максимально близко к тексту оригинала с соблюдением всех норм русского языка, при этом неизбежно отсутствие ритма и рифмы. Отметим, что подстрочный перевод подобных стихотворений лицами, не имеющими хорошей подготовки в области древнекитайского языка, как правило, не приносит положительного эффекта. Приведем простейший пример: выделим строфу 翩翩两骑来是谁 и выполним ее подстрочный перевод без учета отношений между лексемами, характерными для вэньяня:

翩翩	两	骑	来	是	谁
парить, непринужденный	два	всадник	приезжать	быть	кто

Перевести этот, на первый взгляд, бессмысленный набор слов может только специалист в области древнекитайского языка, способный определить грамматическую структуру предложений на вэньяне, знающий, в каких отношениях находятся между собой отдельные лексемы. В данном случае каждый стих состоит из двух частей, включающих в себя четыре и три иероглифа: 翩翩两骑 | 来是谁? Кроме того, между лексемами 翩翩 и 两骑 имеют место определительные отношения — «два парящих (в воздухе) всадника». Между лексемами 是 и 谁 отношения глагольно-объектные, их значение таково: «Есть кто? Являются кем? Кто же это?». Между лексемами 两骑 и 来 отмечаются предикативные отношения: «Два всадника подъехали». В окончательном варианте получаем фразу: «Что же это за два всадника, которые, словно пара в воздухе, подъехали (к старику)?»

Мы считаем, что перевод, опирающийся на неадаптированный подстрочник, для классических текстов неприемлем. Дело в том, что лексемы вэньяна характеризуются многозначностью, вследствие чего выбор нужного варианта из словаря сопряжен с преодолением существенных трудностей и требует больших временных затрат. Определенную сложность вызывают служебные слова вэньяна, например:

宫	使	驱	将	惜	不	得
дворец	1) использовать; 2) посланец	гнать, погонять	1) править, командовать; 2) служебное слово, глагольный суффикс, наращи- ваемый на основу	1) жалеть, скупиться; 2) сочувство- вать, состра- дать	не	могу

Данная строфа не может быть переведена исключительно с опорой на словарные значения лексем без учета ее синтаксической структуры. 宫使 — это определительное словосочетание, имеющее значение «дворцовые служащие». 驱将 — лексема со структурой [глагол + суффикс]. Ее значение совпадает со значением корня 驱 — «гнать», «погонять». Словосочетание 宫使驱将 является предикативным и переводится следующим образом: «дворцовые служащие гонят (повозку с углем во дворец)».

Словосочетание 惜不得 имеет структуру [глагол (惜) + дополнительный элемент возможности (不得)]. 不得 означает «не могу». Лексема 惜 имеет не словарное значение «жалеть, скупиться или сочувствовать», а то же значение, что и лексема 舍, т. е. «отказаться, отдать без сожаления (что-либо), легко расстаться с (кем-либо, чем-либо)». В результате словосочетание 惜不得 означает «не могу расстаться, жалко».

Окончательный перевод этого стиха следующий: «Дворцовые служащие увозят повозку с углем, а старику очень жалко с ним расстаться». Другой вариант перевода: «Дворцовые служащие увозят повозку с углем, и им нисколько не жалко старика угольщика», — является ошибочным. С семантической точки зрения то, что дворцовым служащим нет никакого дела до старика, является очевидным. Мысль же о том, что старику жалко плодов своего труда, необходимо подчеркнуть, поскольку именно она коррелирует с главной темой поэтического произведения.

Сравнение различных переводов одного и того же текста позволяет увидеть процесс влияния формы на трансформацию смысла стихотворения, вариативность поэтических ситуаций. Первый вариант, представленный в данной работе, буквальный, его цель — максимально обнажить смысл, идею авторского оригинала, не придавая тексту формы, характерной для поэзии. Второй вариант — это своеобразная интерпретация, выполненная поэтом-переводчиком, обладающим определенной свободой при выборе формы. Рассмотрим первый тип перевода (табл. 1).

Таблица 1

**Сопоставление стихотворения-первоисточника с его переводом,
выполненным А.В. Скворцовым**

Текст первоисточника	Перевод на русский язык
卖炭翁，伐薪烧炭南山中。	Старый торговец углем рубит дрова и отжигает из них уголь на горе Наньшань.
满面尘灰烟火色，	Все лицо его покрыто слоем пыли и пепла. Оно приобрело цвет сажи.
两鬓苍苍十指黑。	Его виски давно поседели, а все пальцы обеих рук стали черными.
卖炭得钱何所营？	Чем он может обеспечить себя на деньги, вырученные от продажи угля?
身上衣裳口中食。	Одеждой да едой — и только.
可怜身上衣正单，	Несчастный: одежда на нем весьма тонка.
心忧炭贱愿天寒。	Он же, боясь, что уголь подешевеет, хочет, чтобы стало еще холоднее.
夜来城外一尺雪，	За ночь за городом намело большие сугробы снега.
晓驾炭车辗冰辙。	На рассвете старик запряг телегу с углем и поехал (в город), оставляя за собой колею на обледенелой дороге.
牛困人饥日已高，	Бык устал. Старик проголодался. Солнце уже поднялось высоко.
市南门外泥中歇。	Перед южными воротами рынка старик присел отдохнуть прямо на землю.
翩翩两骑来是谁？	Кто же эти два всадника, что легко и непринужденно подъехали к старику?
黄衣使者白衫儿。	Дворцовый евнух в желтой одежде и его подручник (подчиненный) в белом.

Текст первоисточника	Перевод на русский язык
手把文书口称敕，	Евнух с казенной бумагой в руках оглашает высочайшее повеление.
回车叱牛牵向北。	После чего они разворачивают телегу с углем и, прикрикивая на быка, увозят телегу в направлении дворца.
一车炭，千余斤， 宫使驱将惜不得。	Дворцовые служащие увозят телегу, доверху нагруженную углем, которого более пятисот килограммов. Старику жалко уголь, но он не может ничего поделать.
半匹红绡一丈绫， 系向牛头充炭直。	В качестве платы за уголь служащие привязывают к голове быка пол-отреза тонкого красного и один отрез узорчатого шелка.

Используя этот образец в качестве отправной точки, выполним анализ стихотворного первоисточника. Прежде всего выявим наличие параллельных фрагментов в нем. Параллелизм — это главное изобразительно-выразительное средство, используемое в танской (618–907) поэзии. Что же касается доциньских (до 221 г. до н. э.) текстов, то в них параллелизм выступает в качестве главного способа организации, выходя далеко за рамки изобразительно-выразительных средств в привычном для нас понимании. В таблице 2 отражены параллельные строфы, которым свойственна горизонтальная симметрия, играющая здесь доминирующую роль.

Таблица 2

Анализ фрагментов первоисточника, характеризующихся горизонтальной симметрией

№ п/п	Параллельные строфы		Тип словосочетаний
1	两鬓苍苍	十指黑。	Предикативные
	Волосы на обоих висках седы	Все десять пальцев черны	
2	身上衣裳	口中食。	Определительные
	Одежда на теле	Пища, что попадет в рот	
3	心忧炭贱	愿天寒。	Глагольно-объектные; объект выражен предикативным словосочетанием. Грамматический параллелизм соблюдается не полностью, так как предикативному словосочетанию 心忧 соответствует глагол 愿.
	Про себя переживает, что уголь подешевеет	Хочет, чтобы было холодно	
4	牛困人饥	日已高。	Предикативные
	Бык устал. Старик проголодался.	Солнце уже высоко.	
5	黄衣使者	白衫儿。	Определительные
	Евнух в желтых одеждах	Его слуга в белом	

№ п/п	Параллельные строфы		Тип словосочетаний
6	手把文书	口称敕。	Предикативные
	В руках казенная бумага (досл.: руки держат казенную бумагу)	Уста читают высочайшее повеление	
7	一车炭,	千余斤。	Определительные. Грамматический параллелизм соблюдается частично: в левом словосочетании присутствует числительное, счетное слово и главное слово, которое, конечно же, отсутствует в правом словосочетании
	Полная телега угля	Тысяча цзиней с небольшим	
8	半匹红绡	一丈绡。	Определительные
	Пол-отреза красного шелка	Один отрез узорного шелка	
9	满面尘灰,	两鬓苍苍	Предикативные
	Все лицо в пыли и саже	Волосы на обоих висках седые	
10	晓驾炭车 (утром) запрягаю телегу с углем	辗冰辙。 (телега) оставляет (глубокий) след на обледенелой дороге	Глагольно-объектные с вкраплением определительного словосочетания

Вертикальная симметрия тоже присутствует, но в значительно меньшей степени. Параллельные строфы, характеризующиеся вертикальной симметрией, представлены в таблице 3.

Таблица 3

Анализ фрагментов первоисточника, характеризующихся вертикальной симметрией

№ п/п	Параллельные строфы		Тип словосочетаний
1	衣正单	日已高	Предикативные
	Одежда весьма тонка	Солнце уже высоко	
2	辗冰辙	充炭直	Глагольно-объектное с вкраплением определительного
	Проделать колею в обледенелой дороге	Выступать в качестве оплаты за уголь	
3	一尺雪	一丈绡	Определительные словосочетания, в которых определение имеет структуру «числительное + счетное слово»
	Один чи снега	Один отрез шелка	

В тексте стихотворения присутствуют еще три словосочетания, имеющие параллельную структуру: 伐薪烧炭 — «рубить дрова и отжигать уголь»,

卖炭得钱 — «продать уголь и получить (за него) деньги», 回车叱牛 — «развернуть телегу (с углем) вспять и прикрикнуть на быка». Такие словосочетания в китайской грамматике [4, с. 198] относят к типу 连谓 (параллельные глагольные словосочетания, имеющие структуру [глагол₁ + сущ.₁ + глагол₂ + сущ.₂]).

Следовательно, в рассматриваемом стихотворении доминирует горизонтальный параллелизм, который усиливает смысловое наполнение стиха и делает его крепко сшитым в горизонтальном направлении. Словосочетания, характеризующиеся вертикальным параллелизмом, достаточно слабо перекликаются друг с другом в семантическом отношении. Что касается параллельных глагольных словосочетаний, то из них логически связаны между собой следующие: 伐薪烧炭, 卖炭得钱 и 回车叱牛 — старик сначала нарубил дров и отжег из них уголь, а затем пошел продавать его, чтобы заработать денег; а (дворцовые служащие) развернули телегу в противоположном направлении и погнали быка прочь. Так двенадцать иероглифов трансформируются в сознании читателя в законченный рассказ, несмотря на то, что данные параллельные фрагменты находятся далеко друг от друга.

Особенность стихотворения состоит в том, что его тема (социальная несправедливость) лежит на поверхности и понятна любому читателю. В основе действия лежит конфликт между торговцем углем, который олицетворяет собой низшее сословие, и дворцовыми служащими, представителями императора и его окружения. Конфликт выражается с помощью семантических антонимов:

白衫儿 (слуга в белых одеждах) — 十指黑 (все пальцы черны);

翩翩两骑 (воздушные всадники) — 车炭 и 千余斤 (полная телега угля весит более пятисот килограммов);

翩翩两骑 (воздушные всадники) — 炭车辗冰辙 (телега с углем оставляет колею на обледенелой дороге);

翩翩两骑 (воздушные всадники) — 牛困人饥 (бык устал, а старик голоден);

翩翩两骑 (воздушные всадники), 黄衣使者白衫儿 (дворцовый евнух в желтых одеждах и его подчиненный в белом) — 满面尘灰烟火色 (все лицо в пыли и саже);

翩翩两骑 (воздушные всадники), 手把文书口称敕 (в руках держат казенную бумагу и оглашают высочайшее повеление) — 泥中歇 (отдыхать прямо в грязи).

В центре стихотворения оказывается словосочетание 翩翩两骑 (два воздушных всадника). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Бо Цзюйи нетрадиционным образом противопоставляет друг другу пустое и полное. Старый угольщик, которому симпатизирует автор (可怜身上衣正单), ассоциируется с полным (— 车炭, 千余斤), тогда как дворцовые служащие, олицетворяющие собой власть, — с пустым (翩翩两骑来是谁?). В классической китайской литературе и искусстве обычно в качестве идеала выступает именно пустое, а не полное. Эта традиция заложена основателем даосской идеологии Лао-цзы: 有生于无 — «Пустое порождается полным». В связи с этим дворцовых служащих было бы логичнее отождествлять с такими качествами, как заносчивость и гордость, а не с таинственной пустотой, которая лежит в основе всего сущего.

В этом проявляется особенность мировоззрения Бо Цзюйи, его стремление к предельной демократизации поэзии. Ему важна не столько традиция восприятия, сколько живой отклик на изображенные события людей, которые, как и его герой, принадлежат к низшему сословию. Известный факт, что поэт считал удачным только то свое произведение, которое сможет без труда понять и старая крестьянка. Поэтому контраст пустого и полного изображен именно с народной точки зрения.

В стихотворении «Старый торговец углем» звучат два мотива — осуждение несправедливой власти и сочувствие трудовому народу. Если учесть, что пол-отреза тонкого красного и один отрез узорчатого шелка, которые получил старик за телегу с углем, по тем временам стоили очень дешево, то становится понятно, что его тяжелая работа была оплачена несправедливо: у бедняги просто отняли плоды его труда.

В основе данного перевода лежит анализ каждого стиха на уровне словосочетаний — от малого к большому (подробнее об этом см.: [7, с. 194–197]). Он позволяет установить взаимоотношения между отдельными лексемами, выполнить композиционный анализ стихотворения, установить место пауз и увидеть особенности параллелизма как главной структурной составляющей данного поэтического текста.

В качестве недостатков перевода А.В. Скворцова можно указать следующее. Во-первых, отсутствие ритма и рифмы. Кроме того, словосочетание 泥中歇 переведено: «старик присел отдохнуть прямо на землю», тогда как он присел не на землю, а в грязь. Лексема 泥 имеет значение «глина», «грязь». Фрагмент 惜不得 переведен так: «Старику жалко уголь, но он не может ничего поделаться». В тексте первоисточника отсутствует словосочетание «он не может ничего поделаться», его следует взять в скобки. Кроме того, два стиха объединены в один: — 车炭, 千余斤 и 宫使驱将惜不得. Это связано с тем, что фрагмент — 车炭, 千余斤 | 宫使驱将 имеет ярко выраженную топиковую структуру, которая при переводе была преобразована в подлежащую. Подробное описание предложений такого типа содержится в [3]. Однако даже такой перевод можно использовать, во-первых, на лекции по дисциплине «Основы классического китайского языка взньянь», а во-вторых, для дальнейшей доработки русистом-поэтом. В качестве примера рассмотрим перевод стихотворения Т.И. Кондратовой, взявшей за основу первый вариант А.В. Скворцова (табл. 4).

Таблица 4

**Сопоставление стихотворения-первоисточника с его переводом,
выполненным Т.И. Кондратовой**

卖炭翁，伐薪烧炭南山中。	Старик, что торгует углем, Рубит дрова на горе Наньшань.	1
满面尘灰烟火色，	Пеплом покрылось лицо его, Сажей покрылась его душа.	2
两鬓苍苍十指黑。	Давно поседели виски старика, А пальцы давно почернели.	3
卖炭得钱何所营？	Деньги за уголь кормят пока,	4

身上衣裳口中食。	Но сводит концы еле-еле.	5
可怜身上衣正单，	Бедный старик: в прорехах давно, Тонка для зимы одежда.	6
心忧炭贱愿天寒。	Он же морозов ждет все равно: Уголь продать — вот надежда.	7
夜来城外一尺雪，	Ночью сугробы зима намела,	8
晓驾炭车辗冰辙。	Утром старик едет в город. Врезалась в лед от колес колея.	9
牛困人饥日已高，	Устал бык. Мучителен голод. Солнце уже высоко поднялось,	10
市南门外泥中歇。	Решил отдохнуть у тропинки.	11
翩翩两骑来是谁？	Но кто же они, эти важные гости, Что разъезжают по рынку？	12
黄衣使者白衫儿。	В желтой одежде — евнух двора, Подручник его — весь в белом.	13
手把文书口称敕，	Приказ высочайший слушать пора — У них государево дело.	14
回车叱牛牵向北。	После увозят телегу с углем, К дворцу государя увозят.	15
一车炭，千余斤，	Телега нагружена тяжело.	16
宫使驱将惜不得。	Жалко, с кого теперь спросишь？	17
半匹红绡一丈绫，	Но плату оставили: к шее быка	18
系向牛头充炭直。	Красного шелка кусок привязали.	19
—	В стужу едва ли согреют шелка Старика с заплаканными глазами.	20

Перевод имеет форму, привычную для традиционного восприятия русского читателя, — это ритмически организованное, рифмованное стихотворение. Тоническая ритмическая организация в целом повторяет форму, предложенную при переводе Л.З. Эйдлиным [2, с. 27–29]: в двух стоящих рядом стихах в основном мы видим семь сильных позиций (4 и 3), хотя иногда этот принцип нарушается. Например, в стихах 18 и 19 появляется добавочное, восьмое, ударение, что делает ритм финала более тяжеловесным, прозаичным. Особенностью формы данного перевода можно считать дополнительную, по сравнению с первоисточником, рифмовку: два стиха перевода, соответствующие в оригинале одному, рифмуются перекрестным образом, объединяя в катрены каждые четыре стиха перевода, равные двум оригинала. Дополнительная рифмовка призвана прежде всего усилить благозвучие, сделать перевод более доступным массовому читателю. Среди рифменных пар преобладают богатые и неточные, характерные для поэтической традиции XX в.: *Наньшань — душа, почернели — еле-еле, город — голод, поднялось — гости, белом — дело, привязали — глазами*. Вместе с тем в тексте можно найти несколько пар довольно слабых, натянутых созвучий: *увозят — спросишь, намела — колея*. К недостаткам строфической

организации стихотворения можно отнести и неурегулированность клаузул: в первом катрене стиховые окончания исключительно мужские (*углем — Наньшань — его — душа*), тогда как во всем основном тексте мы видим строгое чередование мужских и женских клаузул (*старика — почернели — пока — еле-еле*).

С композиционной точки зрения одному стиху первоисточника соответствуют два (а иногда один!) стиха перевода. Дело в том, что каждая строфа стихотворения-первоисточника состоит из двух частей. Однако в смысловом плане обе части иногда дублируют друг друга. Поэтому вторую часть приходится опускать. Иногда опущения объясняются требованиями соблюдения размера и рифмы в тексте перевода.

С семантической точки зрения перевод является достаточно точным. Параллелизм первоисточника сохраняется в стихах 3, 10 и 13 перевода. Удачными следует признать следующие фрагменты:

– фрагмент строфы 9: «Врезалась в лед от колес колея». Это предложение подчеркивает тяжесть телеги с углем. В результате угольщик в сознании читателя начинает соотноситься с чем-то тяжеловесным, неуклюжим, «полным»;

– верно переведен следующий фрагмент 7-го стиха: «Он же морозов ждет все равно». Лексема 寒 имеет значение *холодный, морозный* и вовсе не соответствует лексеме «зима»;

– в стихе 15 удачно добавлено: «К дворцу государя увозят». Это вполне оправданно: дословный перевод — *увозят на север* — не будет понят русским читателем, не знающим, что дворец правителя расположен в северной части города.

В качестве недостатков перевода можно указать следующие:

– стих 4 (*Деньги за уголь кормят пока, / Но сводит концы еле-еле*) в семантическом отношении несколько отклоняется от более точного перевода, например: *На деньги за уголь что же он купит? / Одежду да пищу, не больше того;*

– в стихе 12 не передается легкость, воздушность дворцовых служащих. Зато они абсолютно справедливо наделяются таким отрицательным свойством, как гордость: *Но кто же они, эти важные гости...;*

– в стихе 11 опускается описание того, что старый угольщик присел на корточки отдохнуть прямо в грязь. Вместо этого написано: (*Старик*) *решил отдохнуть у тропинки*. Таким образом переводчик несколько меняет описание образа старика. Однако следует понимать, что все опущения являются вынужденными. В противном случае будет невозможно сохранить форму перевода. Кроме того, несмотря на ряд опущений, общий смысл стихотворения передается весьма точно.

Обращает на себя внимание концовка перевода, стих 20: *В стужу едва ли согреют шелка / Старика с заплаканными глазами*. В первоисточнике эта мысль отсутствует. Однако без нее произведение будет незаконченным. У читателя останутся сомнения: кусок красного шелка в обмен на телегу с углем — много это или мало? Завершающее предложение рассеивает всякие сомнения

на этот счет и передает сочувствие Бо Цзюйи старому угольщику. Поэтому подобное добавление оправданно.

Перевод стихов с классического китайского языка на русский представляет собой очень сложный процесс, для осуществления которого необходимо владеть определенными знаниями, навыками и умениями. Целесообразно выполнять эту работу в два этапа. На первом — перевести оригинал на русский язык нерифмованной прозой как можно ближе к первоисточнику с соблюдением всех норм русского языка. При этом переводчику понадобятся знания как современного китайского языка, так и древнекитайского, умение анализировать синтаксическую структуру каждого стиха на уровне словосочетаний, видеть параллельные фрагменты и выполнять семантический анализ поэтического произведения, выделять лексемы, передающие настроение автора и содержащие авторскую оценку. Переводчик должен уметь безошибочно определять главную, с семантической точки зрения, часть поэтического текста, находить антонимические пары.

На втором этапе черновой перевод передают для доработки носителю русского языка, поэту, филологу-русисту, представителю русской культуры. Он оставляет в тексте все самое важное, отбрасывает второстепенное и создает новый вариант, в котором может присутствовать как определенный ритм, так и рифма. При этом филолог-русист непременно вложит в перевод частицу своей души, отразит свое мировосприятие, передаст собственное понимание описанных событий. Таким образом происходит адаптация категорий вэньяня при переводе на русский язык: сохраняя идею произведения, переводчик неизбежно трансформирует образы, меняет эстетическую оболочку поэтического текста. Такой перевод будет понятен массовому русскому читателю, который сможет по-настоящему оценить красоту и глубину танской поэзии.

Библиографический список

Литература

1. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. М.: Восточ. лит., 2002. 574 с.
2. Бо Цзюйи. Стихи / в пер. с кит. Л. Эйдлина. М.: Худ. лит., 1958. 264 с.
3. Коцик К.Э. Концепции топиковых структур в языкознании Новейшего времени / Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 2 (22). С. 125–129.
4. Скворцов А.В. Курс древнекитайского языка: учебник: в 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во ВКН, 2017. 328 с.
5. Скворцов А.В., Кондратова Т.И. К проблеме адаптации грамматических категорий вэньяня в современных переводах: на примере стихотворения Бо Цзюйи «Старый торговец углем» / Вестник МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 2 (34). С. 96–107.
6. Уланов А. Предисловие / Ду Фу. Переводы Натальи Азаровой. М.: ОГИ, 2012. 296 с.
7. 张玉金. 古代汉语语法学. 广州: 广东高等教育出版社, 2010. 407 页.

References

Literatura

1. *Alekseev V.M.* Trudy' po kitajskoj literature. M.: Vostoch. lit., 2002. 574 s.
2. *Bo Czyuji.* Stixi / v per. s kit. L. E'jdlina. M.: Xud. lit., 1958. 264 s.
3. *Kocik K.E'.* Concepcii topikovy'x struktur v yazy'koznanii novejshego vremeni / Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2016. № 2 (22). S. 125–129.
4. *Skvorcov A.V.* Kurs drevnekitajskogo yazy'ka: uchebnik: v 2 ch. Ch. 1. M.: Izd-vo VKN, 2017. 328 s.
5. *Skvorcov A.V., Kondratova T.I.* K probleme adaptacii grammaticheskix kategorij we'n'yanya v sovremenny'x perevodax: na primere stixotvoreniya Bo Czyuji «Stary'j tor-govecz uglem» / Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2019. № 2 (34). S. 96–107.
6. *Ulanov A.* Predislovie / Du Fu. Perevody' Natal'i Azarovoj. M.: OGI, 2012. 296 s.
7. *Zhang Yujin.* Gudai hanyu yufaxue. Guangzhou: Guangdong gaodeng jiaoyu chubanshe, 2010. 407 s.

*A.V. Skvortsov,
T.I. Kondratova*

On Adaptation of Wen-yen Chinese Grammar Categories in Modern Translations into Russian: Transformation of Poetic Images while Translating «The Old Charcoal Seller» by Tang Poet Bai Juyi

The paper regards the mechanism of translating poems aimed at ultimate correlation of the original poem with its translation. There is a focus on the an expert in classical Chinese together with a poet — an expert in Russian Philology — working on the text. The first stage sees the poem translated with all norms of Russian strictly observed. The translated text may firstly have no rhyme, rhythm or size to be added during the second stage of poetic adaptation.

Keywords: Tang poetry; parallelism; aesthetic form; classical Chinese.

**ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

УДК 811.161.1

DOI 10.25688/2076-913X.2019.35.3.08

Т.С. Домбровский

**Русская письменная речь в польской
филологической аудитории —
виды заданий и методические
аспекты работы**

В статье речь идет о методических аспектах работы над развитием разножанровой и разностилевой русской письменной речи в польской филологической аудитории. Автор фокусирует внимание на видах письменных работ для учащихся, их композиционных, лексических и стилистических особенностях. Продуцирование высказывания должно предваряться подготовительными действиями, способствующими получению эффективного конечного продукта — текста.

Ключевые слова: письменная речь; жанры; стили речи; продуцирование текста; виды сочинений.

Разделение дисциплины «Практика русской речи» для студентов-филологов 1–2-х курсов магистратуры Лодзинского университета на два отдельных предмета — «аудирование и говорение» и «письмо» — способствует активной и успешной аудиторной и внеаудиторной работе над всеми видами речевой деятельности со студентами, владеющими русским языком на среднем и продвинутом уровнях.

Согласно документу «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» [1, с. 24], которым руководствуются все учебные заведения Евросоюза, при разработке языковой политики и методов преподавания, а также на основании итоговых экзаменов по практике речи, выдержанных студентами последнего курса бакалавриата, было установлено, что учащиеся владеют русским языком на уровне В2/В2+, а некоторые из них даже на уровне С1, это выходцы из смешанных семей, эмигранты из бывшего СССР.

Поскольку уровень В2 входит в группу самостоятельного владения (пороговый продвинутый уровень), а С1 — в группу свободного владения (уровень профессионального владения), предлагаемый для изучения материал, методы работы, а также требования преподавателей должны соответствовать описанию уровней, т. е. занятия должны напоминать работу в русскоязычной аудитории.

На занятиях по курсу «Практика русской речи. Письмо» для изучения в I семестре студентам были предложены следующие блоки вопросов:

1. Система образования в России и Польше. ЕГЭ.
2. Учитель и ученики. Родители и школа.
3. Проблемы современной школы. Негативные явления в школе.
4. Проблемы современной молодежи. Субкультуры.
5. Семья. Семейные отношения. Проблемы семьи. Семья или карьера?

Во II семестре:

1. Система ценностей современного человека.
2. Общественные проблемы.
3. Проблема трудоустройства.
4. Проблемы современного мира (факультативный блок вопросов, например: терроризм; секты; эвтаназия; ЭКО, суррогатное материнство; право на аборт; сексуальные преступления и пр.).

На основании многолетнего опыта преподавания русского языка как иностранного мы можем считать, что данный курс построен с учетом потенциальных и реальных интересов студентов-иностранцев. Целью обучения иностранцев русскому языку наряду с восприятием и восстановлением речи является также формирование умений и навыков продуцирования собственного текста.

Термин «текст» мы понимаем, вслед за И.Э. Савко, как «связное и относительно завершенное высказывание на определенную тему, характеризующееся коммуникативной предназначенностью и обычно представляющее собой группу предложений, объединенных по смыслу и грамматически» [5, с. 497].

Более полное определение текста с учетом его признаков предлагает А.И. Горшков. Он считает, что текст — это «выраженное в письменной или устной форме упорядоченное и завершенное словесное целое, заключающее в себе определенное содержание, соотносимое с одним из жанров художественной или нехудожественной словесности, отграниченное от других подобных целых и в случае необходимости воспроизводимое в том же виде» [3, с. 65].

На старших курсах русской филологии процесс обучения русскому языку иностранных студентов обусловлен необходимостью совершенствования речевых навыков учащихся, развития умений правильно создавать собственные тексты разной сложности, разных жанров и стилей для реализации определенных коммуникативных задач. В отношении учащихся старших курсов русской филологии принято считать, что они почти в совершенстве владеют русским языком и поэтому способны письменно продуцировать высказывания различ-

ного содержания, дополняя их экспрессивно-эмоциональной лексикой; производить переработку источников информации, используя соответствующие средства и выбирая самое важное для адресата. Для большей наглядности мы предлагаем студентам вводить в текст высказывания прямую или диалогическую речь.

Для того чтобы качественно повысить уровень владения письменной русской речью на занятиях, мы знакомим студентов с разножанровым текстовым материалом, представляем и анализируем типичные для данного стиля и жанра повествования лексические единицы, словосочетания и синтаксические конструкции, которые характеризуют и отражают ментальность автора.

Как считает Л.Н. Чумак, «при обучении <...> иностранному языку комплексный лингвистический анализ текста выступает одним из важнейших аспектов работы как в аудитории, так и самостоятельно» [6, с. 205].

После тщательного ознакомления с характеристиками представленного нами учебного материала студенты сами уже могут создавать собственные письменные высказывания по образцу или в отвлечении от него. В итоге учащиеся формируют и развивают собственный стиль высказывания. На аудиторных занятиях и в качестве внеаудиторных заданий мы предлагаем студентам подготовить письменные работы, отражающие наиболее оптимальные стили с точки зрения их функциональности и пригодности в разных жизненных ситуациях и возможной будущей профессиональной деятельности учащихся [10, с. 140–152]. Это прежде всего разговорный, публицистический, официально-деловой и лишь отчасти научный стиль русской речи. Такая последовательность объясняется тем, что лишь небольшой процент выпускников заинтересован заниматься научной деятельностью.

Следует отметить, что студенты 1–2-х курсов магистратуры Института русистики Лодзинского университета учатся по специальности «межкультурная коммуникация с элементами маркетинга», поэтому они главным образом ищут работу в сфере бизнеса и торговли.

Самым популярным письменным заданием является сочинение — это «вид творческого задания, письменная самостоятельная работа учащихся; изложение собственных мыслей, переживаний, суждений, намерений» [7, с. 289]. В соответствии с предусмотренными учебной программой тематическими блоками вопросов нами были разработаны 23 вида письменных работ, в том числе сочинений, например:

Диалог/полилог на заданную тему (на основании какой-нибудь ситуации, например продвижение по службе, повышение).

Допрос / протокол допроса.

Заполнение таблицы фактической информацией.

Изложение на русском языке статьи (по заданной теме), прочитанной в польской прессе. К работе приложить подлинный текст публикации.

Изложение прочитанной статьи в российской прессе (по заданной теме).

Обобщенное изложение на русском языке нескольких отдельных газетных текстов из польской или российской прессы. К работе приложить подлинный текст статей.

Интервью с заданным персонажем.

Компоновка сочинения на русском языке из фраз, которые сначала необходимо перевести с польского языка на русский, а затем расположить в нужной логической последовательности (например, тема «Система образования в России»).

Объявление / газетное сообщение о каком-нибудь событии.

Описание предметов, явлений, процессов (например, выпускные экзамены по родному языку в России и Польше — характеристика КИМов и пр.; описание людей — портрет современного студента русистики).

Письмо приятельнице, по ситуативным данным и заданному плану (например, сомнения в связи с решением об усыновлении / удочерении детдомовского ребенка) и пр.

Продолжение предложенной фразы (например: «Для меня дружная семья — это...»).

Рецензия на статью / видеоролик / социальную рекламу, фильм.

Сочинение по заданному плану высказывания (например, по теме «Безработица в семье Ковальских»).

Сочинение по иллюстрации / стимулирующему иллюстративному материалу и пр.

Сочинение-повествование (пересказ какой-либо истории по модели: завязка → развитие действия → кульминация → спад действия → развязка). В качестве примера можно привести «Рассказ о том, как я проходил(-а) собеседование при устройстве на работу».

Сочинение-повествование с изменением заданных элементов повествования (факты, события), лица рассказчика, формы (включение диалога, описание, эмоционально-экспрессивной и оценочной лексики и пр.), обстановки (окружение, время действия) и т. п.

Сочинение-рассуждение (утверждение / опровержение какого-н. тезиса, аргументы, вывод).

Суд над кем-то (например, «Суд над булли» и пр.).

Фельетон на заданную тему (публицистический, бытовой характер с элементами сатиры, иронии, например «Муж и жена — одна сатана» и пр.).

Филологическая статья.

Вопросник/опросник (анкета социологического опроса — закрытые и открытые вопросы).

Отчет о проведении какого-нибудь мероприятия, например лекции о какой-нибудь важной социальной проблеме.

Жанром, который вызывает у учащихся большой интерес, является допрос. Чаще всего это действие проводится в связи с уголовным процессом и представляет собой устный опрос — дачу показаний свидетеля, потерпевшего,

подозреваемого, обвиняемого и пр. в целях получения информации относительно обстоятельств, возможно, имеющих непосредственное отношение к определенному расследуемому событию.

Поскольку допрос должен соответствовать определенному регламенту, на наш взгляд, необходимо представить студентам порядок действий, таких как выяснение личности допрашиваемого; уточнение, владеет ли он языком судопроизводства; разъяснение его прав, предупреждение об ответственности за дачу ложных показаний; выяснение сведений о том, не состоит ли допрашиваемый на учете в наркологическом или психиатрическом диспансере, а также определение трезвости и общего состояния прибывшего на допрос. В ходе допроса следователь обычно задает вопросы, предъявляет доказательства, представляет показания других лиц.

Все сведения должны быть учащимися зафиксированы в протоколе допроса. Как можно полагать, данный жанр текста строится в форме монолога со значительным участием живой диалогической речи, вставок отдельных реплик или же использования косвенной речи. Жанр допроса предусматривает использование как элементов официально-делового стиля речи (юридические термины и формулировки), так и разговорного стиля (вопросы следователя и спонтанные ответы на них фигуранта). В качестве ситуации мы предлагаем допрос преступника или потерпевшего, например, по теме «Школьная агрессия» или эмигранта-беженца по теме «Политическая эмиграция» и т. д.

Эффективным заданием, вырабатывающим умения и навыки подачи сжатой и основной информации, является *заполнение рубрик таблицы*. Студенты отвечают на заданные вопросы открытого типа, например, по теме «Субкультуры»:

1. Почему молодые люди хотят принадлежать к той или иной субкультуре?
2. Чем объясняется выбор определенной субкультуры?
3. Как принадлежность к определенной субкультуре сказывается на повседневной жизни молодого человека?
4. Как окружение реагирует на представителей субкультур? Почему?

Таблица, находящаяся на странице, имеет определенный размер, что заставляет студентов формулировать свои мысли таким образом, чтобы их ответ полностью поместился в рубрике, не выходя за ее пределы.

На наш взгляд, очень интересным заданием является изложение материала, посвященного определенному вопросу. *Изложение* — это «вид письменных упражнений в развитии речи учащихся на основе образца, письменный пересказ <...> прочитанного произведения» [4, с. 97]. На практике мы предлагаем описать проблему, освещенную в польской прессе, или для выработки собственного мнения студентов на основании разных источников информации, представленной с разных точек зрения (например, тема проживания в гражданском браке — *życie “na kocią łapę”* из тематического блока «Проблемы семьи») в польских и российских печатных СМИ. По нашему мнению, такой тип задания способствует совершенствованию умений и навыков логического

мышления и развитию таких мыслительных операций, как анализ, синтез, выделение существенной информации, абстрагирование и пр.

Жанр интервью можно определить как изложение материала, полученного журналистом путем непосредственной беседы [8, с. 96]. Интервьюер (студент) получает сведения на данную тему от источника информации — респондента (например, директора школы, в которой произошло какое-нибудь преступление (к примеру, употребление наркотиков или курительных смесей, вымогательство, избиение, ограбление, изнасилование, сексуальное домогательство и пр.) с помощью задаваемых ему вопросов.

Объявление — это небольшое по объему печатное сообщение, информация о чем-нибудь (например, о событии, мероприятии и пр.). Чаще всего этот коммуникативный жанр мы встречаем в прессе, Интернете и других СМИ в качестве рекламы какого-нибудь продукта или товара.

Отрабатывая деловой стиль речи, в основном клишированную лексику типа: *фирме требуется; обеспечить работой; просьба оставить заявку; выслать резюме; открывает вакансии; замещение должности* и т. д., мы предлагаем учащимся составить сообщение о возможности трудоустройства за рубежом специалистов определенной квалификации и пр. Кроме того, во время составления объявления студенты вспоминают и закрепляют соответствующую лексику по тематическому блоку «Трудоустройство», например *востребованные профессии; гибкий график; фрилансер; договор поручения; социальный пакет* и пр.

В рамках продуцирования письменных текстов разных жанров мы предлагаем сочинить *рецензию* на просмотренный художественный фильм В. Тодоровского «Стиляги». Работа подводит итоги изученному тематическому блоку о системе ценностей молодежи, субкультурах и т. п.

Рецензия — это «письменный анализ научного, учебного или художественного произведения, включающий комментирование основных положений, выражение своего отношения к произведению, аргументированную оценку и выводы о значимости и достоинствах рецензируемого произведения, а также указания на его недостатки» [2, с. 20]. Рецензия совмещает в себе элементы публицистического стиля, но может содержать и другие стили (например, научный). Рецензия относится к аналитическим публицистическим жанрам, поскольку наряду с информационными содержит большое количество аналитических и оценочных элементов.

Учащиеся — авторы рецензий должны в своих работах дать информацию о кинокартине, истории ее создания, о режиссере, значении термина «стиляги», дать характеристику картине и актерам, проанализировать содержание, сюжетные линии; представить как объективную, так и субъективную позиции в отношении произведения, при этом убедительно обосновать свое мнение. Каждый вопрос, рассматриваемый в рецензии, должен найти свое структурное воплощение. Вводная (информационная) часть условно должна соответство-

вать модели, т. е. отвечать на вопросы: *кто? что? где? когда? для чего? как?* Для характеристики произведения часто используются глаголы и глагольные формы, такие как *является, представляет собой, предстаёт перед зрителем, режиссер показывает* и пр. Для оценки разных элементов фильма (например, музыки, текстов диалогов и песен, исполнения, хореографии и пр.) относятся такие глаголы, как *шокирует, поражает, удивляет, восхищает* и пр. Аналитическая часть выражена словосочетаниями типа: *основная идея фильма — это...; анализируя сюжет, можно...; все напоминает...; в фильме преобладают...* и др. Обычно автор рецензии привлекает внимание читателя к данному произведению с помощью таких языковых средств: *фильм заслуживает высшей похвалы; картину стоит посмотреть; это настоящий шедевр; (картина) рассчитана на настоящих ценителей (киноискусства); для настоящих знатоков; оставляет равнодушным* и т. д. [9, с. 289–291].

Оригинальным, на наш взгляд, заданием является *сочинение по иллюстрации / по стимулирующему материалу*. Мы предлагаем студентам самостоятельно найти в российских интернет-ресурсах или печати соответствующие иллюстрации (допустим, социальную рекламу), которые довольно полно и ярко характеризуют, например, проблему домашнего/семейного насилия. К подготовительным действиям к написанию текста мы относим уяснение прямого и часто переносного смысла отдельных сюжетов иллюстраций с опорой на представленные и, возможно, значащие жесты и мимику героев материала, а также детали окружения и пр.; проведение лексико-семантического и стилистического анализа надписей, сопровождающих иллюстрации; озглавливание каждой части стимулирующего иллюстративного материала по отдельности; расположение их в определенном логическом порядке. Совершив перечисленные действия, на наш взгляд, гораздо легче подбирать языковые средства для выражения и аргументирования своих мыслей. После фазы составления текста его следует окончательно отредактировать.

В свою очередь, *сочинение-рассуждение* предполагает создание учащимися письменного текста заданного объема, свободной композиции, представляющего их личное мнение по данному вопросу. Работа студента должна отличаться правильностью и умением обозначения основной проблемы; логичностью, связностью и четкостью раскрытия темы; наличием ярко выраженной и умело обоснованной собственной позиции, верных, аргументированных выводов и т. д.

В качестве задания, обсуждая на занятиях взаимоотношения между учителями и школьниками, мы предлагаем составление сочинения-рассуждения, например, на тему «Прав ли Плутарх, утверждая, что “ученик — это не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь”».

Письменная работа, которую мы условно назвали «филологическая статья», требует от учащихся демонстрации своих умений и навыков использования разных жанров и стилей. Для того чтобы раскрыть суть какого-нибудь понятия, например понятия «дранкорексия», студентам надлежит собрать

соответствующий словарный и фактический материал. Действуя по заданному преподавателем плану, учащиеся формулируют определение понятия (словарная статья), затем анализируют этимологию термина и сферы его употребления с указанием контекстов и стилистической окраски. Далее составляют описание и приводят примеры сочетаемости термина в русском и польском языках, а также примеры возможных переводов на польский язык, определяют частотность употребления и распространенность термина (статистические данные). В завершение работы студенты анализируют представленные данные и делают выводы. Нередко текст сопровождается иллюстративным материалом.

Вопросник/опросник — анкета, набор вопросов, касающихся определенной темы, составленных для того, чтобы получить информацию на основании анализа ответов, данных респондентом. Студентам предлагается участие в ролевой игре «Социолог — сборщик социологической информации», которая заключается в составлении и проведении среди коллег и знакомых социологического опроса в целях получения ответов на вопросы о системе жизненных ценностей современного человека, о факторах, влияющих на иерархию ценностей в разные периоды жизни, и т. п.

В анкетах рекомендуется использовать вопросы различного вида: закрытые (их образцы обсуждаются на занятиях) и открытые (предполагают свободное высказывание анкетированного). Среди закрытых вопросов наиболее популярны альтернативные (ответ — *да* или *нет*), вопросы с выбором ответа из 3–4 вариантов, со шкалой значимости (имеет наибольшее/большое значение // не имеет значения), а также со шкалой оценок (по степени важности, например от 0 до 10) и т. п. После обработки результатов анкетирования учащиеся могут определить среднюю систему ценностей современного человека, произвести их ранжирование, прокомментировать данные опроса и эффективность предложенных вопросов.

Отчет — это материал, описывающий итоги прошедшего события или излагающий принятые решения на каком-либо мероприятии. Обычно публикуются отчеты о встречах, конференциях, собраниях и т. д. Отчет является достаточно формальным документом и, соответственно, требует документальной точности.

Мы предложили студентам испробовать себя в этом жанре, представив, что они, подобно лекторам, ведут просветительскую работу, выступая с лекциями на тему определенных социальных проблем, таких как *социальное неравенство; преступность; экстремизм; ксенофобия; шовинизм; злоупотребление властью / служебным положением; качество информации в СМИ; состояние морали и нравственности; экология, ситуация в сфере здравоохранения; ситуация в сфере образования* и пр.

Для полного представления о том, как выглядит и как оформляется отчет, мы демонстрируем образцы подобных документов, составленных по различным поводам. Внимание студентов концентрируем прежде всего на графическом оформлении (например, в виде таблицы) и постоянных элементах отчета, та-

ких как: название проведенного мероприятия; дата проведения; место проведения; краткое описание мероприятия и цель его проведения; характеристика и состав участников (например, пол, возраст, образование, функция лиц и пр.); использованные наглядные, аудио-, видеоматериалы, хендауты с основными положениями, тезисами лекции; фотодокументация мероприятия; собственные замечания, наставления на будущее и пр.

Предлагаемые нами виды сочинений разнообразны по своему характеру и форме и в широком диапазоне могут быть использованы в различных сферах жизнедеятельности. Успешное выполнение данных заданий требует тщательной подготовки и отбора языкового и фактического материала.

Работа с разнотематическим и разножанровым письменным текстом показывает студентам-иностранцам прикладной характер приобретенных на занятиях умений и навыков по продуцированию видов с учетом языковых норм и стандартов оформления, а также формирует уверенность в адекватном выражении мыслей и убеждений в зависимости от ситуации на неродном языке.

Библиографический список

Источники

1. Общеευропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.linguanet.ru> (дата обращения: 12.04.2019).

Литература

2. Бердичевский А.Л., Соловьева Н.Н. Русский язык: сферы общения: учеб. пособие по стилистике для студ.-иностран. М.: Рус. яз., Курсы, 2002. 152 с.

3. Горшков А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика: учеб. для педагогических университетов и гуманитарных вузов / А.И. Горшков. М.: АСТ: Астрель, 2006. 367 с.

4. Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку: учеб. пособие для высш. учеб. заведений / [Г.М. Васильева и др.]; под ред. И.П. Лысаковой. М.: Владос, 2004. 270 с.

5. Савко И.Э. Русский язык. От фонетики до текста. 2-е изд., с изм. и доп. Минск: Харвест, 2010. 528 с.

6. Чумак Л.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие / Л.Н. Чумак. Минск: БГУ, 2009. 304 с.

Справочные и информационные ресурсы

7. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009. 448 с.

8. Афанасьева Н.А., Попова Т.И. Палитра стилей: учеб. пособие по стилистике русского языка для иностранцев. СПб.: Златоуст, 2007. 116 с.

9. Настольная книга преподавателя иностранного языка: справ. пособие / Е.А. Маслыко [и др.]. 5-е изд., стер. Мн.: Высш. шк., 1999. 522 с.

10. Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб. науч. пособие / К.И. Рогова [и др.]; под ред. проф. К.А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2011. 464 с.

References

Istochniki

1. Obshheevropejskie kompetencii vladeniya inostranny'm yazy'kom: izuchenie, prepodavanie, ocenka [Elektronny'j resurs]. URL: <http://www.linguanet.ru> (data obrashheniya: 12.04.2019).

Literatura

2. *Berdichevskij A.L., Solov'eva N.N.* Russkij yazy'k: sfery' obshheniya: учеб. пособие по стилистике для студ.-иностр. М.: Rus. yaz., Kursy', 2002. 152 s.

3. *Gorshkov A.I.* Russkaya stilistika. Stilistika teksta i funkcional'naya stilistika: учеб. для pedagogicheskix universitetov i gumanitarny'x vuzov / A.I. Gorshkov. М.: AST: Astrel', 2006. 367 s.

4. Russkij yazy'k kak inostranny'j. Metodika obucheniya russkomu yazy'ku: учеб. пособие для vy'ssh. учеб. zavedenij / [G.M. Vasil'eva i dr.]; pod red. I.P. Ly'sakovoj. М.: Vldos, 2004. 270 s.

5. *Savko I.E'.* Russkij yazy'k. Ot fonetiki do teksta / I.E'. Savko. 2-e izd., s izm. i dop. Minsk: Xarvest, 2010. 528 s.

6. *Chumak L.N.* Metodika prepodavaniya russkogo yazy'ka kak inostrannogo: учеб. пособие / L.N. Chumak. Minsk: BGU, 2009. 304 s.

Spravochny'e i informacionny'e resursy'

7. *Azimov E'.G., Shhukin A.N.* Novy'j slovar' metodicheskix terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazy'kam). М.: Ikar, 2009. 448 s.

8. *Afanas'eva N.A., Popova T.I.* Palitra stilej: учеб. пособие по стилистике русского yazy'ka для inostrancev. SPb.: Zlatoust, 2007. 116 s.

9. Nastol'naya kniga prepodavatelya inostrannogo yazy'ka: sprav. пособие / E.A. Masly'ko [и др.]. 5-e izd., ster. Mn.: Vy'sh. shk., 1999. 522 s.

10. Текст: теоретические основаниya i principy' analiza: учеб. науч. пособие / К.И. Rogova [и др.]; pod red. prof. K.A. Rogovoj. SPb.: Zlatoust, 2011. 464 s.

T.S. Dombrovsky

Russian Written Speech in the Polish Philological Audience — Types of Compositions and Methodological Aspects of Work

The article deals with the methodological aspects of improving multi-genre and multi-language Russian written speech in the Polish philological audience. The author focuses on the types of written assignments given to students, their compositional, lexical and stylistic features. The production of a statement must be preceded by preliminary work that contributes to obtaining the final product — a text.

Keywords: written speech; genres; speech styles; text production; types of compositions.

УДК 378.016

DOI 10.25688/2076-913X.2019.35.3.09

А.Б. Гулиянц,
С.Б. Гулиянц

Подготовка будущих учителей к применению здоровьесберегающих технологий в инклюзивном иноязычном образовании

В статье уточнены требования к подготовке будущего учителя к работе в инклюзивном иноязычном образовании, описана экспериментальная проверка эффективности обучения учителей иностранного языка применению здоровьесберегающих технологий в профессиональной деятельности. Представлен анализ, систематизация научных исследований по данной проблеме.

Ключевые слова: профессиональная подготовка будущих учителей; инклюзивное образование; здоровьесберегающие технологии.

Сегодня в научной литературе все чаще встречается термин *инклюзивное образование*. Под ним традиционно понимают процесс обучения и воспитания детей, который подразумевает его доступность для всех обучающихся в независимости от их особенностей: физических, психических, социальных и др. Данный процесс нацелен на создание оптимальных условий для обучения, воспитания и развития особенных детей совместно с обычными школьниками.

Попытка внедрения инклюзивного образования в России выявила несколько актуальных проблем. Во-первых, это необходимость более тщательной разработки законодательной базы, образовательных стандартов, программ и учебников для школ, внедряющих инклюзивное образование. Во-вторых, подготовка соответствующих профессиональных кадров, готовых и способных работать в условиях инклюзии. Остановимся подробнее на последнем пункте.

Для успешного осуществления процесса обучения, воспитания и развития особенных детей учителю необходимо владеть определенным набором теоретических знаний и практических умений в области как общей, так и специальной педагогики [8]. При этом учитель, работающий в системе инклюзивного образования, должен опираться на индивидуальный подход, владеть образовательными методами и технологиями коррекционной поддержки особенно ребенка. Также важно знать основные способы организации коррекционно-

развивающей среды и специальные образовательные программы, уметь адаптировать учебники и учебные пособия, создавать необходимые дидактические материалы, осваивать новые технические средства обучения коллективного и индивидуального пользования. Всему этому учителя, который будет работать в системе инклюзивного образования, необходимо обучить в процессе профессиональной подготовки в вузе [4].

На сегодняшний день уже проведены исследования и опубликованы работы, в которых предложены некоторые идеи по подготовке учителя, способного и готового к работе с особенными детьми в системе инклюзивного образования в России. Проанализируем некоторые из них.

С.В. Алехина и ее соавторы считают, что готовность будущих учителей к работе в инклюзивном образовании в России следует рассматривать через два основных показателя: 1) профессиональную готовность к осуществлению соответствующей деятельности; 2) психологическую готовность [1].

В монографии «Инклюзивная готовность педагогов: генезис, феноменология, концепция формирования» В.В. Хитрюк перечислил ряд педагогических условий для успешной подготовки будущих учителей к работе в инклюзивном образовании. Среди них автор выделяет: разработку соответствующего научно-методического обеспечения; создание толерантной среды образовательного процесса; реализацию определенной технологии формирования инклюзивной готовности будущих педагогов; постоянную ее диагностику и мониторинг [7].

Учитывая, что инклюзивное образование предполагает работу с детьми, у которых уже есть проблемы со здоровьем, приоритетной задачей учителя становится не только обучить, воспитать и развить особенного школьника, но и максимально бережно отнестись к его здоровью и эмоционально-психическому состоянию. Соглашаясь с важностью представленной ранее информации, авторам данной статьи видится значимым подготовка студентов к активному использованию здоровьесберегающих технологий [3].

Вопросами оптимистической проекции развития лингвообразовательных практик и педагогического обеспечения, сохранения и укрепления здоровья обучающихся занимались многие исследователи, среди которых Н.М. Амосов, А.Ю. Борисенко, Ю.И. Кузнецова, Ф.З. Меерсон, И.В. Рябова, Е.Г. Тарева и др. Необходимость использования здоровьесберегающих технологий в инклюзивном образовании описана в работах А.В. Морозова, Т.В. Макеевой, Л.Ф. Тихомировой, С.Ю. Стеклёновой и др. Подготовку педагогических кадров к осуществлению здоровьесбережения обучающихся в общеобразовательных учреждениях изучали М.Г. Колесникова, Н.В. Никитин, Н.В. Суворов. Подготовка будущих учителей иностранного языка к применению здоровьесберегающих технологий в системе инклюзивного образования еще требует изучения.

Под здоровьесберегающими технологиями в системе инклюзивного образования сегодня понимают ряд технологий, реализуемых в инклюзивном образовательном процессе и обладающих обучающими, воспитывающими,

развивающими, оздоровительными и коррекционными свойствами; предполагающих командную работу учителя с ребенком, коллегами, родителями ребенка и его врачами [10].

Работая в инклюзивном образовании, будущие учителя иностранного языка, при выборе здоровьесберегающей технологии, должны будут учитывать следующие важные факторы: влияние внешней и школьной среды (экономические, социальные условия и т. п.); организацию и форму оздоровительной работы и учебного процесса (обучения, воспитания и развития), режим учебной нагрузки. Им необходимо будет принимать во внимание динамику текущей и хронической заболеваемости обучающихся. Следовательно, будущие учителя иностранного языка должны научиться работать в тесном контакте с коллегами и врачами. Особую роль взаимодействия школы и семьи в процессе реализации инклюзивного образования подчеркивают Н.Г. Прибылова и Ю.И. Блинова [5].

Разрабатывая урок иностранного языка, будущий учитель должен учитывать психолого-педагогические, медицинские и личностные характеристики каждого обучающегося в отдельности и всего класса в целом. Ему следует включать в план урока не только то, что важно усвоить школьникам, но и упражнения, которые помогут снять напряжение и усталость, поэтому необходимо продумать деятельность и задания для релаксации детей [2]. Выпускников педагогических вузов также нужно научить следовать правилам санитарных норм: соблюдению воздушно-теплого, светового, цветового и других режимов, рекомендуемых особенным школьникам [6].

Будущим учителям иностранного языка, которым предстоит работать в инклюзивном образовании, надлежит четко знать ряд факторов, которые могут негативно повлиять на здоровье обучающихся вообще и особенных обучающихся в частности. К ним В.В. Бондина относит: использование стрессовых педагогических тактик, несоответствие методик и технологий обучения иностранным языкам возрастным и функциональным возможностям школьников, несоблюдение элементарных физиологических и гигиенических требований к организации учебного процесса, интенсификацию учебного процесса, функциональную неграмотность учителей в вопросах охраны и укрепления здоровья особенных обучающихся и др. [9].

Для проверки готовности студентов педагогического направления Московского городского педагогического университета (МГПУ) к применению здоровьесберегающих технологий было принято решение провести экспериментальное исследование. Цель эксперимента — определить психологическую и профессиональную готовность бакалавров к работе в инклюзивном образовании и проверить эффективность обучения будущих учителей иностранного (английского) языка применению здоровьесберегающих технологий в профессиональной деятельности в условиях вуза для развития их психологической и профессиональной готовности работать в инклюзивном образовании.

Задачи экспериментальной работы:

1. Определить предрасположенность студентов к психологической и педагогической готовности работать в инклюзивном образовании как будущих учителей иностранного языка.

2. Проверить эффективность подготовки будущих учителей иностранного (английского) языка к применению здоровьесберегающих технологий в профессиональной деятельности в условиях вуза для развития их психологической и профессиональной готовности.

3. Проанализировать полученные в ходе эксперимента результаты и сделать выводы.

На констатирующем этапе эксперимента на основании анализа учебного плана, учебно-методических комплексов дисциплин, мониторинга трудностей, с которыми обычно сталкивались студенты, выходя на практику в школы в качестве учителей иностранного (английского) языка, бесед с преподавателями вузов, методистами групп по педагогической практике и учителями школ, на базе которых проходила практика, авторами статьи было принято решение определить ряд моментов. Во-первых, психологическую готовность студентов работать с особенными детьми. Во-вторых, профессиональную готовность, а именно умения ставить цель, ориентированную на обучение иностранному языку, и выбирать оптимальные здоровьесберегающие технологии для ее достижения с учетом особенностей школьников, успешно сочетая их с традиционным обучением.

На основании вышесказанного была определена экспериментальная группа, состоящая из 60 студентов-бакалавров разных годов обучения Института иностранных языков МГПУ.

Для определения предрасположенности студентов-бакалавров к работе с особенными школьниками была проведена диагностика. Методами оценки готовности стали: беседы со студентами, анкетирование, наблюдение, в том числе и включенное; беседы с преподавателями, методистами групп и учителями английского языка из школ, где проходила практика, учителями, работающими в инклюзивном образовании; анализ разработанных студентами конспектов классных и внеклассных занятий; анализ созданных дидактических материалов и т. д.

Результаты диагностики показали, что в начале эксперимента студенты имели предрасположенность к работе с особенными детьми. Пороговый уровень психологической и профессиональной готовности продемонстрировали 73,33 % обучающихся, базовый уровень готовности — 23,0 %, оптимальный уровень — 3,67 % бакалавров.

С учетом полученных данных мы внесли некоторые коррективы в методику преподавания методических дисциплин студентов-бакалавров кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков МГПУ на 2015/16 уч. г. Также запланировали участие студентов во внеауди-

торной профессиональной деятельности. Особое внимание решили уделить развитию психологической и профессиональной готовности будущих учителей английского языка через обучение студентов реализации здоровьесберегающих технологий в инклюзивном образовании.

Для развития психологической готовности студентов было предложено:

- организовать экскурсии в школы, где обучаются особенные дети;
- привлечь студентов к организации внеклассных мероприятий в школах — базах практики;
- мотивировать студентов к участию в конференциях с привлечением учителей, работающих с особенными детьми, самих особенных детей;
- изучить и проанализировать вместе с ними особенности работы в инклюзивном образовании в России и за рубежом и т. д.

Для формирования профессиональной готовности будущих учителей английского языка авторами статьи и другими преподавателями вуза было решено целенаправленно готовить студентов:

- соблюдать основные требования к организации и проведению обучающих, воспитывающих и развивающих мероприятий для особенных детей;
- принимать во внимание физиологический, физический и психологический характер каждого из обучающихся;
- разрабатывать урок иностранного языка с учетом психолого-педагогических, медицинских и личностных характеристик каждого класса / группы / обучающегося;
- тщательно подбирать и применять здоровьесберегающие технологии, обладающие оздоровительными и коррекционными свойствами;
- адаптировать учебники, учебные пособия и дидактические материалы под особенности как одного школьника, так и всего класса;
- учитывать факторы внешней и школьной среды, работая в команде с коллегами, родителями ребенка, врачами, со специалистами в данной области;
- находить необходимую недостающую информацию о возможных особенностях заболеваний обучающихся и способах оптимизации их обучения, воспитания и развития в условиях инклюзивного образования.

На формирующем этапе в подготовку бакалавров была включена дополнительная теоретическая информация о здоровьесберегающих технологиях, их видах, специфике применения. В рамках исследовательских проектов студентам предстояло найти информацию об инклюзивном образовании в России и за рубежом и особенных детей.

На занятиях по методике обучения иностранному языку будущие учителя выполняли анализ учебно-методической литературы и публикаций; изучали и выбирали наиболее эффективные виды языковых и речевых упражнений с учетом психолого-педагогических особенностей школьников (слепые и слабовидящие); знакомились с требованиями к организации и проведению мероприятий для особенных детей; разрабатывали уроки с учетом психолого-педагогических

и медицинских характеристик обучающихся; учились адаптировать учебники и учебные пособия, создавать необходимые дидактические материалы для слепых и слабовидящих обучающихся и т. д.

Студенты посещали школы, где обучаются особенные дети. Бакалавры старших курсов во время прохождения практики в школах города привлекались к организации внеклассных мероприятий. Обучающиеся консультировались с учителями, методистами, классными руководителями, а также участвовали в конференции с привлечением учителей, работающих с особенными детьми.

На итоговом этапе проводилась диагностика психологической и профессиональной готовности учителя иностранного (английского) языка к работе в инклюзивном образовании у студентов экспериментальной группы. При этом использовались те же характеристики готовности учителя иностранного (английского) языка и методы их оценки, что и на констатирующем этапе. Полученные результаты отражены в таблице. Их сравнительный анализ показал, что на констатирующем этапе эксперимента у будущих учителей иностранного (английского) языка психологическая и профессиональная готовность к работе в инклюзивном образовании была развита на довольно низком уровне. Это объясняется, как правило, тем, что повышение уровня готовности происходит в условиях профессиональной или специально организованной деятельности.

Психологическая и профессиональная готовность будущего учителя иностранного (английского) языка к работе в инклюзивном образовании (%)

Уровень	Этап	
	констатирующий	итоговый
Пороговый	73,33	30,0
Базовый	23,0	50,67
Оптимальный	3,67	19,33

На формирующем этапе ситуация изменилась в лучшую сторону. Количество студентов с пороговым уровнем готовности снизилось с 73,33 до 30,0 %. Базовый уровень готовности бакалавров вырос с 23,0 до 50,67 %. Рост оптимального уровня готовности будущих учителей иностранного (английского) языка к работе в инклюзивном образовании произошел достаточно быстро — с 3,67 до 19,33 %. Такие показатели можно объяснить применением целенаправленной подготовки студентов к использованию здоровьесберегающих технологий в работе с особенными детьми при обучении иностранному (английскому) языку. Это привело к повышению осознанности, мотивированности и активности студентов в овладении новыми знаниями, технологиями, средствами, методами и методиками, так необходимыми для реализации профессиональной деятельности.

Экспериментальное исследование доказало, что целенаправленная подготовка студентов к применению здоровьесберегающих технологий в их профессиональной деятельности в инклюзивном иноязычном образовании помогает развить у них психологическую и профессиональную готовность.

В процессе экспериментального исследования также были проверены и уточнены организационно-методические условия внедрения в подготовку студентов-бакалавров знаний о здоровьесберегающих технологиях в образовании, что позволило прийти к выводу об эффективности развития готовности будущих учителей к работе с особенными детьми, если студенты:

- осознают важность психологической и профессиональной готовности учителя иностранного языка к работе с особенными детьми;
- активны и мотивированы в получении необходимых знаний, умений, навыков и опыта;
- рационально сочетают здоровьесберегающие технологии с традиционным обучением и т. д.

Перечисленные в статье требования к знаниям и умениям будущих учителей, необходимых для успешного применения здоровьесберегающих технологий в инклюзивном иноязычном образовании, должны помочь психологически и профессионально подготовить студентов педагогических вузов к их будущей работе по оптимизации процесса обучения, воспитания, развития и интеграции школьников с особенностями развития в современное общество.

Библиографический список

Источники

1. *Алехина С.В.* Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного процесса в образовании / С.В. Алехина, М.Н. Алексеева, Е.П. Агафонова // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. С. 83–92.
2. *Бубнова И.А.* Проблемы современного образования: психолингвистический аспект // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 4. С. 94–103.
3. О необходимости совершенствования системы научно-методического сопровождения формирования здоровья всех участников образовательных отношений / И.В. Рябова [и др.] // Вестник МГПУ. Сер. Педагогика и психология. 2018. № 4. С. 29–40.
4. *Поставнев В.М., Поставнева И.В., Ваццлин А.С.* Мониторинг готовности субъектов образовательных отношений к инклюзивному образованию // Вестник МГПУ. Сер.: Педагогика и психология. 2017. № 1. С. 19–34.
5. *Прибылова Н.Г., Блинова Ю.И.* О роли взаимодействия школы и семьи в процессе реализации инклюзивного иноязычного образования // Университетский округ МГПУ — интеграция науки, образования и практики: материалы межрегиональной конф. / под ред. С.Д. Якушевой, Л.В. Поляковой. М.: Перспектива, 2017. С. 257–262.

6. *Тарева Е.Г.* Развитие лингвообразовательных практик: оптимистическая проекция // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 2 (18). С. 75–85.

7. *Хитрюк В.В.* Инклюзивная готовность педагогов: генезис, феноменология, концепция формирования: монография / М-во образования Респ. Беларусь, Барановичск. гос. ун-т. Барановичи: БарГУ, 2015. 276 с.

8. *Языкова Н.В., Ловцевич Г.Н.* Информационно-аналитический обзор материалов конференции «Профессиональное становление учителя иностранного языка в системе педагогического образования» (МГПУ, 12–14 октября 2017 г.) // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 2. С. 114–123.

Справочные и информационные издания

9. *Бондина В.В.* Методические рекомендации по применению здоровьесберегающих технологий учителем в учебно-воспитательном процессе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imc-new.com/health/economy/353-guidelines-for-use-of-health-technology-teacher-in-the-educational-process> (дата обращения: 23.09.2018).

10. Здоровьесберегающие образовательные технологии [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpzs.ru/healthcare_education/4180.html (дата обращения: 23.09.2018).

References

Istochniki

1. *Alexina S.V., Alekseeva M.N., Agafonova E.P.* Gotovnost' pedagogov kak osnovnoj faktor uspešnosti inklyuzivnogo processa v obrazovanii // Psixologicheskaya nauka i obrazovanie. 2011. № 1. S. 83–92.

2. *Bubnova I.A.* Problemy' sovremennogo obrazovaniya: psixolingvisticheskiy aspekt // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2018. № 4. S. 94–103.

3. O neobxodimosti sovershenstvovaniya sistemy' nauchno-metodicheskogo soprovozhdeniya formirovaniya zdorov'ya vsekh uchastnikov obrazovatel'ny'x otnoshenij / I.V. Ryabova [и др.] // Vestnik MGPU. Ser.: Pedagogika i psixologiya. 2018. № 4. S. 29–40.

4. *Postavnev V.M., Postavneva I.V., Vashhilin A.S.* Monitoring gotovnosti sub'ektov obrazovatel'ny'x otnoshenij k inklyuzivnomu obrazovaniyu // Vestnik MGPU. Ser.: Pedagogika i psixologiya. 2017. № 1. S. 19–34.

5. *Priby'lova N.G., Blinova Yu.I.* O roli vzaimodejstviya shkoly' i sem'i v processe realizacii inklyuzivnogo inoyazy'chnogo obrazovaniya // Universitetskij okrug MGPU — integraciya nauki, obrazovaniya i praktiki: materialy' mezhhregional'noj konf. / pod red. S.D. Yakushevoj, L.V. Polyakovej. M.: Perspektiva, 2017. S. 257–262.

6. *Tareva E.G.* Razvitie lingvoobrazovatel'ny'x praktik: optimisticheskaya proekciya // Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2015. № 2 (18). S. 75–85.

7. *Xitryuk V.V.* Inklyuzivnaya gotovnost' pedagogov: genезis, fenomenologiya, koncepciya formirovaniya: monografiya / M-vo obrazovaniya Resp. Belarus', Baranovichsk. gos. un-t. Baranovichi: BarGU, 2015. 276 s.

8. *Yazy'kova N.V., Lovcevich G.N.* Informacionno-analiticheskij obzor materialov konferencii «Professional'noe stanovlenie uchitelya inostrannogo yazy'ka v sisteme pedagogicheskogo obrazovaniya» (MGPU, 12–14 oktyabrya 2017 g.) // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2018. № 2. S. 114–123.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

9. *Bondina V.V.* Metodicheskie rekomendacii po primeneniyu zdorov'esberegayushihix texnologij uchitelem v uchebno-vospitatel'nom processe [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.imc-new.com/healtheconomy/353-guidelines-for-use-of-health-technology-teacher-in-the-educational-process> (data obrashheniya: 23.09.2018).

10. Zdorov'esberegayushhie obrazovatel'ny'e tekhnologii. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.zpzs.ru/healthcare_education/4180.html (data obrashheniya 23.09.2018).

A.B. Guliyants,

S.B. Guliyants

**On Training Teachers to Apply Health Saving Technologies
in Inclusive Education at Schools**

The article regards aspects of teacher training in the framework of health saving technologies in inclusive education. The findings of the research into teachers' training in Russia are systematized and generalized. Special attention is paid to future language teachers' training in health-saving technologies application. Experimental research study is also described.

Keywords: teacher training; inclusive education; health-saving technologies.

УДК 372.882

DOI 10.25688/2076-913X.2019.35.3.10

**В.А. Коханова,
И.А. Канунникова**

Проектирование моделей сценариев уроков литературы в информационной среде «Московская электронная школа»

В статье рассматриваются специфические особенности и принципы проектирования продуктивных моделей сценариев уроков, на основе которых могут быть разработаны сценарии уроков литературы в информационной среде «Московская электронная школа». Особое внимание уделяется вопросам структуры электронного сценария урока и описанию его компонентов.

Ключевые слова: информационная среда «Московская электронная школа»; электронный сценарий урока; модуль; кластерная структура; информационный ресурс урока.

В современной системе столичного образования значимое место отводится реализации городского мегапроекта «Московская электронная школа» (далее — МЭШ), который представляет собой новый этап внедрения информационно-коммуникационных технологий, направленный на создание эффективной информационно-образовательной среды в московских школах.

Действительно, «платформа МЭШ дает учителю новые инструменты: интерактивное оборудование, подключение к сети Интернет, кабельные и беспроводные школьные сети, персональные устройства для участников учебного процесса, что может позволить педагогу повысить результативность каждого урока» [3, с. 340]. Однако учителю необходимо научиться эффективно использовать новый инструментарий в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (ФГОС ООО), что является отнюдь не простой задачей. «Сейчас требуются умения выделять, использовать и создавать электронные ресурсы, ориентированные на новые образовательные результаты школьников» [2, с. 7].

По утверждению мэра Москвы С.С. Собянина, «это платформа, которая позволяет каждому педагогу поделиться своим опытом и знаниями, создать уникальные сценарии по каждому предмету и к каждому уроку» [5, URL].

Электронный сценарий урока — это структурированный образовательный контент, предназначенный для запуска на интерактивной панели и планшетах обучающихся с использованием возможностей платформы МЭШ. Однако разработка и проведение таких уроков в интерактивном режиме представляют собой серьезную проблему для учителей-предметников.

Сценарии уроков создаются с помощью специального конструктора проектирования, сохранения и видоизменения поэтапного хода урока с отображением соответствующего образовательного контента на устройствах, которыми должен быть оборудован каждый класс (интерактивная панель, компьютер преподавателя, доска), и персональных устройствах обучающихся (планшеты учеников). В настоящее время библиотека МЭШ содержит тысячи сценариев по всем школьным учебным предметам, но их качество неоднородно и далеко не каждый сценарий направлен на достижение образовательных результатов. В связи с этим представляется актуальной задача описания специфических особенностей электронных сценариев уроков в целях создания их оптимальных моделей, учитывающих ресурсы и образовательный потенциал платформы МЭШ.

Прежде всего необходимо обозначить основные подходы к разработке *модельных* сценариев уроков литературы в МЭШ с деятельностным содержанием. Во-первых, сценарий урока литературы должен быть модульным и *нелинейным*, в связи с этим меняется его *концептуальная основа*: изложение определенной системы знаний не должно быть самоцелью. Знания используются как средство для реализации на практике разнообразных видов деятельности при решении поставленных образовательных задач. В данном случае ценность имеет не готовое знание, полученное извне, а сам способ его приобретения и моделирование так называемого *выводного (операционного)* знания в результате решения образовательной задачи.

Кроме того, меняется *содержательная направленность* сценария: он не должен ограничиваться набором определенных этапов в представлении неких понятий, правил, примеров, закономерностей или схем. Содержание сценария должно являться совокупностью учебных материалов, представленных в алгоритмическом варианте, позволяющих учителю и обучающимся выбирать те элементы, которые лично для них значимы и направлены на совместную деятельность.

Наконец, меняется *функция* сценария: он должен быть ориентирован на формирование готовности и способности к постоянному развитию образовательного потенциала ученика и профессионального потенциала учителя.

Таким образом, общие характеристики модели сценария урока литературы в МЭШ представляют собой следующее триединство: адекватность, адаптивность, гибкость.

Также необходимо определить понятие «модуль» применительно к сценарию урока литературы, так как в современной методической науке можно встретить огромное количество его трактовок. Для нас опорной стала следующая формулировка: «Модуль — это целевой функциональный узел, в котором

объединены учебное содержание и технология овладения им» [4, с. 263]. Под *модулем электронного сценария урока* мы понимаем совокупность этапов урока, имеющую определенную логическую завершенность по отношению к установленным целям и результатам обучения.

Модули могут быть с *инвариантным* или *вариативным* наполнением. Модули с инвариантным наполнением имеют строго закрепленное место в структуре конкретного урока, не подлежат замене или перестановке, так как имеют принципиальное значение для логичного и последовательного изложения учебного материала. Модули с вариативным наполнением могут включать в себя разнообразное содержание в зависимости от уровня конкретного класса, интересов, предпочтений и творческого потенциала учителя, однако в процессе замены или корректировки содержания вариативного модуля он не должен утрачивать своего функционального назначения.

Таким образом, основания для моделирования сценариев уроков литературы с деятельностным содержанием в МЭШ должны включать в себя следующие компоненты:

- кластерную структуру сценария урока;
- модульный принцип построения;
- нелинейный характер освоения материала.

Важнейшим критерием для определения структуры модели сценария урока литературы, количества и логики построения модулей является выбор одного из трех *методов изложения и представления* учебного материала в составе сценария урока:

- метод дедукции;
- метод индукции;
- метод проблемного изложения.

С учетом названных методов возможно построение трех продуктивных моделей сценариев уроков литературы в МЭШ.

Модель 1. *В основу изложения и представления учебного материала положен метод дедукции*¹.

Предполагаемый сценарий урока состоит из трех модулей:

- Первый модуль (с инвариантным наполнением) — выдвижение тезиса или формулирование гипотезы, например: «Единственным умным человеком в комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума” может считаться Чацкий». В ходе урока предполагается доказать или опровергнуть тезис о том, что Чацкого можно назвать единственным умным героем в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»).
- Второй модуль (с вариативным наполнением) — развитие выдвинутой гипотезы, ее аргументированное обоснование или опровержение. На данном этапе используются различные формы работы и организации

¹ Дедукция (*лат. deduction* — «выведение») — развитие мысли от общих закономерностей к частным проявлениям этих закономерностей, от правил к конкретным примерам.

деятельности обучающихся по поиску аргументов или контраргументов, призванных доказать или опровергнуть выдвинутый первоначально тезис, а также по подбору фактов и примеров, их сравнению.

- Третий модуль (с инвариантным наполнением) — выводы и предложения по поводу подтверждения или опровержения выдвинутой гипотезы.

Модель 2. *В основу изложения и представления учебного материала положен метод индукции*².

Предполагаемый сценарий урока должен включать в себя следующие модули:

- Первый модуль (с инвариантным наполнением) — определение цели исследования, например: «Кого из героев комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума” можно назвать умным человеком?». В ходе урока предполагается исследовать различные представления героев комедии об уме, так как каждый из них считает себя умным человеком, но само понятие ума они наполняют разным содержанием.
- Второй модуль (с вариативным наполнением) — подбор фактов, их анализ, сравнение, синтез. Здесь применяются различные формы организации деятельности обучающихся, связанные с анализом конкретного художественного произведения в свете поставленной цели.
- Третий модуль (с инвариантным наполнением) — выводы или установление закономерностей.

Модель 3. *В основу изложения и представления учебного материала положен метод проблемного изложения*³. Проблемное обучение предполагает такую организацию учебных занятий, в ходе которой учитель сознательно создает ряд проблемных ситуаций и организует самостоятельную деятельность обучающихся по их разрешению. Методы постановки учебной проблемы представлены в таблице 1.

Таблица 1

Моделирование проблемной ситуации

Прием создания проблемной ситуации	Выявление определенного противоречия	Мотивация обучающихся к самостоятельному формулированию проблемы
1. Предъявить обучающимся заведомо противоречивые факты, теория, мнения	– Что привлекло ваше внимание? Какое противоречие вы заметили? О чем свидетельствуют приведенные факты?	– Какая проблемная ситуация возникла? – Как бы вы сформулировали тему урока?

² Индуктивный метод (*лат.* induction — «наведение») — развитие мысли от частных фактов или примеров к их обобщению, выявлению и формулировке закономерностей.

³ Проблемное изложение — постановка ряда проблемных вопросов, ведущих к достижению необходимых образовательных результатов.

Прием создания проблемной ситуации	Выявление определенного противоречия	Мотивация обучающихся к самостоятельному формулированию проблемы
2. Мотивировать учеников к обсуждению противоречий с помощью вопросов и заданий, связанных с изучением нового материала	– Сколько было поставлено вопросов? Сколько было предложено вариантов ответа? – Какое задание было одно? Какие способы его выполнения были предложены?	
3. Дать задание, отличное от предыдущих, вызывающее у учащихся затруднения в процессе его выполнения	– Почему вы не смогли выполнить задание? В чем вы видите причины возникших затруднений? Чем это задание отличалось от предыдущих?	

Предполагаемый сценарий урока должен включать в себя следующие модули:

- Первый модуль (с инвариантным наполнением) — постановка проблемы, например: «Почему Н.В. Гоголь назвал “Мертвые души” поэмой?». В ходе урока предполагается исследовать жанровое своеобразие произведения Н.В. Гоголя «Мертвые души» и разрешить определенное противоречие: по каким признакам мы можем прозаический текст отнести не к эпическому, а именно к лиро-эпическому роду литературы.
- Второй модуль (с вариативным наполнением) — поиск путей решения проблемы или устранения отмеченных противоречий. В рамках данного модуля предполагается организация исследовательской деятельности обучающихся по теме урока.
- Третий модуль (с инвариантным наполнением) — подведение итогов исследования и рефлексия индивидуальной и совместной деятельности. При этом поставленная учебная проблема может не иметь однозначного решения или быть в принципе неразрешимой.

В процессе использования представленных ранее моделей сценариев уроков литературы возможно достижение следующих образовательных результатов в соответствии с требованиями ФГОС ООО:

«личностные результаты»:

- формирование коммуникативной компетентности в общении и сотрудничестве со сверстниками в процессе учебно-исследовательской деятельности;
- развитие эстетического сознания через освоение художественного наследия народов России и мира;

«метапредметные результаты»:

- умение самостоятельно определять цели своего обучения, ставить и формулировать для себя новые задачи в учебе и познавательной деятельности, развивать мотивы и интересы своей познавательной деятельности;

– умение самостоятельно планировать пути достижения целей, в том числе альтернативные, осознанно выбирать наиболее эффективные способы решения учебных и познавательных задач;

– умение соотносить свои действия с планируемыми результатами, осуществлять контроль своей деятельности в процессе достижения результата, определять способы действий в рамках предложенных условий и требований, корректировать свои действия в соответствии с изменяющейся ситуацией;

– умение оценивать правильность выполнения учебной задачи, собственные возможности ее решения;

– владение основами самоконтроля, самооценки, принятия решений и осуществления осознанного выбора в учебной и познавательной деятельности;

– умение определять понятия, создавать обобщения, устанавливать аналогии, классифицировать, самостоятельно выбирать основания и критерии для классификации, устанавливать причинно-следственные связи, строить логическое рассуждение, умозаключение (индуктивное, дедуктивное и по аналогии) и делать выводы;

– формирование и развитие компетентности в области использования информационно-коммуникационных технологий;

предметные результаты:

– воспитание квалифицированного читателя со сформированным эстетическим вкусом, способного аргументировать свое мнение и оформлять его словесно в устных и письменных высказываниях разных жанров, создавать развернутые высказывания аналитического и интерпретирующего характера, участвовать в обсуждении прочитанного;

– развитие способности понимать литературные художественные произведения, отражающие разные этнокультурные традиции;

– формирование умений воспринимать, анализировать, критически оценивать и интерпретировать прочитанное, осознавать художественную картину жизни, отраженную в литературном произведении, на уровне не только эмоционального восприятия, но и интеллектуального осмысления» [1, URL].

Среди показателей, обеспечивающих востребованность сценариев уроков литературы, разработанных на основе представленных ранее моделей, у пользователей МЭШ, можно выделить следующие:

- обязательное наличие интерактивных форм организации деятельности обучающихся;
- целенаправленное использование мультимедийных возможностей МЭШ в построении межпредметных связей и осуществлении интеграции литературы как с другими учебными предметами, так и с различными видами искусства;
- наличие информационного ресурса урока в качестве дополнительного модуля, что обеспечивает наличие своеобразного поля развития как для обучающихся, проявивших повышенную заинтересованность в изучении той или иной темы, так и для самого учителя.

Последний из названных показателей требует более развернутого комментария. Проектирование дополнительного модуля — *информационного ресурса урока* — формирует не только информационную культуру обучающихся, но и самостоятельность мышления, учит планировать свои действия в процессе решения поставленных учебных задач, способствует организации групповой деятельности.

Информационный ресурс сценария урока должен представлять собой структурированный массив учебной и научной информации, направленный в первую очередь на оптимизацию процесса обучения и расширение возможностей организации самостоятельной работы обучающихся. Создание информационного ресурса сценария урока существенно помогает учителю организовать деятельность обучающихся, направленную на привлечение и обработку информации на основе созданной им модели урока, а ученику — самостоятельно осуществлять поиск, анализ и систематизацию информации. Техническая поддержка подобного дополнительного модуля в сценарии урока может стать ближайшей задачей для разработчиков МЭШ. Подобный ресурс должен быть открыт для постоянного доступа обучающихся, а в его состав могут быть включены следующие позиции:

- глоссарий по изучаемой теме;
- аннотированный список источников, справочников и словарей данной предметной области;
- тематические подборки по основным проблемам урока;
- коллекция видеолекций (видеоресурсов) по тематике урока;
- цикл электронных презентаций учебного материала;
- диагностические материалы по теме урока;
- иллюстративный материал по теме урока;
- перечень аннотированных ссылок на интернет-ресурсы;
- задания для самостоятельной внеклассной работы обучающихся.

Следовательно, для разработки эффективного сценария урока литературы в информационной среде МЭШ требуется комплексный подход, соединяющий продуктивную модель электронного сценария урока с использованием потенциала нового методического инструментария, который предоставляет образовательный проект Правительства Москвы «Московская электронная школа».

Библиографический список

Источники

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс] // Федеральные государственные образовательные стандарты. URL: <https://fgos.ru> (дата обращения: 10.04.2019).

Литература

2. Гринишкун В.В., Реморенко И.М. Фронтиры «Московской электронной школы» // Информатика и образование. 2017. № 7. С. 3–8.

3. *Коханова В.А.* Информационная среда «Московская электронная школа» как фактор модернизации профессиональной подготовки учителя-словесника // Человек в информационном пространстве: сб. науч. ст. / под общ. ред. Т.П. Курановой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. 447 с.

4. *Шамова Т.И., Давыденко Т.М.* Управление образовательным процессом в адаптивной школе. М.: Пед. поиск, 2001. 384 с.

Интернет-ресурсы

5. Московская электронная школа // Официальный портал мэра и Правительства Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/15299/4608050> (дата обращения: 10.04.2019).

References

Istochniki

1. Federal'ny'j gosudarstvenny'j obrazovatel'ny'j standart osnovnogo obshhego obrazovaniya [E'lektronny'j resurs] // Federal'ny'e gosudarstvenny'e obrazovatel'nye standarty'. URL: <https://fgos.ru> (data obrashheniya: 10.04.2019).

Literatura

2. *Grinshkun V.V., Remorenko I.M.* Frontiry' «Moskovskoj e'lektronnoj shkoly'» // Informatika i obrazovanie. 2017. № 7. S. 3–8.

3. *Koxanova V.A.* Informacionnaya sreda «Moskovskaya e'lektronnaya shkola» kak faktor modernizacii professional'noj podgotovki uchitelya-slovesnika // Chelovek v informacionnom prostranstve: sb. nauch. st. / pod red. T.P. Kuranovoj. Yaroslavl': RIO YAGPU, 2019. 447 s.

4. *Shamova T.I., Davy'denko T.M.* Upravlenie obrazovatel'ny'm processom v adaptivnoj shkole. M.: Ped. poisk, 2001. 384 s.

Internet-resursy'

5. Moskovskaya e'lektronnaya shkola [E'lektronny'j resurs] // Oficial'ny'j portal me'ra i Pravitel'stva Moskvyy'. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/15299/4608050> (data obrashheniya: 10.04.2019).

V.A. Kohanova,

I.A. Kanunnikova

Designing Lesson Plans for Literature Classes Within the Information Space «Moscow E-school»

The article regards specific features and principles of designing productive lesson plans, which prove relevant while creating literature lessons plans within the information space «Moscow e-school». Special attention is driven to the structure of the electronic lesson script and the description of its components.

Keywords: information environment «Moscow electronic school»; electronic scenario of the lesson; module; cluster structure; information resource of the lesson.

Е.В. Чаплин

Метонимия и метафора в сфере предиката (на примере глаголов говорения)

В статье рассматривается лексико-семантическая группа глаголов говорения. На основе анализа метонимических и метафорических переносов в сфере предиката предпринята попытка когнитивной интерпретации акта говорения в естественном языке. Автором выделено несколько семантических групп производных глаголов речи, на базе которых осуществляется метонимический и метафорический перенос, и приведено различие в восприятии и декодировании их значений носителями языка.

Ключевые слова: глагольная метонимия; глагольная метафора; семантические переносы; контролируемость.

Без коммуникации, основной формой которой служит речь, невозможно существование человеческого общества, именно поэтому в языке сфера понятий, связанных с коммуникацией и речевой деятельностью, представлена довольно детально. Прямым следствием такой детализации является большой класс слов, выражающих процесс говорения. Глаголы говорения, будучи репрезентацией одной из ключевых функций человека — коммуникативной, т. е. потребности в общении и передаче информации другим индивидам, неизменно вызывают интерес у лингвистов и подвергаются изучению с различных сторон [1, 7].

Под глаголами говорения в настоящей статье понимаются глаголы, которые выражают процесс речевой деятельности в ее различных проявлениях и в план содержания которых входят такие семы, как «сказать», «говорить», «произнести» и др.

В составе предложения глаголы говорения сообщают не только об определенной коммуникативной ситуации, о действии и состоянии субъекта речи, но и дают дополнительные характеристики (например, отражают настроение

говорящего, его отношение к высказыванию, оценку ситуации и т. д.). Они могут указывать на жанр высказывания, определять характер прямой речи и при этом выполняют в тексте важную функцию — информационную.

Часть глаголов говорения (*сказать, рассуждать, спросить, отвечать* и т. п.) при употреблении со словами-распространителями может указывать на громкость голоса, интонацию говорящего, его чувства, отношение к собеседнику во время произнесения той или иной реплики, например:

«— Знаешь ли, — *задумчиво сказала* (здесь и далее курсив наш. — Е. Ч.) Куки, покачивая длинным клювом» (А. Дорофеев. Эле-Фантик // Мурзилка. 2003)¹.

Здесь слово-распространитель *задумчиво* указывает на особенности акта речи, обусловленные наличием у персонажа размышлений о происходящей ситуации.

Ср. также:

«— Неужели в конце XX века не будут знать, что это такое?

— Будут, — *неуверенно сказали* пассажиры, — если вы нам...» (Т. Креветко. До чего же славной бывает масленица! // Трамвай. 1990).

В данном случае наречие *неуверенно* указывает на то, что акт говорения характеризуется определенным интонационным рисунком, паузацией (подробнее о паузации см.: [8]).

Однако некоторые глаголы говорения содержат дополнительные смыслы непосредственно в своем значении. Подобные предикаты образованы **метонимическими** и **метафорическими переносами**, ср.: *мямлить, бубнить, лепетать, заикаться, картавить, запинаться* и др.; или *бросил* (произнести что-то быстро, небрежно), *взорвался* (произнести неожиданно для собеседника грубые, неодобрительные слова, не сдерживая своего возмущения и выражая его в резкой форме).

В настоящей работе глаголы говорения выделены в несколько тематических групп:

– глаголы, привносящие представление о внутреннем состоянии и чувствах говорящего (*ворчать, спохватиться, озлобиться, недоумевать* и др.);

– глаголы, описывающие мимику, жесты, телодвижения и другие способы выражения внутреннего состояния говорящего (*простонать, пробормотать, отмахнулся, цедить, брюзжать, гаркать* и др.);

– глаголы, описывающие манеру речи (*гнусавить, шепелявить, шамкать, бормотать, лопотать* и др.);

– глаголы, описывающие особенность произношения отдельных звуков (*окать, акать, цокать, гакать*);

– глаголы, описывающие характеристики и свойства голоса, (*басить, картавить, заикаться, запинаться, мямлить*) и др.

Исследуемые глаголы широко используются носителями языка в речи, однако еще не были изучены с точки зрения когнитивной лингвистики как

¹ Здесь и далее приведены примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [10, URL].

способ репрезентации акта говорения в естественном языке. Возникший в последнее время интерес ученых к глагольной метонимии (ср.: [5]) обусловлен, по мнению Н.С. Трухановской, тем, что ей свойственно проявлять себя в полную силу именно среди признаков слов, особенно глаголов [6]. Так, ученые отмечают, что глагол способен метонимически восстанавливать более сложные и развернутые структуры в памяти, создавая каркас будущего высказывания [2, 9]. Таким образом, изучение метонимических переносов в сфере глаголов, репрезентирующих акт говорения, видится перспективным направлением исследования.

Рассмотрим примеры употребления в тексте метонимичных и метафоричных глаголов говорения, используя ресурсы НКРЯ [10, URL].

«Не меняйтесь ни в ту, ни в другую сторону, — *прокартавил* он» (М. Козаков. Актерская книга, 2007). В данном случае репрезентантом действия говорения выступает метонимичный глагол *прокартавить*, т. е. сказать с картавостью, картавя; неправильно, нечисто произнося звуки «р» или «л».

«“В-в к-клад-довке...” — вновь стал *заикаться* Коньшин» (Е. Чижев. Перевод с подстрочника, 2017). Репрезентантом акта говорения выступает метонимичный глагол *заикаться* — говорить с затруднением, запинаясь и непроизвольно повторяя одни и те же звуки. Сам процесс заикания представлен также в тексте графически с помощью повторения и удвоения букв.

По нашим наблюдениям, поведение метонимических обозначений акта говорения системно основано на особенностях реализации признака контролируемости (о контролируемости подробнее см.: [4]), а также таких безусловно семантических понятий, как пресуппозиция/ассерция [3]. При использовании метонимических обозначений процесса говорения предикат фактически репрезентирует два принципиально различных действия — основное действие является пресуппозиционной составляющей, тогда как обстоятельственный элемент выступает ассерцией (тем, что утверждается), например:

«Потом Марфа стала *бормотать* что-то непонятное и к утру скончалась» (А. П. Чехов. Скрипка Ротшильда, 1894). Пресуппозиция — Марфа была в бреду; ассерция — Марфа бормотала перед смертью.

Ср. также: «“А почему не уберут?” — Я старалась *не заикаться*» (Марина Палей. Дань саламандре, 2008). Пресуппозиция — герой старался говорить четко, не повторяя одних и тех же звуков; ассерция — герой заикался.

Действительно, реакцией на действия типа *бормотать* или *заикаться* могут служить высказывания типа *не бормочи, говори громче; не заикайся, говори медленнее, четче*. В подобных случаях само действие говорения (пресуппозиция) не подлежит отрицанию, тогда как отрицается именно обстоятельственный элемент высказывания (ассерция). При этом действия *бормотать, заикаться* в обычных условиях (вернее их ассертивная составляющая) представлены как неконтролируемые на первом этапе: недопустимо сказать **просити что-нибудь, *пробормочи, *прокартавь, *прозаикайся* и т. п. («активи-

ровать» ассертивную составляющую можно в специально заданных условиях типа кино съемки); однако на втором этапе уже возможно появление контролируемости — *не шепчи, не бормочи, не заикайся, не картавь* и т. п.

Таким образом, метонимия в сфере предиката представляется чрезвычайно интересной с точки зрения того, что системно реализует в одной единице, во-первых, единство пресуппозиции и ассерции, во-вторых, признак неконтролируемости. Действие говорения как таковое безусловно контролируемо, поскольку говорящий сознательно прикладывает усилия к его реализации, однако в метонимичных глаголах обстоятельственный элемент представлен как неконтролируемое явление, которое и задает неконтролируемую интерпретацию всего слова. Мы полагаем, что природа контролируемости в сфере предикатов говорения еще нуждается в дальнейшем изучении и уточнении.

При употреблении метонимичных глаголов, образованных от междометий, особенностью акта говорения является отсутствие в значении глагола маркированности по эмоции (в словаре возможные эмоции обычно перечислены через запятую). Подобные уточнения слово получает в контексте, например:

«Помню, в Туле, где театр был на гастролях, досужие тетушки из местного драмтеатра все *ахали*: А у вас все такие красивые?» (Л. Негода. Мастер и его дело // «Восточно-Сибирская правда», 2003). Репрезентантом акта говорения выступает метонимичный глагол *ахать* — восклицать «ах» в порыве какого-либо чувства, а именно удивления и (или) восторга.

Ср. также высказывание: «Мать *ахала* и качала головой, говоря, что “у Вениамина теперь будет грыжа, он заработает себе грыжу”» (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха, 1987), где глагол *ахать* используется в другом значении — причитать (плакать, приговаривая, жалуясь на что-то) в состоянии волнения, горести, болезни и т. п. Такова специфика употребления метонимичных глаголов говорения в составе предиката.

Особенность описания акта говорения метафоричными глаголами заключается в том, что их значение легко декодируется носителями языка, в отличие от метонимичных глаголов, требующих когнитивной операции. Например:

«“Сотрудник музея, историк, образованный человек!” — вдруг *взорвался* он» (Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей, ч. 2, 1964), где репрезентантом акта говорения выступает метафоричный глагол *взорваться* — не сдержав своего возмущения, негодования, выразить его в резкой, категоричной форме (подвергаться разрушению от взрыва => резко, внезапно, быстро выражать свое возмущение).

Ср. также: «“И сюда он добрался!” — *мрачно бросил* один из высокопоставленных кремлевских чиновников» (А. Садчиков. Партийный дестабилизатор. Александр Беспалов привел «Единую Россию» к краху // «Известия», 2003). Репрезентантом акта говорения выступает метафоричный глагол *бросить* — говорить, произносить что-либо кратко, мимоходом, попутно

или резко, отрывисто (отрывисто переместить, послать, направить что-либо куда-нибудь => говорить кратко, резко, отрывисто, мимоходом). При этом наречие *мрачно* дает оценку какого-либо состояния, события, положения как безрадостного, тяжелого.

«— Не могу, — тихо, чуть шевельнувшимися узкими губами прошеле-стел Аникин» (Л. Корнешов. Газета, 2000). Репрезентантом действия гово-рения выступает метафоричный глагол *прошелестеть* — произнести что-то слабым, тихим голосом, напоминающим мягкое шуршание или шорох.

В рамках метафоричных глаголов говорения выделяется отдельный класс зооформных метафор (звукоподражаний типа *скулить*, *щебетать*, *мурлы-кать*, *каркать*, *квакать* и др.), которые также обладают большим прагмати-ческим потенциалом и силой.

«Он начал рыдать, что привело его секретаря в еще большую растерян-ность. — “Станислав Игоревич”, — *заскулил* он. — “Цыц!”» (Т. Тронина. Ру-салка для интимных встреч, 2004), где репрезентантом акта говорения высту-пает метафоричный глагол *заскулить* — плакаться, говорить протяжно, жа-лобно (о животном: жалобно повизгивать, выть => *неодобр.*, ныть, плакаться на что-нибудь, издавать протяжные, жалобные звуки).

Анализ показал, что переносные значения глаголов говорения образуют-ся по определенным моделям. Метонимические переносы осуществляются на основе следующих семантических признаков: а) врожденный или при-обретенный дефект речевого аппарата (*заикаться*, *картавить*, *запинаться* и др.); б) особенность произношения, специфическая манера речи (*мямлить*, *бубнить*, *бормотать*, *лепетать*, *гнусавить*, *гундосить* и др.); в) отсутствие преграды для произнесения звуков (*шамкать*, *шепелявить*); г) сильное прояв-ление эмоций, чувств (*ахать*, *охать*, *ойкать*, *ухать* и др.).

Метафоричские переносы разделяются на две группы — зооморфные (*щебетать*, *скулить*, *каркать* и др.) и антропоморфные, связанные с ка-ким-либо действием (*частить*, *цедить*, *бросать*, *твердить*, *тянуть*, *разно-сить* и др.).

Таким образом, позиции, с которых может быть охарактеризован процесс говорения, его связь с другими сторонами человеческой деятельности, весьма многочисленны и разнообразны. Для адекватного описания этого разнообра-зия необходимо изучать и включать в число глаголов говорения и те из них, которые выполняют эту функцию эпизодически, в определенном контексте, тем самым значительно расширяя границы данного класса предикатов. По-добное расширение вполне оправданно, так как потребности языка при выра-жении понятий, связанных со сферой речевого общения, не могут быть удов-летворены только за счет основных глаголов говорения (*сказать*, *говорить*, *произнести* и т. п.). Такое ограничение привело бы к неполному отражению объема и особенностей языковых средств, используемых для характеристики акта говорения в различных коммуникативных ситуациях.

Библиографический список*Литература*

1. *Ермолаева И.А.* Семантическая классификация глаголов речи в русском языке // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. № 3. С. 362–375.
2. *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности: монография. 3-е изд. М.: Либроком, 2010. 160 с.
3. Проспект активного словаря русского языка: монография / В.Ю. Апресян [и др.]; отв. ред. академик Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. 784 с.
4. *Сулейманова О.А.* Семантика моделей с предикатами «бесперспективного протекания» // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. 2016. № 2. С. 75–87.
5. Сулейманова О.А., Беклемешева Н.Н. Основы языковой категоризации мира: пространство, время, причинность и принцип неслучайной связи // Вестник ИГЛУ. 2009. № 3 (7). С. 87–92.
6. *Трухановская Н.С.* Метонимический сдвиг как когнитивный механизм концептуализации денотативной ситуации // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: материалы международной школы-семинара (VI Березинские чтения). Вып. 17. М.: ИНИОН РАН, АСОУ. 2010. С. 121–125.
7. *Тупицына Е.А.* Глаголы речи в лексикографическом аспекте // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2017. Т. 16. № 2. С. 132–139.
8. *Фрейдина Е.Л., Абрамова Г.С.* Паузация как маркер разговорности в современном британском устном дискурсе // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 3 (27). С. 60–67.
9. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка: монография. 3-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 280 с.

Интернет-ресурсы

10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru/search-old_rus.html (дата обращения: 19.02.2019).

References*Literatura*

1. *Ermolaeva I.A.* Semanticheskaya klassifikaciya glagolov rechi v russkom yazy'ke // Vestnik SPbGU. Yazy'k i literatura. 2017. № 3. S. 362–375.
2. *Kubryakova E.S.* Nominativny'j aspekt rechevoj deyatel'nosti: monografiya. 3-e izd. M.: Librokom, 2010. 160 s.
3. Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazy'ka: monografiya / V. Yu. Apresyan [i dr.]; отв. red. akad. Yu.D. Apresyan. M.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2010. 784 s.
4. *Sulejmanova O.A.* Semantika modelej s predikatami «beperspektivnogo protekaniya» // Vestnik MGOU. Ser.: Lingvistika. 2016. № 2. S. 75–87.
5. *Sulejmanova O.A., Beklemesheva N.N.* Osnovy' yazy'kovoj kategorizacii mira: prostranstvo, vremya, prichinnost i princip nesluchajnoj svyazi // Vestnik IGLU. 2009. № 3 (7). S. 87–92.
6. *Truxanovskaya N.S.* Metonimicheskij sdvig kak kognitivny'j mexanizm konceptualizacii denotativnoj situacii // Yazy'kovoe by'tie cheloveka i e'tnosa: psixolingvisticheskij i kognitivny'j aspekty': materialy' mezhdunarodnoj shkoly'-seminara (VI Berезинские chteniya). Vy'p. 17. M.: INION RAN, ASOU. 2010. S. 121–125.

7. *Tupiczy'na E.A.* Glagoly' rechi v leksikograficheskom aspekte // Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. 2017. T. 16. № 2. S. 132–139.

8. *Frejdina E.L., Abramova G.S.* Pauzacziya kak marker razgovornosti v sovremen-nom britanskom ustnom diskurse // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya Yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2017. № 3 (27). S. 60–67.

9. *Shmelev D.N.* Problemy' semanticheskogo analiza leksiki: na materiale russkogo yazy'ka: monografiya. 3-e izd. M.: LKI, 2008. 280 s.

Internet-resursy'

10. Nacional'ny'j korpus russkogo yazy'ka [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.ruscorpora.ru/search-old_rus.html (data obrashheniya: 19.02.2019).

E.V. Chaplin

Metonymy and Metaphor in the Field of Predicate (on the Example Verbs of Speaking)

The article deals with the lexico-semantic group of verbs of speaking. It attempts at cognitive interpretation of the act of speaking in natural language on the bases of metonymic and metaphorical transfers analysis in the field of predicate. The author identifies several groups of the verbs of speaking and gives a typology of metonymic and metaphorical transfers in the field of predicate.

Keywords: verbal metonymy; verbal metaphor; semantic transfers; control.

УДК 821.161.1

DOI 10.25688/2076-913X.2019.35.3.12

М.А. Аверина

Автобиографическая проза К.В. Назарьевой: между реальностью и мифом

В статье исследуются наиболее крупные автобиографические произведения известной в XIX в., а ныне забытой писательницы К.В. Назарьевой. Эти сочинения, а также сохранившиеся архивные материалы, связанные с ее службой и семейной жизнью, рассматриваются в работе в соотнесенности с ее реальной биографией. Выявляются аспекты сознательной мифологизации Назарьевой жизненного пути своей автобиографической героини.

Ключевые слова: автобиографизм; женская литература; дамский роман; биография; мифологизация.

Конец XIX – начало XX в. в России — время становления и расцвета женской литературы. Помимо «шаблонности описаний и отсутствия психологизма» [5], сентиментальности, назидательности и идеализма, этой прозе в большинстве своем присущ автобиографизм [7, с. 42]. Отчасти так происходит потому, что причиной писательской деятельности для многих женщин того времени становится потребность публично изложить свою личную жизнь, вызвать сочувствие к своей «незаурядной» судьбе. О том, что подобная ситуация была типична для литературы, свидетельствуют слова редактора одной из самых известных беллетристок конца XIX в., чьими романами зачитывалась вся провинциальная Россия, — Капитолины Валерьяновны Назарьевой (1847–1900). Эти слова писательница приводит в своих воспоминаниях: «Ваша первая вещь? Из своей жизни, конечно? Да, видно, что всё это пережитое» [3, с. 110]. Не противоречит вышеприведенному суждению и высказывание критика — современника писательницы: «...никого серьезного призвания не ищите в их произведениях, а ищите какой-нибудь жизненной случайности, которая заставила их заняться литературой» [10, с. 25]. Нужно признать, что к писательскому труду Назарьеву подтолкнула не только потребность зарабатывать деньги «ради необходимости... обеспечивающей существование четверых детей» [3, с. 110], но и потребность «женщины, выступающей на дело публичной проповеди» [8, с. 2].

Действительно, первый ее роман «Специалист», опубликованный в «Вестнике Европы» в 1878 г., как по свидетельству самой писательницы [4, с. 110],

так и по воспоминаниям ее близких друзей и современников [6; 8, с. 2], был написан на материале собственного бракоразводного процесса [1]¹. Этот роман, более близкий к жанру повести, по замыслу Назарьевой, закладывает тему творчества и характеризует ее писательский почерк. В центре любого произведения Назарьевой всегда несчастная, благородная женская судьба (проекция на судьбу писательницы), которая под гнетом обстоятельств, социального неравенства и отсутствия у людей «нравственного» (любимое слово писательницы) чувства, жертвенно и стойко сражается с обстоятельствами. При этом портреты тех, кто причиняет «благородной женщине» боль и страдания, до карикатурности отвратительны. В «Специалисте» это юрист-стряпчий, который берется «устроить» за большие деньги бракоразводное дело. Сама же героиня, как и ее собственные «лики», «маски», «отражения», т. е. второстепенные женские персонажи, оказывается порядочной, кроткой, работающей, наделенной всеми мыслимыми «нравственными» качествами. Подобная характерологическая схема актуальна как для «Специалиста», так и для других сочинений Назарьевой.

В настоящее время более или менее достоверными свидетельствами о подлинной биографии писательницы являются ее личные «Воспоминания» и биографический очерк, который был размещен в «Театральном мирке» [9, с. 1–2]. Однако нельзя при этом не учитывать того факта, что Назарьева сознательно творила миф о собственной жизни, трансформируя некоторые моменты своей реальной биографии. Этому способствовали два обстоятельства: во-первых, приехав в Петербург после бракоразводного процесса, происходившего на Урале, она словно «обнулила» значительную часть своей жизни и начала ее заново, как бы с чистого листа. Во-вторых, она вела достаточно закрытый образ жизни. Сначала — по причине сильнейшей материальной необеспеченности, а затем — в силу весьма специфического отношения общества к женщине-«разводке» [2, с. 39], на что Назарьева неоднократно жаловалась в своих произведениях, называя это «фальшью человеческих отношений» и «условностями общества» [8, с. 2]. Так, из романа «Надорванные силы» мы узнаем, что она какое-то время прятала своих внебрачных детей от досужих глаз, живя с ними в разных местах, оставляя их с нянями и объясняя это потребностью в их оздоровлении. Из того же романа проступают черты ее прошлого в виде упоминаний о «злой» тетке [2], у которой она воспитывалась, освободиться от нее можно было только с помощью замужества. Мотив был один: вырваться из «косной среды», где ей «духовно» было «узко и тесно» [2, с. 39]. Из рассказа «Сокровище» (как и из романа «Надорванные силы») узнаем, что отцами ее детей были люди состоятельные, «с положением», как правило, женатые и в дальнейшем не интересовавшиеся ни ее судьбой, ни судьбой внебрачных детей.

Сознательная мифологизация Назарьевой своей жизни в литературных текстах превращала ее произведения в единый роман о ней самой. Этот авто-

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 155. Дело 466. Ед. хр. 4.

биографический «сюжет» дополняется некоторыми фактами из ее переписки. Тщательно изучив ее, мы пришли к выводу, что объективной картины жизни писательницы, мы, вероятно, не узнаем никогда. Сами же «Воспоминания» следует считать, скорее, еще одним из ее «сочинений» на автобиографическую тему, ибо в них, как и в «Специалисте», не только хронологически смещены события, но и полностью опущены (или сильно трансформированы) подлинные мотивировки поступков писательницы. Причем чем менее «нравственен» поступок или обстоятельство, тем большему умолчанию или мифологизации они подвергаются. Например, даже при наличии архивных материалов «Дела о дворянстве» нет оснований утверждать, что Назарьева по рождению принадлежала к «избранному сословию», поскольку в деле все направлено как раз на подтверждение ее дворянских прав, которые писательнице пришлось доказывать (возможно, при зачислении старшего сына в полк)². Из «Специалиста», как и из «Воспоминаний», невозможно установить подлинных причин ее развода, сообщается лишь, что ее семейная жизнь была «ужасна» (хотя биография ее мужа В.Н. Назарьева свидетельствует о том, что он был видным публицистом и общественным деятелем). Остается только гадать, был ли «Специалист» Назарьевой «оправдательным документом» ее реальной измены мужу или «ужасный» «специалист-стряпчий» заставил ее развестись под предлогом мнимого адюльтера (этот факт многократно подчеркивается писательницей). Возможно, измена — беллетристический сюжетный ход, не имеющий никакого отношения к действительности. Однако все, что касается детей Назарьевой (все были внебрачными), а также сведений о ее «сильной болезни», из-за которой та порой теряла работу (так было с рождением первого ребенка), говорит о ее свободных взглядах и характеризует как активную сторонницу эмансипации. Назарьева «творила» собственную жизнь, как будто сочиняла роман, и наоборот.

С уверенностью можно утверждать, что, о чем бы Назарьева ни писала в дальнейшем, а темы ее романов — это «вопросы нравственности, вопросы о браке и семье, об условной морали, о формализме человеческих отношений, о лицемерии века, об отцах и детях...» [8, с. 2], она всегда сочиняла одну и ту же идеализированную книгу собственной жизни. Данное утверждение укрепляет критик-современник Назарьевой, который, делая обзор творчества женщин-писательниц, указал на то, что «чаще всего *сама жизнь* (здесь и далее курсив наш. — М. А.) наталкивает их на литературный труд; она чувствует потребность высказать, излить свое горе или радость в объективной сфере беллетристического произведения, и изливает его чаще всего с значительной долей лиризма» [10, с. 24].

Складывается впечатление, что литературное творчество использовалось автором для своеобразной компенсации неудовлетворенности жизнью, которая реализуется тремя способами: в откровенной жалобе на существующую

² РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Дело 1358. Ед. хр. 2.

реальность (с подсознательным желанием вызвать сочувствие читателя), путем «гневно-го обличения <...> социальных язв» общества либо с помощью *мифологизации*, или приукрашивания реальных событий, в том числе своих поступков. Героини Назарьевой, как правило, настаивают на праве «свободной любви», очищенной от каких-либо «условностей жизни»: «Все умственные, духовные их интересы сосредотачиваются на одной лишь любви, рассматриваемой только лишь с точки чисто личного чувства» [10, с. 32]. Но как ни старается автор облагородить такие отношения, «любовь» предстает в литературном тексте лишь «как слепое бессознательное стремление двух полов друг к другу» [10, с. 32]. За рамками внимания сочинителя остается главное: «те результаты, которые она <любовь> вносит в жизнь общества, обнаруживаясь в тех или иных формах» [10, с. 24]. По сути, Назарьева на протяжении всей своей «романной» литературной жизни занималась своеобразным «самообманом». Поэтому она снимала с себя ответственность за «свободные», очищенные от «семейных условностей и фальши» отношения, переводя себя или свою героиню в категорию «нравственной жертвы», а мужчину — в «бездуховного соблазителя» [2, с. 73]. Это привлекало к ее сочинениям простых читателей и особенно читательниц.

Критики видели в подобной мифологизации, которая отличала художественную манеру Назарьевой и многих ее коллег по цеху, свидетельство дурновкусия и отсутствие серьезного образования. В.В. Чуйко отмечал: «Она не была ни на педагогических курсах, ни на бестужевских, не получила высшего образования ни в России, ни за границей»³ [10, с. 27]; «читая внимательно произведения современных женщин-писательниц, прежде всего... поражаясь тому, как ничтожен, мизерно узок крошечный кругозор, которым они обладают» [10, с. 32]. Критик задавался справедливым вопросом: «Неужели современная русская жизнь так безнадежно бессодержательна, скучна, что не может дать хотя бы скудного содержания роману?» [10, с. 33]. Разделял эту точку зрения и А.П. Чехов, который утверждал, что «буржуазия очень любит так называемые “положительные” типы и романы с благополучными концами, так как они успокаивают ее на мысли, что можно капитал наживать, невинность соблюдать, быть зверем и в то же время — счастливым» [4, с. 54]. Если в этом высказывании понимать под «буржуазией» не только своеобразный тип обывательского мышления, который активно навязывался читателю во второй половине XIX в. посредством распространения массовой литературы, но и самого автора такого произведения, то становится очевидным подлинный смысл высказывания великого писателя. Иначе говоря, нарождающийся в этот период русской истории обыватель, к которому можно отнести и самого сочинителя, нуждался в некоем оправдании и понимании. Получая из подобной литературной продукции «искусственные», мифологи-

³ Вероятно, это было личное суждение критика, предполагавшего, что у Назарьевой не было образования.

зированной мотивы своих поступков, он утверждался в праве на подобную жизнь. По отношению к обывателю массовая литература исполняла роль своеобразного эстетического хлеба, потребляя который, он достигал личностной устойчивости бытия.

Библиографический список

Источники

1. РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Дело 1358. Ед. хр. 2; Ф. 796. Оп. 155. Дело 466. Ед. хр. 4.
2. Назарьева К.В. Надорванные силы: роман // Наблюдатель. 1893. № 8. С. 3–77.
3. Назарьева К.В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 109–115.
4. Чехов А.П. Письмо Суворину А.С., 13 апреля 1895 г. Мелихово // Чехов А.П. Полн. собр. писем: в 12 т. М.: Наука, 1978. Т. 6. С. 54.

Литература

5. Амфитеатров А.В. Литературный альбом // Россия. 1900. 16 декабря.
6. Быков П.В. Некролог // Биржевые ведомости. 1900. XII. № 342. С. 2.
7. Дубнякова О.А., Кашина Т.А. Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1. С. 42–49.
8. Измайлов А.А. Некролог // Биржевые ведомости. 1900. XII. № 342. С. 2.
9. К.В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 1–2.
10. Чуйко В.В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 24–44.

References

Istochniki

1. RGIA. F. 1343. Op. 25. Delo 1358. Ed. xr. 2; F. 796. Op. 155. Delo 466. Ed. xr. 4.
2. Nazar'eva K.V. Nadorvanny'e sily': roman // Nablyudatel'. 1893. № 8. S. 3–77.
3. Nazar'eva K.V. Pervy'e shagi. Iz vospominanij pisatel'niczy'. (1872–1892 gg.) // Vestnik vsemirnoj istorii. 1900. № 9. S. 109–115.
4. Chexov A.P. Pis'mo Suvorinu A.S., 13 aprelya 1895 g. Melixovo // A.P. Chexov Poln. sobr. pisem: v 12 t. M.: Nauka, 1978. T. 6. S. 54.

Literatura

5. Amfiteatrov A.V. Literaturny'j al'bom // Rossiya. 1900. 16 dekabrya.
6. By'kov P.V. Nekrolog // Birzhevy'e vedomosti. 1900. XII. № 342. S. 2.
7. Dubnyakova O.A., Kashina T.A. Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti lichnogo dnevnika // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoye obrazovanie. 2017. № 1. S. 42–49.
8. Izmajlov A.A. Nekrolog // Birzhevy'e vedomosti. 1900. XII. № 342. S. 2.
9. K.V. Nazar'eva (k portretu) // Teatral'ny'j mirok. 1892. № 13. S. 1–2.
10. Chujko V.V. Sovremenny'e zhenshhiny'-pisatel'niczy' (G-zha O. Shapir, M. Krestovskaya, K. Nazar'eva) // Nablyudatel'. 1889. № 4. S. 24–44.

M.A. Averina

K.V. Nazaryeva's Autobiographical Prose: Between Reality and Myth

The article examines K.V. Nazaryeva's key autobiographical works. The writer used to be popular in the XIX century. Nazaryeva's autobiographical works, as well as preserved archival materials related to her service and family life, are studied in relation to the real events of the writer's life. The study features Nazaryeva conscious in mythologising the life journey of her autobiographical heroine.

Keywords: autobiography; women's literature; lady novel; biography; mythologization.

УДК 821.161.1“18”

DOI 10.25688/2076-913X.2019.35.3.13

К.В. Ризаева

Антигерой в произведениях Ф.М. Достоевского и М.Н. Альбова

В статье рассматривается освоение образа антигероя, изображенного Ф.М. Достоевским, в ряде рассказов и очерков его последователя М.Н. Альбова. Делается вывод о том, что характер антигероя у Альбова не только намеренное подражание великому писателю, но и своеобразное его переосмысление.

Ключевые слова: антигерой; подражание; литературное влияние; художественный мир.

Изучение литературного контекста, во-первых, выявляет специфику поэтики выдающихся произведений и, во-вторых, определяет особенности ее освоения художниками так называемого второго ряда. О значении произведений малоизвестных писателей высказывался еще В.Г. Белинский: «Бедна литература, не блистающая именами гениальными; но не богата и литература, в которой все — или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы, и чем больше их, тем лучше для литературы» [5, с. 379]. Таким «обыкновенным талантом» в последней трети XIX в. обладал Михаил Нилович Альбов (1851–1911). Он рано начал печататься в газетах. Его малая проза была опубликована в книге «Повести и рассказы» (СПб., 1888), в 1906–1908 гг. издано полное собрание сочинений в восьми томах. В конце XX в. часть его произведений переиздавалась.

Хотя о сочинениях некогда известного беллетриста одобрительно отзывались Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, В.Г. Короленко, а имя упоминалось в статьях Н.К. Михайловского, А.М. Скабичевского и других авторитетных критиков, за писателем закрепились определения «последователь», «приверженец», «эпигон». Эти оценки основывались на общем впечатлении о его творчестве, а аргументация носила преимущественно эмоциональный характер. Научного обоснования, предполагающего детальный анализ, возможные связи и закономерности взаимодействия классики и беллетристики в конце XIX в., его произведения пока не получили. Приблизить к этой цели могло бы решение такой задачи, как определение особенностей восприятия Альбовым образа антигероя, воплотившегося в ряде его рассказов и очерков.

Влияние Ф.М. Достоевского на произведения Альбова проявляется в самых разных аспектах. Возникает вопрос о качестве и силе этого влияния. Еще гимназистом Альбов опубликовал в газете «Петербургский листок» «Записки подвального жильца» (24 февраля 1866 г.) и «Петербургские мизерабли» (1 и 4 сентября 1866 г.). Заголовки отсылают читателя к романам Достоевского «Униженные и оскорбленные» (1861) и «Записки из подполья» (1864). Заглавие произведения — зона авторского присутствия, что позволяет сделать предположение об отсылке к синонимичным заголовкам Достоевского и мрачной атмосфере названных произведений. Особенности восприятия Альбовым произведений Достоевского имели, видимо, субъективную, психологическую мотивировку. В последние годы жизни, вспоминая свою молодость, Альбов признавал: «Я с детства был склонен к меланхолии и страдал приступами безотчетной тоски» [6, с. 178]. Возможно, эта предрасположенность обусловила то сильное впечатление, которое произвел на него мрачный художественный мир произведений Ф.М. Достоевского. Как бы то ни было, юношеское *подражание*, выражающееся в заимствовании (хотя и не точном) заголовков, в передаче мрачной атмосферы изображаемой жизни явно прослеживается в первых напечатанных произведениях Альбова.

Более сложный тип влияния творчества Достоевского обнаруживается в осмыслении характера главного героя. В последней трети XIX в. в ряде произведений русской литературы в центре внимания авторов оказываются личности крайне негативного плана. В романе «Записки из подполья» Ф.М. Достоевский назвал главное действующее лицо антигероем: «...в романе надо героя, а тут *нарочно* собраны все черты для антигероя...» [4, т. 4, с. 549]. Антигерой — художественное открытие Достоевского. Этот характер глубоко конфликтен: с одной стороны, самоосуждение доходит у него до самоотрицания, с другой — он противопоставляет себя всему свету, выказывая свое превосходство. Его антиномичность емко определил философ Н.О. Лосский: «Мелкая дрянность антигероя “Записок из подполья”, гнусная расчетливость уверенно идущих к своей хищнической цели людей, вроде Юлиана Мастаковича (“Елка и свадьба”) или Лужина (“Преступление и наказание”), одержимость сладострастием Федора Павловича Карамазова, Свидригайлова... сочетается в подпольном человеке с попытками метафизического бунта — гордым вызовом миропорядку, Богу, природе, обществу» [9, с. 23].

Подпольный человек — антигерой пишет о себе: «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень. Впрочем, я ни шиша не смыслю в моей болезни и не знаю наверно, что у меня болит. Я не лечусь и никогда не лечился, хотя медицину и докторов уважаю. К тому же я еще и суеверен до крайности; ну, хоть настолько, чтоб уважать медицину. (Я достаточно образован, чтоб не быть суеверным, но я суеверен). Нет-с, я не хочу лечиться со злости» [4, т. 4, с. 549]. К изображению этого типа писатель неоднократно возвращался. Характер антигероя, т. е. пер-

сонажа, совершающего неприглядные поступки, наделенного негативными внешними и душевными качествами, заимствуется Альбовым. Самосознание антигероя, психологические мотивы его действий становятся центром *нравственно-философской проблематики ряда его произведений*.

Во всех антигероях Альбова есть узнаваемые черты персонажей произведений великого мастера. Кроме того, он сам указывал на это. Так, психиатрический этюд «День итога» (1879) М.Н. Альбов посвящает «*Великой тени Достоевского*» [1, с. 2]. Многозначным представляется такой эпитафия, в котором подчеркнуто обращение уже не к личности классика, а к тому образу, который сложился в представлениях читающей публики, — к его «великой тени». Как иносказание, допускающее различные толкования, воспринимаются оба слова: «великой», «тени», указывающие на степень постижения философии писателя.

В изображении героя Альбов повторяет (осознанно или непреднамеренно) некоторые художественные приемы Достоевского. В рассказе «День итога» главный герой напоминает читателям Родиона Раскольникова из романа «Преступление и наказание» (1866). Одиноким бедным студентом, «чуждой» и «несуразным» Петя Глазков, как и Раскольников, живет в Петербурге. Его съемная «мрачная, проклятая, опостылевшая комната» «с темными углами» [1, т. 1, с. 4] напоминает описание «каморки», «крошечной клетушки» Раскольникова.

О близости этих персонажей свидетельствуют некоторые особенности их поведения. Так, Раскольников периодически впадает «в глубокую задумчивость», «в какое-то забытье», бормочет «про себя от своей привычки к монологам» [4, т. 5 с. 6]. Глазков «бледный и мрачный» «сидит» «как статуя, блуждая помертвелыми зрачками» [1, т. 1, с. 24]. О болезненности и истеричности студента свидетельствуют «растерянный взгляд», «бледные губы», его сознание раздваивается. Глазкова одолевает «мучитель», который «появляется всегда неожиданно <...> Эта тайна составляет центр его жизни» [1, т. 1, с. 4]. Главная причина его мучений — болезненное самолюбие или, как выражается его мучитель, «самолюбьишко, самолюбьишко, вот твое несчастье!» [1, т. 1, с. 6]. Меткая психологическая характеристика: тщеславие — и тут же осуждение своих претензий, выраженное в слове с уничижительным суффиксом, прозвучавшем дважды. Чтобы утвердиться, необходимо рискнуть, как и Раскольникову, которого тоже какая-то неведомая и непреодолимая сила тянула на преступление. Однако в рассказе Альбова риск состоит не в убийстве другого человека, а в «блаженстве поклониться себе» [1, т. 1, с. 139], т. е. самоубийстве. Но антигерой Альбова значительно переосмыслен. Это персонаж, не способный противостоять среде, поэтому стремящийся уйти от реальности в выдуманные миры своих фантазий, где восприятие реальности искажено и граничит с психопатией и не существует моральных границ.

Не однажды в произведениях Альбова события происходят в мрачном мире, напоминающем романы Достоевского. Так, в «Преступлении и наказании» читаем: «лестница была темная и узкая, черная» [4, т. 5, с. 8], в сходном

месте происходит и действие в рассказе Альбова: «темно было как в трубе, на этой лестнице, одной из самых отвратительнейших... нащупал рукою перила...», а ступени — «крутые и скользкие» [3, с. 298]. Такие параллели позволяют прочесть высказывание А.П. Чехова об Альбове не только в обобщенном смысле, но и в буквальном: «Альбов и Баранцевич наблюдают жизнь в потемках и сырости водосточных труб» (А.С. Суворину, 3 апр. 1888) [5, т. 2, с. 230].

С первых строк в рассказе «Осенним вечером» (1876) прослеживается зарождение отвратительной идеи, которая становится основой сюжета: молодой человек начинает преследовать случайную попутчицу, хорошенькую молодую незнакомку, с «бледно-матовым лицом», «ярко-пунцовыми губами» и «смелым взмахом длинных ресниц над серыми, спокойными глазами» [3, с. 296]. Идя за ней по пятам, преследователь нанимает комнату по соседству с той, что занимает девушка. Для него это начало истории, о которой он рассказывает своему приятелю: «...роман в лицах и действии, с эффектной, совершенно оригинальной завязкой, массой перипетий, в самом современном, реальнейшем духе... и, наконец, с развязкой, как принято, в духе “среднего читателя”, сиречь, соединением сердец... словом, все, как подобает роману» [3, с. 318]. «Ну а затем? Что в результате? Вообще, в чем цель всего этого?» [3, с. 319] — спрашивает его приятель. В ответе обнажается весь цинизм намерений Чемерицына: желание совершить низкий поступок — совратить девушку в угоду своему тщеславию. Его приятель с омерзением отнесся к рассказу: «Эдакое животное подлое!» [3, с. 336], эти слова можно рассматривать как реминисценцию из «Преступления и наказания». Услышав историю Сони, Раскольников восклицает: «Ко всему-то подлец-человек привыкает!» [4, т. 5, с. 28]. Однако очевидно, что мысль героя Достоевского глубже и противоречивей, носит характер обобщения: «Ну а коли я соврал, — воскликнул он вдруг невольно, — коли действительно не *подлец* человек, весь вообще, весь род то есть человеческий, то значит, что остальное всё — предрассудки, одни только страхи напущенные, и нет никаких преград, и так тому и следует быть!...» [4, т. 5 с. 28]. Грубоватая и однозначная оценка поступка в рассказе у Альбова конкретна и не содержит идеологических выводов. Однако мрачная и тяжелая атмосфера рассказа, низость антигероя, текстуальное совпадение напоминают читателям о художественном мире, в котором разворачиваются события произведений Достоевского, вызывают ассоциации с идеями его персонажей.

Произведения Достоевского являются своеобразным материалом для размышлений и сочинений Альбова — здесь встречаются и текстовые цитаты, и переложения, сюжетные ходы, персонажные пары (отношения «хозяйка — жилец»), действие развивается в том же хронотопе (петербургские мосты, дворы, переулки, знакомый по Достоевскому интерьер — тесная комната, диван, стол), передается ощущение неизбывной нищеты.

Займствуя детали, Альбов доводит только намеченные у Достоевского и потому не теряющие художественной условности черты до полной определенности.

В результате картина делается однотонной, мысль одноплановой. Отчасти это объясняется переносом романной по емкости мысли в тесное пространство рассказа или очерка. Достоевский рассматривал идею с разных сторон, по словам Мережковского, в своих «опытах иногда получает он состояния души человеческой столь же новые, кажущиеся невозможными, “неестественными”, сверхъестественными, как жидкость воздуха» [10, с. 150]. Альбов констатировал и оценивал, т. е. преподносил готовый результат своему читателю, представлял «состояния души» неоригинальные, что в значительной степени снижало уровень художественности и, соответственно, ослабляло силу эмоционального воздействия на читателей.

Исследуя идею, Достоевский не мог, как пишет П.В. Палиевский, «поработиться» ею «при невероятной способности развернуть ее в полной наглядности и убедительной силе. Это делали его неудачные поклонники, готовые по разным причинам отождествлять себя с такой мыслью, получив додуманную за них до конца Достоевским формулировку, как правило, поражающую своей точностью. Между тем для Достоевского любая мысль или идея — лишь средство постижения громадного целого, “нравственного закона”, смысла истории. Идеи — пути к этому целому, они новые обстоятельства жизни, среда обитания» [11, с. 149]. Альбов, напротив, оставался в конкретных границах изображенного явления, ситуации, события.

Перечитанные произведения Альбова свидетельствуют об активном и самостоятельном усвоении им особенностей мира классических произведений, принципов и приемов изображения, открытых великими предшественниками. Это дает основание говорить о сильной подверженности творчества Альбова литературным влияниям. Особый интерес представляет вопрос о специфике и характере этого влияния, решение которого позволит дать более объективную трактовку процесса литературных взаимодействий в начале XX в. Эта особенность (подверженность литературным влияниям) была видна таким противительным современникам писателя, как В.Г. Короленко, который отметил мимоходом, что Альбов «подражатель сильный и талантливый» [8, с. 311].

В том, что сильное литературное влияние является знаком невысокой художественной ценности, отдавал отчет сам писатель. Повествователь, от лица которого ведется речь в одном из рассказов Альбова («На точке», 1885), передает мысли героя — филолога, перечитывающего свои ранние художественные произведения, которые ему не удалось опубликовать: «И, одно за другим, перед ним возникали открытия. Все, что когда-либо им было прочитано у известных писателей и произвело впечатление, оказывалось воспроизведенным на этих страницах, в другой только форме... Вот, почти целиком, глава из “Гражины” Мицкевича, вот тут похоже на “Демона” Лермонтова, дальше не обошлось даже без Кукольника... В повести “Недолгое счастье” Гоголь и Диккенс выглядели из каждой строки...» [2, т. 3, с. 72]. В этом высказывании звучит мысль о непреднамеренных реминисценциях, т. е. о том явлении, которое

определяют как ученическое подражание. Максимальная близость точек зрения повествователя и героя позволяет рассматривать данное критическое суждение как отражение позиции автора рассказа. Убедительность этого вывода подкрепляется тем, что сходство «литературных деталей, не подтвержденное документально (творческой историей произведения), привлекая внимание читателей и исследователей, может служить указанием на реальное явление» [12, с. 13]. Реальным явлением предстает в данном случае литературный источник.

Библиографический список

Источники

1. Альбов М.Н. День итога // Соч.: в 8 т. СПб.: Маркс, 1906–1908. Т. 1. С. 3–139, 323 с.
2. Альбов М.Н. На точке // Соч.: в 8 т. СПб.: Маркс, 1906–1908. Т. 3. 321 с.
3. Альбов М.Н. Осенним вечером // Повести и рассказы. 2-е доп. изд. СПб.: Тип. и лит. В.А. Тиханова, 1887. С. 294–336.
4. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4. С. 6–28.
5. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1983.

Литература

6. Альбов М.Н. Автобиография, продиктованная в июле 1909 года по просьбе Ф.Ф. Фидлера // Первые литературные шаги. 1911. С. 176–181.
7. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 8. 728 с.
8. Короленко В.Г. О литературе. М.: Гослитиздат, 1957. 715 с.
9. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. [Электронный ресурс]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/losskij-hristianskoe-miroponimanie/glava-ii-teodiceya-dostoevskogo.htm> (дата обращения: 22.01.2019).
10. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. 589 с.
11. Палиевский П.В. Развитие русской литературы XIX–XX веков. Панорама. СПб.: Росток, 2016. 287 с.
12. Романова Г.И. Методологические проблемы изучения прототипа (дискуссия о Бакунине в 1920-е гг. // Вестник МГПУ. Сер.: Филология и языкознание. 2014. № 2. С. 8–15.

References

Istochniki

1. Al'bov M.N. Den' itoga // Soch.: v 8 t. SPb.: Marks, 1906–1908. T. 1. S. 3–139, 323 s.
2. Al'bov M.N. Na tochke // Soch.: v 8 t. SPb.: Marks, 1906–1908. T. 3. 321 s.
3. Al'bov M.N. Osennim vecherom // Povesti i rasskazy'. 2-e dop. izd. SPb.: Tip. i lit. V.A. Tixanova, 1887. S. 294–336.
4. Dostoevskij F.M. Sobr. soch.: v 15 t. L.: Nauka, 1989. T. 4. S. 6–28.
5. Chexov A.P. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. M.: Nauka, 1974–1983.

Literatura

6. *Al'bov M.N.* Avtobiografiya, prodiktovannaya v iyule 1909 goda po pros'be F.F. Fidera // *Pervy'e literaturny'e shagi*, 1911. S. 176–181.
7. *Belinskij V.G.* Poln. sobr. soch.: v 13 t. M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. T. 8. 728 s.
8. *Korolenko V.G.* O literature. M.: Goslitizdat, 1957. 715 s.
9. *Losskij N.O.* Dostoevskij i ego xristianskoe miroponimanie. N'yu-Jork: Izd-vo im. Chexova, 1953. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/losskij-hristianskoe-miroponimanie/glava-ii-teodiceya-dostoevskogo.htm> (data obrashheniya: 22.01.2019).
10. *Merezhkovskij D.S.* L. Tolstoj i Dostoevskij. M.: Nauka, 2000. 589 s.
11. *Palievskij P.V.* Razvitie russkoj literatury' XIX–XX vekov. Panorama. SPb.: Rostok, 2016. 287 s.
12. *Romanova G.I.* Metodologicheskie problemy' izucheniya prototipa (diskussiya o Bakunine v 1920-e gg. // *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya i yazy'koznanie*. 2014. № 2. S. 8–15.

K.V. Rizaeva

Antihero in F.M. Dostoevsky's and M.N. Albov's Works

The article regards the image of antihero displayed by F.M. Dostoevsky («The Sketches from the Underground» and the novel «Crime and Punishment») and his follower M.N. Albov. The study reveals that the image of antihero appearing in Albov's works is not only a deliberate imitation of the one introduced by the great novelist but majorly rethinking of its unique features.

Keywords: antihero image; imitation; literary influence; artistic world.

УДК 821.161.1

DOI 10.25688/2076-913X.2019.35.3.14

Д.А. Мухачев

Зрение, память, возвращение: концепты художественного мира В. Набокова

В статье анализируется связь концептов визуальности, памяти и возвращения в творчестве Набокова. Вычленяется их неразрывная связь, а также описывается их роль в набоковском художественном космосе.

Ключевые слова: Петербург; визуальность; сакральное; вечное возвращение.

Зрение — одна из важнейших категорий набоковского художественного универсума. В основе писательской поэтики лежит принцип визуального восприятия действительности, а важнейшей характеристикой героя являются его отношения с миром зримого: вспомним перемотанные лентой очки Чернышевского и слепоту персонажа романа «Камера обскура» Кречмара, которая настигает его как наказание за неумение «увидеть» человека, ради которого он предал свою семью. По мнению М.А. Стрельниковой, «смысловая оппозиция “зрение/слепота” подводит нас к теме истинного зрения, отличающего подлинного творца от обывателя, чье эстетическое преступление — духовная слепота» [6, с. 23]. Когда Герман Карлович, один из самых страшных набоковских героев, говорит, что высшая радость писателя — превратить читателя в зрителя, он высказывает кредо самого автора романа. Набоков не первый, кто поставил визуальность в центр своей эстетики и поэтики, но первый, кто наполнил ее мировоззренческим, философским содержанием. Она часто связана в его творчестве с мотивами памяти и возвращения в то пространство, которое в ней запечатлено. Самые яркие впечатления связаны с детством и местом, где он его проводил, — Петербургом. Зрение в набоковской реальности служит необходимым этапом в процессе внутренней реконструкции утерянного рая и «возвращения» в него.

Специфическая «зрительность» появляется у Набокова уже в самый ранний период творчества, в стихотворениях о Петербурге, которые он даже не включил в свои сборники. Большие по объему стихи посвящены зрению едва ли не в той же степени, что и Петербургу, — это зафиксированная визуальная информация. Вот фрагмент из стихотворения «Петербург» («Так вот он, прежний чародей...»):

Торчит из будки, на углу,
зеленовато-водянистый
юмористический журнал.
Три воробья неутомимо
клюют навоз. Проходят мимо
посыльный с бляхой, генерал,
в носочках лунных франт дебелый,
худая барышня в очках... [2, т. 1, с. 576].

С.М. Даниэль в статье «Петербургская тема в романе Набокова “Дар”» делает точное наблюдение: «Поэтика Набокова во многом оптика, т. е. поэтика отражений, преломлений, рефлексов и т. п. Зрение набоковского героя — это памятьное зрение. Таким образом, речь идет не только о Петербурге как о предмете воспоминания и изображения, но о специфическом петербургском способе зрения, проливающим свет на литературную родословную героя» [4, с. 198–199]. Приведенный фрагмент не единственный «визуальный» текст Набокова о Петербурге. В те же годы он пишет аналогичное по структуре стихотворение с названием «Петербург» («Мне чудится в рождественское утро...») и с таким же количеством визуальных образов. Петербург под пером молодого, но уже начинающего осознавать свое миропонимание Набокова становится визуальной картиной, гигантским полотном с множеством деталей. И «вернуться» в него — значит воскресить эту картину в своей памяти.

Поэтика, выстроенная на фиксировании визуальных образов, в поэтическом пространстве эмиграции была свойственна не одному Набокову. К.И. Чуковский, увидев в послеэмиграционном творчестве Саши Черного ту же тенденцию, посчитал ее признаком деградации его дарования. Но лишь у Набокова после большого количества трансформаций эта особенность стала основой зрелого стиля.

Как отмечалось, в ранних стихах Набокова уже присутствует эксплицитная связь живописи и памяти. Своему учителю рисования художнику М. Добужинскому Набоков посвятил стихотворение «*Ut pictura poesis*», в переводе с латыни — «Поэзия в живописи». Добужинский вошел в историю как урбанист, но определить, какая именно работа Добужинского имеется в виду Набоковым, не представляется возможным. Экфрасис в данном стихотворении неразрывно связан с памятью:

Воспоминанье, острый луч,
преобрази мое изгнанье,
пронзи меня, воспоминанье... [2, т. 2, с. 557].

Герой смотрит на картину Добужинского и одновременно мыслит Петербург как огромное произведение визуального искусства. Петербургские сумерки представляются ему шорохом тушующих карандашей, естественное природное явление (и важная часть петербургского визуального образа) — работой художника, под которым, в таком ракурсе, подразумевается Творец. Очевидно, прототекстом для «*Ut pictura poesis*» послужило стихотворение

Н. Гумилева «Андрей Рублев». Это тоже текст-экфрасис, выдержанный в подобной интонации и написанный четырехстопным ямбом. Он посвящен иконе Андрея Рублева. Обратим внимание, как заканчивается текст Гумилева:

Все это кистью достохвальной
Андрей Рублев мне начертал,
И этой жизни труд печальный
Благословеньем Божьим стал [1, URL].

Нельзя не обратить внимания на прямую переключку второй строфы стихотворения Набокова с процитированным нами фрагментом гумилевского текста, его финалом: «Все это живописец плавный передо мною развернул». Гумилевский текст описывает икону, уподобляя ее раю. Именно в это пространство Набоков помещает Петербург, свои о нем воспоминания и память. Отметим также еще одну важную смысловую параллель: в обоих стихотворениях упоминаются колокола и соборы как своеобразные классификаторы сакрального пространства.

В прозе темы визуальности, памяти и возвращения разведены более тонко, отношения между ними более сложные. В романе «Подвиг» нет прямого указания на то, что Мартын возвращается именно в Петербург, известно только то, что он уходит в Советскую Россию. Однако же Петербург подразумевается в связанном с этим романом стихотворении «Ульдаборг» (его лирический сюжет развивает мотив возвращения в опустошенную революцией столицу и последующую возможную казнь героя). На это указывают созвучные окончания и одинаковое количество букв в названиях. Ульдаборг — это столица Зоорландии (стихотворение обозначено Набоковым как «перевод с зоорландского»), страны, придуманной в «Подвиге» Мартыном и Соней (на самом деле, конечно, это гротескная послереволюционная Россия). Визуальная тема заявлена в «Подвиге» уже в самом начале — и навсегда предопределяет жизнь героя, которая завершится возвращением в Советскую Россию: «Над маленькой, узкой кроватью, с белыми веревчатыми решетками по бокам и с *иконкой* в головах (в грубоватой прорези фольги — лаково-коричневый святой, а малиновый плюш на исподе подъеден не то молью, не то самим Мартыном), висела на светлой стене акварельная картина: густой лес и уходящая вглубь витая тропинка. <...> Вспоминая в юности то время, он спрашивал себя, не случилось ли и впрямь так, что с изголовья кровати он однажды прыгнул в картину, и не было ли это началом того счастливого и мучительного путешествия, которым обернулась вся его жизнь» [3, т. 2, с. 202].

В этом фрагменте мотив визуального восприятия сопряжен с мотивом памяти. Здесь же появляется и атрибутика сакрального пространства: Мартын *молится*, причем на языках тех стран, между которыми будет в дальнейшем поделена его жизнь. Ближе к окончанию романа это впечатление воплотится в реальности: «Упруго идя по тропе в черной еловой чаще, где, там и сям, сияла желтизной тонкая береза, он с восторгом предвкушал вот такую же прохвачен-

ную солнцем осеннюю глушь, с паутинами, растянутыми на лучах, с зарослями царского чая в сырых ложбинках, — и вдруг *просвет*, и дальше — простор, пустые осенние поля и на пригорке *плотную белую церковку*, пасущую несколько бревенчатых изб, готовых вот-вот разбрестись, и вокруг пригорка ясную излучину реки с кудрявыми отражениями» [3, т. 2, с. 270].

Своего апофеоза сплетение мотива визуальности с мотивом памяти и возвращения в Петербург достигает в рассказе «Посещение музея» из сборника «Весна в Фиальте». Главный герой неожиданно для себя уступает просьбе странного знакомого разыскать портрет своего деда, умершего в петербургском доме. В рассказе появляются классификаторы сакрального пространства: бродя «в поисках писчебумажной лавки по мертвым монтизерским улицам» [2, т. 4, с. 352], герой клянет *шпиль* одного и того же длинношеего *собо́ра*. Перед музеем стоят скамьи на львиных лапах, очевидно намекающие на знаменитых львов Петербурга, идет сильный дождь — типичная петербургская погода. Сам по себе музей уже предполагает рассматривание чего бы то ни было, работу глаза. Визуальные артефакты появляются в виде статуй у входа в него, как бы отделяя профанное пространство города от священной территории культуры. Среди экспонатов встречается «фотография удивленного господина с эспаньолкой», «китайская ваза, привезенная вероятно морским офицером». Портрет находится «между двумя гнусными пейзажами (с коровами и настроением)». Описывается и портрет, искомый героем рассказа: «Весьма дурно написанный маслом мужчина в сюртуке, с бакенбардами, в крупном пенсне на шнурке, смахивал на Оффенбаха, но, несмотря на подлую условность работы, можно было, пожалуй, разглядеть в его чертах как бы горизонт сходства с моим приятелем. В уголке по черному фону была кармином выведена подпись “Леруа”, — такая же бездарная, как само произведение» [2, т. 4 с. 353].

Набоковским фантазмагориям (атмосфера рассказа напоминает «Приглашение на казнь»), хотя он написан двумя годами позже), как правило, присуща «сниженность» — в них педалируется убогое, нелепое, жалкое. Широко известна оперетта Оффенбаха «Орфей в аду»: сюжет об Орфее соотносится с историей главного героя романа, также попавшего в ад (Советскую Россию), только Орфей искал любимую, а набоковские герои ищут прошлое. Глядя на экспонируемые инструменты, лопату, цапку и кирку, герой рассеянно думает «...копать прошлое». Античное царство мертвых находилось под землей. Для того чтобы завладеть картиной, нужной главному герою, необходимо переговорить с опекуном музея, в комнате которого, помимо прочего, стоит «странно знакомая китайская ваза на камине» (аналогичная той, что находится в музее) и «несколько фотографий военного корабля».

В зале, в которую герои попадают дальше, следует обратить внимание на «нежных идолов религиозной живописи» [2, т. 4, с. 357] — сакральный мотив у Набокова частый спутник темы возвращения и Петербурга.

Попад после всех злоключений в современный Ленинград, такую же дурную пародию на подлинный Петербург, как и весь музей — на настоящие музеи, герой определяет свое местонахождение по вывеске — визуальному объекту.

В Швейцарии в 1967 г. Набоков создает стихотворение «С серого севера». Оно представляет собой описание фотоснимков петербургских усадеб, в которых будущий писатель проводил лето. Топосы, упоминаемые в тексте, хорошо знакомы читателю Набокова: Луга, Батово, Рождествено. Здесь смысл большинства набоковских экфразисов — возвращение в детство и Петербург — высказан прямо:

Знакомое дерево
вырастает из дымки <...>
Отовсюду почти
мне к себе до сих пор еще
удалось бы пройти [2, т. 5, с. 435].

В этом тексте все сведено воедино: фотография (визуальность), Петербург (петербургские пригороды), обретение подлинного себя. Понятийная цепь выстроена предельно точно, именно упоминание о «возвращении к себе» придает смысл всему остальному.

Петербург в реальности Набокова — онтологически важное, определяющее визуальное впечатление. Вернуться в город — значит воскресить его в памяти. Визуальное впечатление, память и возвращение в мире Набокова практически синкретичны.

Французский историк религий М. Элиаде, создавая труд «Миф о вечном возвращении», изучил огромное количество материала: его интересовало устройство праздников, ритуалов, религий, храмов и других сакральных объектов и действий. В книге Элиаде формулирует идею об ином типе времени, которое противостоит привычному нам линейному, историческому времени. С его точки зрения, поскольку для архаического человека любое действие имеет смысл только тогда, когда оно связано с высшими, сакральными слоями бытия, все праздники и ритуалы служат одной цели: выходу за пределы линейного времени и попаданию во время изначального Творения, туда, где по большому счету никакого времени нет. Это и есть возвращение в рай, обретение рая. Текущие ситуации там обнуляются, накопленный жизненный груз сбрасывается, что способствует получению ресурса для дальнейшей жизни. Элиаде видит в таком «вечном возвращении» спасение для современного человека, страдающего, по его мнению, от «ужаса перед историей», от конечности и необратимости всего, что с ним происходит [7]. Существование такого «идеального» времени, попытка прорыва к Творению, туда, где ничего невозможно потерять, потому что в циклическом времени все возвращается, захватило сознание В. Набокова. Как отмечает Н.С. Степанова, «в текстах В.В. Набокова <...> запечатлена способность достигать необычных состояний, в которых человек выходит за пределы трехмерного мира повседневной

жизни и воспринимает более высокую многомерную реальность» [5, с. 10]. Путь к этой многомерной реальности, к другому времени он мыслит через память и зрение. Именно поэтому в текстах о памяти и возвращении так часто возникает образ церкви или собора: возвращение священо, а дореволюционный Петербург — абсолютный сакральный центр.

За исключением Исаакиевского собора и Медного всадника, Набоков практически не ссылается на конкретные произведения архитектуры и живописи, не обращается к реальным шедеврам визуального искусства Петербурга. Ему важнее абстрактные принципы изобразительных искусств, которые он активно переносит в литературу. Его творчество зависит от живописи, фотографии и кинематографа. Он осознал близкое родство человеческой памяти с визуальными искусствами, увидел, что в основе и одного, и другого лежит фиксация зрительного впечатления. Сам его фирменный стиль основан на воспроизведении огромного количества нюансов зримого мира: это вселенная, создатель которой, как и человек из стихотворения Набокова «Око», сведен к одному исполинскому оку. И петербургская тема, которая, по мысли В.Н. Топорова, в донабиковской литературе была связана с очищением и нравственным возрождением, в творчестве В. Набокова слилась с его философией визуального, оказавшись той самой культурной тенденцией второй половины XX – начала XXI в., когда текстовые искусства отодвинулись в сторону периферии общественного внимания, уступив визуальным практикам.

Библиографический список

Источники

1. Гумилев Н. Андрей Рублев [Электронный ресурс]. URL: <http://rurpоеm.ru/gumilev/ya-tverdo-ya.aspx>. (дата обращения: 10.11.2017).
2. Набоков В.В. Собр. соч.: в 5 т. Русский период. СПб.: Симпозиум, 1997–1999.
3. Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990.

Литература

4. Даниэль С. Петербургская тема в романе Владимира Набокова «Дар» // Блоковский сборник XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Тарту, 1996. С. 197–205.
5. Степанова Н.С. Федор Годунов-Чердынцев vs Н.Г. Чернышевский в романе В.В. Набокова «Дар» // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 4 (28). С. 8–14.
6. Стрельникова М.А. Роман В. Набокова «Король, дама, валет»: особенности поэтики // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 1. С. 18–26.
7. Элиаде М. Миф о вечном возвращении [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%AD/eliade-mircha/mif-o-vechnom-vozvraschenii> (дата обращения: 01.09.2018).

Reference

Istochniki

1. *Gumilev N.* Andrej Rublev [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://rupoem.ru/gumilev/ya-tverdo-ya.aspx> (data obrashcheniya: 10. 11. 17).
2. *Nabokov V.V.* Sobr. soch.: v 5 t. Russkij period // SPb.: Simpozium, 1997–1999.
3. *Nabokov V.V.* Sobr. soch.: v 4 t. M.: Pravda, 1990.

Literatura

4. *Daniehl' S.* Peterburgskaya tema v romane Vladimira Nabokova «Dar» / (Blovskij sbornik XIII. Russkaya kul'tura XX veka: metropoliya i diaspora. Tartu, 1996. S. 197–205.
5. *Stepanova N.C.* Fedor Godunov-Cherdy'ncev vs N.G. Cherny'shevskij v romane V.V. Nabokova «Dar» // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2017. № 4 (28). S. 8–14.
6. *Strel'nikova M.A.* Roman V. Nabokova «Korol', dama, valet»: osobennosti poe'tiki // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2018. № 1. S. 18–26.
7. *E'liade M.* Mif o vechnom vozvrashhenii [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%AD/eliade-mircha/mif-o-vechnom-vozvrashhenii> (data obrashcheniya: 01.09.2018).

D.A. Muhachyov

Vision, Memory, Return: Concepts of V. Nabokov's Artistic World

The article analyzes the concepts of visuality, memory and return interrelated in Nabokov's works. The study tackles their nextricable link, as well as describes their role in Nabokov's artistic space.

Keywords: Petersburg; visuality; sacral; eternal return.

УДК 821.111

DOI 10.25688/2076-913X.2019.35.3.15

А.Ю. Юркина

Особенности экспозиции как жанрового компонента структуры романа С. Моэма «Узорный покров»

В статье рассматриваются особенности предисловия и первой главы романа «Узорный покров» С. Моэма. Обосновывается интегративная специфика экспозиции, которая включает в себя предисловие-эссе и сцену из первой главы романа. В экспозиции намечаются проблематика произведения, основной конфликт и особенности жанровых стратегий писателя.

Ключевые слова: конфликт; мелодрама; фабула; сюжет; становление личности.

Экспозиция — важная часть жанровой структуры произведения, с чем единодушно согласны отечественные литературоведы [6, 7, 9]. В романе «Узорный покров» (The Painted Veil, 1925) экспозиция обладает сложной структурой. В нее входит предисловие, в котором писатель рассказал историю замысла романа, раскрыл биографические факты, подтолкнувшие к его созданию, обозначил отличие «Узорного покрыва» от других ранее написанных творений.

Предисловие включает в себя сюжетную зарисовку, которая служит основой фабулы произведения, намечает зерно главного — психологического — конфликта. В то же время писатель раскрывает эстетический принцип, лежащий в основе поэтики романа: отталкивание не от характера, а от сюжета, фабулы. При этом Моэм признает, что разделение это весьма условно и ему трудно объяснить, как соотносятся характеры и фабула. Писатель — зрелый мастер, автор нескольких романов и множества пьес — сознает, что характер неразрывно связан с обстоятельствами и поступками персонажа, зарождается вместе с основным действием. Однако в данном романе механизм осуществления творческого замысла стал иным: характеры были подобраны в соответствии с сюжетом и списаны с людей, которых автор давно знал. Впрочем, как признается Моэм, ему пришлось подыскивать обстановку, подходящую для воплощения сюжета, который он долгие годы прокручивал в голове (turned over in my mind) и который не давал ему покоя. То есть Моэм акцентирует внимание на фабуле, ее первичности, указывает на типичность персонажей. Они оказываются настолько живыми, что в них, как признается писатель, узнают себя реальные люди [1, с. 4].

Автор повествует о том, что заинтересовался историей, послужившей фабулой для романа, будучи еще студентом-медиком, во время своего путешествия по Италии в 1894 г. Во Флоренции он брал уроки итальянского, который учил по «Божественной комедии» Данте. Когда будущий писатель дошел до «Чистилища», то наткнулся на строки, поразившие его воображение:

«Deh, quando tu sarai tornato al mondo, e riposato de la lunga via»,
 seguitò'l terzo spirito al secondo,
 «recorditi di me che son la Pia: Siena mi fe»;
 disfecimi Maremma; salsi colui che' nnanellata pria
 disponando m'avea con la sua gemma [1, с. 3].

(В переводе М. Лозинского:

«Когда ты возвратишься в мир земной
 И тягости забудешь путевые, —
 Сказала третья тень вослед второй, —
 То вспомни также обо мне, о Пии!
 Я в Съене жизнь, в Маремме смерть нашла,
 Как знает тот, кому я в дни былые,
 Меняясь перстнем, руку отдала» [2, с. 178]).

В строках «Чистилища» звучат мотивы жизни и смерти, любви и ревности, которые позднее Моэм перенесет в эпиграф к роману. Строки из поэмы Данте вписываются Моэмом в автобиографический микросюжет: молодая, но религиозная дочь хозяйки дома, где остановился будущий писатель, разъяснила ему процитированные строки, рассказав легенду о Пии, сиенской дворянке. Будучи уличенной мужем в измене, она подверглась изощренному наказанию. Опасаясь мести родни жены в случае ее насильственной смерти, муж отвез Пию в свой замок в Маремме в надежде, что тамошние ядовитые испарения убьют ее, однако Пия долго не умирала, и он приказал выбросить ее из окна. Этот сюжет¹ в переработанном, трансформированном виде лег в основу фабулы романа «Узорный покров», действие которого происходит в колониальном Китае в начале XX в. Строки «Чистилища» готовят читателя к мелодраматической канве произведения, измене и последующему раскаянию героини. «Я в Съене жизнь, в Маремме смерть нашла» — это лирический лейтмотив, поляризующий крайности, рождает в повествовании скрытую тревогу, побуждает к размышлениям о смысле жизни. Религиозный мотив приобретает неоднозначность, литературная аллюзия оттеняется присутствием молодой жизнерадостной особы, дочери хозяйки дома, которая после гибели жениха дала обет безбрачия и собирается со временем уйти в монастырь.

В экспозиции чрезвычайно важен прием монтажа, понимаемый, согласно В.Е. Хализеву, как «со- и противопоставления (подобия и контрасты, аналогии и антитезы), которые не продиктованы логикой изображаемого, но напрямую запечатлевают авторские ход мысли и ассоциации» [10, с. 278]. Ассоциации

¹ На данный сюжет из «Чистилища» Данте художник-прерафаэлит Данте Габриэль Россетти в 1868 г. написал картину «Пия де Толомеи».

в данном случае едва уловимы, аналогии же и контрасты заявлены эксплицитно. Так, по-средневековому мрачная картина чистилища контрастирует с солнечной Флоренцией, кающаяся дворянка Пия — с жизнерадостной флорентийкой, преданной своему умершему жениху. Внутренние, эмоционально-смысловые, ассоциативные «сцепления» между персонажами и событиями здесь более значимы, чем пространственно-временные и причинно-следственные связи. В завершение предисловия Моэм переносится в современный ему Китай, где, по его словам, после выхода романа последовали угрозы судебного разбирательства от людей, узнавших в персонажах себя, так что пришлось изменить имена героев и место действия. Моэм сравнивает Китай с Англией, сетуя, что в Англии можно показать на сцене премьер-министра, архиепископа или лорд-канцлера, и «люди и бровью не поведут». Таким образом, хронотоп расширяется, соединяя воедино открытое и видимое пространство Флоренции с фантастическим и замкнутым пространством чистилища, Сиену с Мареммой, пространство современного Китая с Англией.

Последовательно погружая читателя то в атмосферу жизнерадостной и загадочной Италии, то мрачного средневекового дантевского «Чистилища», автор подчеркивает антитезу жизни и смерти, масштабность внутренних перемен в результате духовного путешествия, предстоящего главной героине произведения. При этом Моэм создает неполную экспозицию, которая представляет мало сведений о персонажах, обстановке, основном действии, но подготавливает к восприятию параллели между раннеренессансным драматическим сюжетом и современностью.

Писатель предваряет текст романа эпиграфом из сонета П.Б. Шелли: «... the painted veil which those who live call Life» (сокращенное «Lift not the painted veil which those who live call Life») («О, не приподнимай покров узорный, / Который люди жизнью называют»).

Наряду с цитатой из «Чистилища» Данте эти строки играют важную роль в экспозиции ко всему роману. Они вводят философско-метафорический подтекст, так как отрывок из сонета содержит в себе центральную метафору «узора жизни», тему смысла жизни, остро звучащую в романе.

Сюжетная экспозиция (сцена свидания героев), намечающая будущий конфликт, содержится в первой главе романа, где с начальных строк создается атмосфера предчувствия беды. Здесь возникает «нарративное движение несчастливой линии судьбы», которое, по мнению И.В. Трикозенко, выступает характерным мелодраматическим элементом произведения [8, с. 5]. С ней солидарен анонимный современник Моэма в критическом обзоре романа в *New York Times* «Mr Maugham Excels as a Craftsman» (1925): «In the first pages we are prepared for the usual objective performance, for pitiless characterization and motivation and the thump of doom beating ominously in the offing like an overtone, like that maddening, savage drum in Emperor Jones» [10, p. 160]. («На первых страницах мы подготавливаемся к объективному действию, безжалостному созданию образов и мотиваций, ударам судьбы, зловеще стучащим невдалеке,

словно обертон, как тот сводящий с ума, дикий барабан в “Императоре Джонсе”») (здесь и далее перевод наш. — А. Ю.). Критик указывает на экспозицию героев, которая укладывается в традиционное мелодраматическое русло — злодеи и герои: «Here again are vulgar English folk, cruel, selfish, grasping, thorough villains, careful never to break the law, faithful only to arbitrary concepts self-created and self-obeyed. Here again is the sinister heroine, Kitty by name, weak and unemotional, pushed on by a managing mother, ignored by a pliant, wretched father...» [10, p. 161]. («Здесь есть заурядные англичане, жестокие, себялюбивые, хваткие, совершенные негодяи, которые стараются не нарушать закон, верные представлениям, которые они сами же создали и которым сами подчиняются. Здесь есть плохая героиня по имени Китти, слабая и неэмоциональная, подталкиваемая властной матерью и податливым жалким отцом...»).

Другим мелодраматическим элементом экспозиции служит коллизия любовного треугольника, соединяющая главных героев. Используя ситуацию супружеской измены, автор формирует напряженно-эмоциональные читательские ожидания.

Важнейшей особенностью первой главы-экспозиции, которая строится как драматическая сцена, является отсутствие традиционного экспозиционного материала: в ней не характеризуется обстановка, не излагаются обстоятельства, предшествующие началу действия, не содержатся «сведения о персонажах и обстоятельствах в период времени, непосредственно предшествующий завязке произведения, разворачиванию конфликта» [7, с. 507]. Традиционная экспозиция возникает несколькими главами позднее. Цель подобного построения произведения, когда завязка конфликта происходит непосредственно в первой главе, а ей предшествует лишь неполная экспозиция в предисловии, объясняется В.Е. Хализевым, который считал, что «в основе временной организации произведения лежат определенные закономерности. Каждое последующее текстовое звено призвано что-то приоткрыть читателю, обогащать его какими-то сведениями, главное же — будить его воображение, чувство, мысль, не вызванные сказанным ранее» [9, с. 280, 281]. Кроме того, здесь прием монтажа реализуется в виде хронологической перестановки. Стремительно развертывающая интригу, Моэм вводит главных героев, застигнутых врасплох, формирует динамику любовно-психологической коллизии, призванной с первых минут пробудить воображение читателя и интерес к драматическим событиям, которые вот-вот произойдут.

Первую главу романа, согласно классификации Л. Гинзбург [6, с. 17], можно определить как объективно-изобразительную экспозицию. Рисуя свидание Китти и Таунсенда, автор предоставляет читателю, как в пьесе, почти лишенной авторских ремарок, самому делать выводы из сцен и диалогов. Л. Гинзбург писала, что «эпоха, литературное направление, индивидуальная система писателя порождают разновидности подобных экспозиций» [Там же]. Сцена-экспозиция полисемантическая, в ней заложено много повествовательных

слоев и смыслов. В отношении Уолтера Фейна это экспозиция субъективно-изобразительная, так как другие персонажи дают ему косвенную оценку, характеризуют его. В то же время это экспозиция-загадка. Уолтер не появляется перед любовниками, остается за дверью, пока Китти и Таунсенд дрожат от страха в спальне. Муж не врывается в комнату, а молча уходит, лишь попытавшись открыть дверь и ставни.

По мнению Л. Гинзбург, смысл экспозиции персонажа состоит в том, чтобы задать читательское отношение, установку восприятия, без которой персонаж не в состоянии выполнять свои функции [6, с. 18]. В романе Моэма Китти с первых строк предстает как увлеченная страстью женщина, забывшая об осторожности, Чарльз Таунсенд изображен холодным и расчетливым снобом. Уолтер Фейн — загадочным и непредсказуемым. Такая расстановка персонажей вместе с задержанной экспозицией, в которой изображен период жизни героев, непосредственно предшествующий завязке конфликта, способствует углублению драматизма, формирует горизонт читательских ожиданий. Читатель не знает еще, как будут развиваться события и как поступят герои, если их вдруг разоблачат, но уже в экспозиции намечен конфликт, который получает свое развитие в дальнейшем.

Вводные экспозиционные главы формируют особенности художественного пространства романа. Т.В. Брехова указывает на структурированность и своеобразие художественного пространства в произведении Моэма, в том числе при обрисовке каждого из героев [4, с. 2]. Это пространство намечено в экспозиции: у Уолтера Фейна оно, замкнутое и темное, не изменяется со временем; у Китти, изображенное первоначально узким и замкнутым, в ходе сюжета расширяется.

В первой главе комфортная жизнь Китти, ограниченная рамками дома и спальни, нарушается неожиданным стуком в дверь во время любовного свидания. С этого момента героиня не чувствует себя в безопасности. Она выглядывает из-за ставен, заглядывает в другие комнаты. Впоследствии границы пространства героини расширяются, символизируя ее духовный рост. Таким образом, первая глава показывает ограниченность внутреннего мира Китти, неизвестность, таящуюся за пределами ее пространства. Страх Китти и Таунсенда перед разоблачением, переданный с помощью символики стука в дверь, закрытых ставен и мистически поворачивающихся в тишине белых дверных ручек, становится эмоциональной доминантой в первой главе. Эффекту нарастания страха способствует употребление соответствующих эпитетов: *пугающий, жуткий, сверхъестественный*; описание мимики и поведения персонажей.

Все вместе — предисловие с его аллюзиями на средневековый сюжет и первая глава, содержащая завязку действия и интригу, — образуют своеобразный хронотоп произведения. При этом предисловие, по форме приближенное к жанру эссе, играет особую роль, так как контраст современной Италии с ее солнечными виноградниками и «Божественной комедии» Данте

символизирует рай и ад, а заданная в нем антиномия становится лейтмотивом на протяжении всего романа. Мотив жизни и смерти в романе одновременно является сюжетно-образным и идейным, так как влияет на систему образов, а также на выражение главной идеи произведения [3, с. 9–10].

Хронотоп экспозиции, включающей в себя эссе-предисловие и сцену-свидание, подчинен реализации художественного замысла писателя, рисующего сложно переплетающийся поток событий, процесс постепенно вызревающей эволюции героини, судьба которой вызывает читательскую рефлексию. Интерес поддерживается не только мелодраматической интригой, но и перерастающей ее границы художественной проблематикой романа, в котором автор обращается к вечным вопросам — жизни и смерти, любви и счастья. Нарастанию эмоционального напряжения способствуют и авантюрно-экзотические элементы сюжета: китайский город Мэй-дань-фу, особенности восточной культуры. Хронотоп романа представляет сложный художественный конгломерат жанровых элементов, соединяющий разные пространственные эпохи и горизонты, временные измерения и судьбы персонажей в неразрешимых коллизиях, несовпадениях личностных устремлений героев к счастью.

Необходимо отметить кинематографичность произведения [5], которая проявляется как в его композиции, использовании приема монтажа, так и акценте на диалогах, что позволяет говорить еще об одном аспекте современности романа. Моэм предстает как писатель-аналитик, осознанно выстраивающий композицию любовно-психологического романа с глубоким философским подтекстом, и в то же время как писатель-рассказчик, выстраивающий занимательную историю с целью донести свой голос до самого широкого круга читателей.

Анализ экспозиции как жанрового элемента структуры романа «Узорный покров» позволяет осмыслить специфику повествовательных стратегий писателя, владеющего всеми регистрами построения интриги; приоткрыть тайну долговременного успеха романа у читательской публики, подтвердить репутацию «Узорного покров» как одного из лучших романов XX в.

Библиографический список

Источники

1. Моэм С.У. Узорный покров // Собр. соч.: в 5 т. М.: Худ. лит., 1991. Т. 1. 671 с.
2. Данте А. Божественная комедия. М.: Наука, 1967. 627 с.

Литература

3. Баранова К.М., Афанасьева О.В. Образ нового Адама в американской колониальной литературе XVII века // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 3 (15). С. 8–17.
4. Брехова Т.В. Особенности художественного пространства романа У.С. Моэма «Узорный покров» // Актуальные проблемы государственных и естественных наук. М.: НИИЦ, 2009. Вып. 3. Т. 2. С. 27–30.

5. *Брехова Т.В.* Сомерсет Моэм: Литература и кино // *Мировая литература в контексте культуры*. 2009. № 4. С. 280–282.
6. *Гинзбург Л.* О литературном герое. Л.: Сов. писатель, 1979. 223 с.
7. *Калашников В.А.* Экспозиция // *Литературный энциклопедический словарь*. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
8. *Трикозенко И.В.* Художественная проза С. Моэма в контексте английской литературы XIX – начала XX века: Слагаемые успеха: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2003. 181 с.
9. *Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Академия, 2013. 432 с.
10. W. Somerset Maugham (Collected Critical Heritage), Routledge: New Ed Edition, 2013. 488 p.

Reference

Istochniki

1. *Moe'm S.U.* Uzorny'j pokrov // *Sobr. Soch.:* v 5 t. М.: Xud. lit., 1991. Т. 1. 671 s.
2. *Dante A.* Bozhestvennaya komediya. М.: Nauka, 1967. 627 s.

Literatura

3. *Baranova K.M., Afanas'eva O.V.* Obraz novogo Adama v amerikanskoj kolonial'noj literature XVII veka // *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2014. № 4 (15). S. 8–17.
4. *Brexova T.V.* Osobennosti xudozhestvennogo prostranstva romana U.S. Moe'ma «Uzorny'j pokrov» // *Aktual'ny'e problemy' gosudarstvenny'x i estestvenny'x nauk*. М.: НИИТs, 2009. Вы'п. 3. Т. 2. S. 27–30.
5. *Brexova T.V.* Somerset Moe'm: Literatura i kino // *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury'*. 2009. № 4. S. 280–282.
6. *Ginzburg L.* O literaturnom geroe. L.: Sov. pisatel', 1979. 223 s.
7. *Kalashnikov V.A.* E'kspoziciya // *Literaturny'j e'nciklopedicheskij slovar'*. М.: Sov. e'nciklopediya, 1987. 752 с.
8. *Trikozenko I.V.* Xudozhestvennaya proza S. Moe'ma v kontekste anglijskoj literatury' XIX – nachala XX veka: Sлагаemy'e uspeha: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03. М., 2003. 181 s.
9. *Xalizev V.E.* Teoriya literatury'. М.: Akademiya, 2013. 432 с.
10. W. Somerset Maugham (Collected Critical Heritage), Routledge: New Ed Edition, 2013. 488 p.

A. Yu. Yurkina

Features of Exposition as Novel Structure Genre Component in «The Painted Veil» by W. Somerset Maugham

The article regards the features of the preface and the first chapter of «The Painted Veil» by S. Maugham. The emphasis is on the integrative specific of the exposition that includes the preface and the scene from the first chapter of the novel. The exposition tackles the problematics of the novel, principal conflict and the writer's specific genre patterns.

Keywords: conflict; melodrama; plot; story; literary space; personality formation.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ», 2019, № 3 (35)**

Аверина Мария Александровна — аспирант кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: a.aum@mail.ru

Гулиянц Анна Борисовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: saga-2@mail.ru

Гулиянц Светлана Борисовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: saga-2@mail.ru

Домбровский Тадеуш Станиславович — магистр, старший преподаватель кафедры перевода и дидактики Института русистики Лодзинского университета.

E-mail: tadeushd@mail.ru

Калашников Сергей Борисович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: sergeyk34@gmail.com

Канунникова Ирина Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин ИГН МГПУ.

E-mail: KanunnikovaIA@mail.ru

Кондратова Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского языка ИИЯ МГПУ; поэт, член Союза писателей России.

E-mail: kondratovatat@rambler.ru

Коханова Валентина Александровна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и методики преподавания филологических дисциплин ИГН МГПУ.

E-mail: KokhanovaVA@mail.ru

Красовицкая Юлия Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры германистики и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: krasovizkaya-yulia@yandex.ru

Макарова Светлана Анатольевна — доктор филологических наук, редактор издательства «ЛЕКСРУС»

E-mail: svetlanamakarova658@gmail.com

Мухачев Дмитрий Андреевич — независимый исследователь.

E-mail: dmuhachyov@gmail.com

Ризаева Кристина Владимировна — независимый исследователь.

E-mail: minushinak@gmail.com

Скворцов Арсений Владимирович — кандидат технических наук, магистр преподавания китайского языка как иностранного, доцент, докторант факультета китайского языка Института литературы Нанькайского университета.

E-mail: id.skvortsov2012@yandex.ru

Собянина Валентина Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: valensob@mail.ru

Чаплин Евгений Владимирович — аспирант кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: evgenychaplin@yandex.ru

Шаповал Виктор Васильевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры методики преподавания истории, обществознания и права ИГН МГПУ.

E-mail: liloro1@yandex.ru

Шпильная Надежда Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета.

E-mail: venata85@mail.ru

Юркина Анна Юрьевна — аспирант кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета.

E-mail: ayuerto@gmail.com

**Authors of «MCU Vestnik»,
Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education»,
2019, № 3 (35)**

Averina Mariya Alexandrovna — graduate student of the Department of Russian Literature, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: a.aum@mail.ru

Chaplin Evgeny Vladimirovich — postgraduate of Linguistics and Translation Studies department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: evgenychaplin@yandex.ru

Dombrovsky Tadeush — M.A., Senior Lecturer, Department of Translation and Didactic Methods, Institute of Russian Studies on The University of Lodz.

E-mail: tadeushd@mail.ru

Guliyants Anna Borisovna — PhD (Pedagogy), docent, associate professor of Linguistics and Translation Studies Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: saga-2@mail.ru

Guliyants Svetlana Borisovna — PhD (Pedagogy), docent, associate professor of Linguistics and Translation Studies Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: saga-2@mail.ru

Kalashnikov Sergey Borisovich — PhD (Philology), docent, associate professor of Department of the Russian literature, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: sergeyk34@gmail.com

Kanunnikova Irina Alekseevna — PhD (Philology), associate Professor of the Department of Russian language and methods of teaching philological disciplines, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: KanunnikovaIA@mail.ru

Kokhanova Valentina Alexandrovna — PhD (Philology), associate Professor, the Head of the Department of Russian language and methods of teaching philological disciplines, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: KokhanovaVA@mail.ru

Kondratova Tatiana Ivanovna — PhD (Philology), associate professor of Chinese language Department, Institute of foreign languages, MCU; poet, a member of the Union of writers of Russia.

E-mail: kondratovatat@rambler.ru

Krasovizkaya Yuliya Vladimirovna — PhD (Philology), senior assistant professor of Germanistics and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: krasovizkaya-yulia@yandex.ru

Makarova Svetlana Anatolyevna — Doctor of Philology, editor of Publishing House «LEKSRUS».

E-mail: svetlanamakarova658@gmail.com

Muhachyov Dmitriy Andreevich — the independent researcher.

E-mail: dmuhachyov@gmail.com

Rizaeva Kristina Vladimirovna — the independent researcher.

E-mail: minushinak@gmail.com

Shapoval Viktor Vasilyevich — PhD (Philology), docent, associate professor of department of Teaching Methods in History, Social Science and Law, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: liloro1@yandex.ru

Shpil'naya Nadezhda Nikolaevna — Doctor of Philology, full professor, professor of General and Russian Linguistics Chair, Altai State Pedagogical University.

E-mail: venata85@mail.ru

Skvortsov Arseny Vladimirovich — PhD (Technical Sciences), master degree in teaching Chinese as a foreign language, associate professor; PhD student with Department of Chinese language and literature, School of Literature, Nankai University.

E-mail: id.skvortsov2012@yandex.ru

Sobyanina Valentina Alexandrovna — Doctor of Philology, full professor, professor of Germanistics and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: valensob@mail.ru

Yurkina Anna Yuryevna — post-graduate of Department of the History of Foreign Literature, Faculty of Russian Philology, Moscow State Regional University.

E-mail: aypuerto@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться следующими требованиями к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия на русском языке помещается аннотация (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяет их точка с запятой. Также указывается автор, название статьи, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка». Также приводится транслитерация библиографического списка в соответствии с ГОСТ 7.79–2000.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3, с. 147].

6. Рукопись подается в редакцию журнала на электронном и бумажном носителях.

7. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов), отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей), заверенный печатью и подписью.

8. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на официальном сайте журнала: vestnik.mgpu.ru.

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора *Ларисе Георгиевне Викуловой* (Москва, Малый Казенный пер., 5б, каб. 444).

Телефон редакции: (495) 607-76-37.

E-mail: VikulovaLG@mgpu.ru

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
2019, № 3 (35)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62502 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор педагогических наук, профессор *Е.Г. Тарева*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

Е.С. Терновскова

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

Л.А. Борботько

Техническое редактирование и верстка:

Г.П. Васильева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36.
Сайт: vestnik.mgpu.ru.

Подписано в печать: 16.09.2016 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Объем: 8,75 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.